

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 4 (63) 2022

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. И. Третьяков, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

С. М. Голятина, преподаватель кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. Т. Аширбекова, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

О. П. Грибунов, директор Иркутского юридического института — филиала Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

И. С. Дикарев, начальник института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» — 22761.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редактор
Т. В. Рассказова

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
30.11.2022.

Дата выхода в свет:
06.12.2022.

Формат 60Х84/8.
Печать офсетная.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 18,5.
Усл. печ. л. 17,2.
Тираж 500 экз. (1 – 200).
Заказ 50.

Цена по подписке
на 2022 г.
по каталогу
«Пресса России»
1194 руб. 00 коп.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2022

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

С. В. Катков, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ненад Милич, проректор по учебной работе Криминалистического полицейского университета (Сербия), доктор юридических наук, профессор.

Д. М. Миразов, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор.

А. Л. Осипенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, главный научный сотрудник по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Победкин, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

В. А. Ручкин, профессор кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

А. С. Самоделкин, начальник НИЦ № 2 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

К. К. Сейтенов, профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. С. Чичерин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

М. А. Шматов, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

С. А. Янин, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской
академии МВД России /
Journal of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia. —
Volgograd :
VA MVD Rossii, 2022. —
No 4 (63). — 148 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles
and bibliographic lists
are placed on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-75804
as of May 23, 2019

Subscription
at the catalogue
"Pressa Rossii" – **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

No 4 (63)
2022

EDITOR-IN-CHIEF

V. I. Tretyakov, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Academy for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

M. S. Kolosovich, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

EXECUTIVE SECRETARY

S. M. Golyatina, lecturer at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

The editorial council

A. P. Alekseeva, Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Professional and Psychological Training and Management of Internal Affairs Bodies of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, Senior Researcher of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination of the South Ural State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. T. Ashirbekova, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

M. V. Bavsun, Deputy Head of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Glebov, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

O. P. Gribunov, Head of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

I. S. Dikarev, Head of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

O. B. Dronova, Professor at the Department of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

Editor
T. V. Rasskazova

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
30.11.2022.

Date of publication:
06.12.2022.

Format 60X84/8.
Offset printing.
Font Arial.
Physical print sheets 18,5.
Conventional print sheets 17,2.
500 copies (1 – 200).
Order 50.

Subscription price
for the 2022
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1194 rub. 00 kop.
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2022

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

S. V. Katkov, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Head of the Department of the Civil Service and Personnel of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the Interior Bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Nenad Milić, Vice-Rector for teaching of the University of Criminal Investigation and Police Studies (Serbia), Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. L. Osipenko, Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Chief Researcher for the Study of Problems of the History of the Ministry of the Interior of Russia of the Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

G. A. Pechnikov, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. V. Pobedkin, Head of the Department of Criminal Policy of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. A. Ruchkin, Professor at the Department of Forensic Examination and Physical Materials Science of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. S. Samodelkin, Head of the Research Center No. 2 of the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

K. K. Seitenov, Professor at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Senior Researcher of Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. S. Chicherin, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

M. A. Shmatov, Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

S. A. Yanin, Professor at the Investigation Work Organization Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Ардзинба М. Д.
Особенности установления размеров
наркотических средств и психотропных веществ
по законодательству России
и Республики Абхазия

9

Вологина Е. В., Голоманчук Э. В.
Отдельные особенности профилактики
коррупционной преступности
и коррупционных правонарушений

15

Плешаков А. М., Колосович М. С.
Красная книга Российской Федерации
и уголовный закон

22

Савушкин С. М.
Вопросы раздельного содержания
изолированных лиц
в «праве лишения свободы»

28

*Сенцов А. С., Волколупова В. А.,
Волколупов В. Г.*
Основные направления
дальнейшего совершенствования
нового уголовного законодательства,
принятого в условиях проведения
специальной военной операции на Украине

35

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Глебов В. Г.
Тенденции совершенствования и повышения
эффективности уголовного судопроизводства

43

Колосович О. С.
Обеспечение прав и законных интересов
участников уголовного судопроизводства
при применении норм института
приостановления производства
по уголовному делу и осуществлении
международного сотрудничества

51

Росовская Е. В.
Влияние использования видео-конференц-связи
при допросе свидетеля
на достоверность его показаний

59

CONTENTS

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

Ardzinba M. D.
Features of establishing the amount
of narcotic drugs and psychotropic substances
under the legislation of Russia
and the Republic of Abkhazia

Vologina E. V., Golomanchuk A. V.
Individual features of the prevention
of corruption crimes
and corruption offenses

Pleshakov A. M., Kolosovich M. S.
Red data book of the Russian Federation
and criminal law

Savushkin S. M.
Issues of separate detention
of isolated persons
in the "right for deprivation of liberty"

*Sentsov A. S., Volkolupova V. A.,
Volkolupov V. G.*
The main directions of further improvement
of the new criminal legislation
adopted in the context
of a special military operation
in the Ukraine

CRIMINAL PROCEDURE

Glebov V. G.
Trends in improving and increasing
the efficiency of criminal proceedings

Kolosovich O. S.
Ensuring rights and legitimate interests
of participants of criminal proceedings
in the application suspension institute regulations
of criminal case proceedings
and the implementation
of international cooperation

Rosovskaya E. V.
The influence of the use of video conferencing
during the interrogation of a witness
on the credibility of witness's testimony

<i>Свежинцев Е. И.</i> Проблемные аспекты привлечения педагога и психолога при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетнего	65	<i>Svezhintsev E. I.</i> Problem aspects of involving a teacher and psychologist in criminal proceedings with the participation of a minor
<i>Стельмах В. Ю.</i> Некоторые аспекты соотношения конституционно-правовой и уголовно-процессуальной терминологии при имплементации решений Конституционного Суда Российской Федерации в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации	73	<i>Stelmakh V. Yu.</i> Some aspects of correlation between constitutional-legal and criminal-procedural terminology in the implementation of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation
<i>Шувалов Н. В.</i> Получение образцов для сравнительного исследования: проблемы и решения	81	<i>Shuvalov N. V.</i> Obtaining samples for comparative study: problems and solutions
КРИМИНАЛИСТИКА		CRIMINALISTICS
<i>Климова Я. А.</i> Перспективы применения цифровой криминалистики для оптимизации расследования преступлений	87	<i>Klimova Ya. A.</i> Prospects of digital forensics application to optimize the investigation of crimes
<i>Кокушев А. Б.</i> Функциональные задачи, решаемые оперативно-криминалистическими подразделениями МВД Республики Казахстан посредством использования информационных систем	94	<i>Kokushev A. B.</i> Functional tasks solved by the operational-criminalistic unit of the MIA of the Republic of Kazakhstan through the use of information systems
<i>Попова О. А.</i> Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования преступлений, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических правил, направленных на предупреждение распространения новой коронавирусной инфекции covid-19	100	<i>Popova O. A.</i> Typical investigative cases of the initial stage of investigation of the crimes involving violation of sanitary and epidemiological rules aimed at preventing spread of new coronavirus infection covid-19
<i>Рыжков И. В.</i> Экспертное усмотрение сквозь призму организации функционирования натуральных справочно-информационных фондов	106	<i>Ryzhkov I. V.</i> Expert discretion through a prism organization of the functioning of full-scale reference and information funds

<p><i>Сергеева О. В., Соколов А. Б., Зиненко Ю. В.</i>
Критерии оценки следователем заключения
судебно-медицинского эксперта
по уголовным делам
о ятрогенных преступлениях</p>	112	<p><i>Sergeeva O. V., Sokolov A. B., Zinenko Yu. V.</i>
Criteria for evaluation by the investigator
of the conclusion of a forensic expert
on criminal cases
on iatrogenic crimes</p>
<p><i>Сидоренко О. В.</i>
Современные проблемы работы
с трасологической следовой информацией</p>	121	<p><i>Sidorenko O. V.</i>
Modern problems of dealing
with trasological trace information</p>
<p><i>Сычева А. В.</i>
О способах совершения мошенничеств
посредством социальной инженерии
в современных условиях
и методах их предупреждения</p>	127	<p><i>Sycheva A. V.</i>
On the ways of committing fraud
through social engineering
in modern conditions
and methods of their prevention</p>

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

<p><i>Корнаухова Н. Г., Новичихин П. Г.</i>
Деятельность оперативных подразделений
МВД России по противодействию дискредитации
сотрудников органов внутренних дел</p>	133	<p><i>Kornaukhova N. G., Novichikhin P. G.</i>
Activity of the police task units
of the Interior Ministry of Russia
to counteract police officers discredit</p>
<p><i>Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В.</i>
Возраст содействия органам, осуществляющим
оперативно-разыскную деятельность,
как правовая категория</p>	139	<p><i>Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V.</i>
The age of coacting to the agencies carrying out
operative investigative activity
as a legal category</p>

УДК 347.57

doi: 10.25724/VAMVD.A048

**ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ РАЗМЕРОВ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ**

Мансур Даурович Ардзинба

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, wertzerg@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены особенности установления размеров наркотических средств и психотропных веществ (далее — НСПВ) в России и Республике Абхазия, приведены статистические данные о преступлениях в сфере их незаконного оборота. Представлены положения уголовного законодательства в сфере противодействия незаконному обороту НСПВ. Проанализировано правовое развитие понятия «размер наркотического средства». Автором проведено сравнительное исследование законодательства России и Республики Абхазия, рассмотрены проблемы обоснованности установленных законодателем определенных размеров НСПВ, их общественная опасность с точки зрения причинения вреда здоровью населения. Представлены данные научных исследований воздействия наиболее распространенных в Республике Абхазия и Российской Федерации НСПВ на организм. На основании перечисленного сформулированы выводы и предложения по пересмотру установленных Кабинетом министров Республики Абхазия размеров НСПВ и необходимости включения в Уголовный кодекс Республики Абхазия наряду с «крупным» и «особо крупным» такого признака, как «значительный размер», определив соответствующие сроки и размеры наказания.

Ключевые слова: наркотические средства; психотропные вещества; дифференциация размеров; преступление; значительный, крупный, особо крупный размеры; незаконный оборот

Для цитирования: Ардзинба М. Д. Особенности установления размеров наркотических средств и психотропных веществ по законодательству России и Республики Абхазия // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 9—14. doi: 10.25724/VAMVD.A048

**FEATURES OF ESTABLISHING THE AMOUNT
OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES
UNDER THE LEGISLATION OF RUSSIA
AND THE REPUBLIC OF ABKHAZIA**

Mansur Daurovich Ardzinba

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, wertzerg@gmail.com

Abstract. The article discusses the features of establishing the amount of narcotic drugs and psychotropic substances (hereinafter referred to as NDPS) in Russia and the Republic of Abkhazia. The provisions of the criminal legislation in the field of combating the NDPS illegal trafficking are given. The legal development of the concept of "narcotic drug amount" is analyzed. The author carried out a comparative study of the legislation of Russia and the Republic of Abkhazia, considered the problems of the validity and rationality of certain amount of NDPS established by the legislator, their public danger from the point of causing harm to public health. The data of scientific studies of the effects of NDPS on the human body are analyzed. Therefore, the article formulates conclusions and proposals for revising the amounts of NDPS established by the Cabinet of Ministers of the Republic of Abkhazia and the need to include in the Criminal Code of the Republic of Abkhazia, along with "large" and "especially large", such a criteria as "significant amount", setting the appropriate deadlines and the extent of the punishment.

Keywords: narcotic drugs; psychotropic substances; amount differentiation; crime; significant, large, especially large amount; illicit trafficking

For citation: Ardzinba M. D. Features of establishing the amount of narcotic drugs and psychotropic substances under the legislation of Russia and the Republic of Abkhazia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—14, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A048

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ (НСПВ) является одной из актуальных проблем современного общества, что представляет серьезную угрозу здоровью населения, экономике любой страны, правопорядку, а также безопасности государства. Правовые основы государственной политики в сфере оборота НСПВ в России и Республике Абхазия установлены Федеральным законом «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ.

Уровень незаконного распространения НСПВ среди населения, как в России, так и в Республике Абхазия, сохраняется высоким. Спрос на наркотики заметно растет, что, в свою очередь, порождает рост преступности. Согласно официальной статистике МВД Республики Абхазия в 2016 г. на ее территории было зарегистрировано 138 преступлений, в 2017 г. — 179, 2018 г. — 224, 2019 г. — 207 и в 2020 г. — 221¹. Ввиду роста количества наркопреступлений возникает необходимость поиска и реализации адекватных и эффективных правовых мер противодействия незаконному обороту НСПВ.

Понятие «размер наркотического средства» в Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) до 2003 г. не было сформулировано. Законодатель в самом законе не закреплял размера доз. Таблица, ее разработка и утверждение были отнесены к ведению правительства. Понятие «средняя разовая доза» появилось в российском законодательстве в мае 2004 г. в постановлении Правительства Российской Федерации от 6 мая 2004 г. № 23², которое в настоящее время утратило свою силу. Размер крупный (более 10 среднеразовых доз) или особо крупный (более 50 доз) определялся исходя из количества этих доз и исчислялся в граммах. Доза — это количество вещества, введенное или попавшее в организм и выражающееся в весо-

вых, объемных или условных (биологических) единицах. Разовая доза — количество вещества на один прием. Размеры доз в постановлении указаны из расчета чистого веса того или иного НСПВ, а не в их смеси. Определение размера разовой дозы того или иного наркотика вызывало затруднения, поскольку необходимо было учитывать такие критерии, как медицинский, социальный и юридический. Позднее от понятия средней разовой дозы российский законодатель отказался, а в Республике Абхазия и вовсе не существовало такой дефиниции.

Кроме того, в России до 2012 г. размеры наркотических средств и психотропных веществ были установлены в сводной таблице экспертных заключений Постоянного комитета по контролю наркотиков «Об отнесении к небольшим, крупным и особо крупным размерам количеств НСПВ и сильнодействующих веществ, обнаруженных в незаконном владении или обороте». Такая таблица имела статус экспертного заключения и нормативным актом не являлась, а закрепленная ею дифференциация размеров на крупные и особо крупные носила для суда исключительно рекомендательный характер.

Понятие «значительный размер» также не было определено, речь шла о небольшом размере. Таким образом, российским уголовным законом не было установлено четких критериев относительно размеров, этот вопрос решался судом в каждом конкретном случае (учитывались количество, свойство и степень воздействия на организм человека). Определенные рекомендации по данному вопросу были разработаны Постоянным комитетом по контролю наркотиков³. Обвинительные приговоры в какой-то степени имели субъективный характер.

Возможно, сбыт наркотиков в то время осуществлялся не в таких объемах, как сегодня, и это влияло на размер разовой дозы. Правоприменители подходили индивидуально к оценке воздействия наркотика на организм и на этом основании определяли ее размер.

¹ См.: Статистика с официального сайта МВД Абхазии. URL: <https://www.mvdra.org/statistics/9417/> (дата обращения: 18.04.2022).

² Об утверждении размеров средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2004 г. № 231 (утратило силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Экспертное исследование наркотических средств, получаемых из фенилпропаноламина: метод. рекомендации (утв. Постоянным комитетом по контролю наркотиков, протокол от 16 января 2003 г. № 1/87-2003). URL: <https://jurbase.ru/texts/sector059/tes59484.htm> (дата обращения: 18.04.2022).

С появлением новых наркотических средств и психотропных веществ возникла необходимость для конкретных их видов закрепить следующие размеры: «значительный», «крупный» и «особо крупный». В настоящее время классификация НСПВ по соответствующим размерам регулируется постановлением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2017 г. № 1002¹, причем размеры определены в граммах с пометкой «свыше».

Законодатель Республики Абхазия ввел аналогичные меры по противодействию незаконному обороту НСПВ. До 2012 г. Уголовный кодекс Республики Абхазия (УК РА) в ст. 223 предусматривал две части: основной состав (ч. 1), где установлена ответственность за совершение деяний в крупном размере; квалифицированный состав (ч. 2), где говорилось об особо крупном размере, но значительный размер так и не был установлен.

Так, 21 марта 2011 г. около 22 ч 00 мин в г. Гулрыпш Республики Абхазия в результате реализации оперативной информации сотрудниками УВД по Сухумскому району на Абжуйском шоссе была остановлена автомашина марки «Тойота» под управлением Р. З. Вардании. После обследования указанного транспортного средства в нижней левой части панели приборов был обнаружен и изъят фольгированный сверток с наркотическим средством каннабис (марихуана) массой 9 г, что является особо крупным размером. Приговором Гулрыпшского районного суда Республики Абхазия гражданин Вардания был осужден по ч. 2 ст. 223 УК РА к 10 годам лишения свободы².

Позднее Законом Республики Абхазия от 7 августа 2012 г. № 3187-с-V была введена в УК РА ст. 223 (незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических

средств, психотропных веществ или их аналогов)³. Данная статья включала три части: основной состав (ч. 1), где размер НСПВ не имел значения для квалификации, и квалифицированные составы (ч. 2 и 3), в которых установлены крупный и особо крупный размеры.

Таким образом, значительный размер не был предусмотрен, поэтому любое количество наркотического средства или психотропного вещества до крупного охватывается ч. 1 ст. 223 УК РА. Не имелось градации между административным правонарушением и преступлением по количеству незаконного приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки без цели сбыта наркотического средства или психотропного вещества.

Следует отметить, что в постановлении Кабинета министров Республики Абхазия от 17 июля 2013 г. № 76⁴ крупным размером признается такой объем наркотического или психотропного вещества, который по российскому законодательству признается как значительный, и санкция за данное деяние существенно ниже (минимальный срок лишения свободы по УК РФ составляет два месяца). Так, за незаконное хранение марихуаны в размере 4 г (что составляет крупный размер), согласно ст. 223 УК РА, предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от одного до трех лет, тогда как в соответствии с ч. 1 ст. 228 УК РФ за то же действие предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, поскольку по российскому законодательству указанный размер является значительным. Соотношение размеров такого наркотического средства, как марихуана, представим в сравнительной таблице (табл. 1).

¹ Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров НСПВ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 г. № 1002 (ред. от 24.01.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор Гулрыпшского районного суда от 24 марта 2011 г. № 1/36, г. Гулрыпш. Уголовное дело № 071901/2013 // Архив Верховного суда Республики Абхазия.

³ Уголовный кодекс Республики Абхазия (по сост. на 29 ноября 2012 г.). URL: http://abkhazia-pmr.org/files/legislation/ug_kodeks.pdf (дата обращения: 18.04.2022).

⁴ См.: Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 223, 224, 224.1 и 226 Уголовного Кодекса Республики Абхазия, а также крупных размеров запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества, для целей статьи 228 Уголовного кодекса Республики Абхазия: постановление Кабинета министров Республики Абхазия от 17 июля 2013 г. № 76 // Официальный сайт Кабинета министров Республики Абхазия. URL: <https://www.km-ra.org/> (дата обращения: 23.05.2022).

**Соотношение размеров марихуаны (каннабиса)
в законодательстве Российской Федерации и Республики Абхазия**

Кодекс	Значительный размер (граммов свыше)	Крупный размер (граммов свыше)	Особо крупный размер (граммов свыше)
УК РФ	6	100	100 000
УК РА	—	4	50

Установление в законодательстве Республики Абхазия таких размеров наркотических средств при квалификации деяний, связанных с их незаконным оборотом, говорит об ужесточении ответственности. Возможно, это объясняется общей тенденцией уголовного преследования в целях противодействия незаконному обороту наркотических средств.

Для решения этого вопроса следует обратиться к научным исследованиям, изучающим воздействие НСПВ на здоровье человека, а также к нормативным правовым документам Министерства здравоохранения Республики Абхазия и других государств. Рассмотрим влияние НСПВ на организм человека на примере каннабиса (марихуаны), амфетамина и метадона — наиболее распространенных НСПВ как на территории Абхазии, так и на территории России.

Марихуана — исходный продукт, получаемый из листьев и цветков верхних частей растения каннабис. Основной компонент, ответственный за психоактивные свойства марихуаны, — тетрагидроканнабинол (ТГК) [1]. Обращаясь к положениям постановления Кабинета министров Республики Абхазия № 76 об утверждении размеров НСПВ, видим, что уголовная ответственность наступает с 4 г такого средства, причем это количество будет считаться крупным размером, поскольку значительный размер отсутствует вовсе.

Так, приговором суда Галского района Республики Абхазия от 21 августа 2020 г. гражданин Ш. был осужден по ч. 2 ст. 233 УК РА за незаконное приобретение и хранение каннабиса (марихуаны) в размере 10,111 г, который признается крупным¹.

¹ Приговор суда Галского района от 21 августа 2020 г. // Архив суда Галского района Республики Абхазия.

Один грамм марихуаны, готовый к употреблению в качестве сигареты, содержит около 20 мг ТГК [2, с. 203]. Необходимо также учесть, что в процессе курения от 30—40 % психоактивного вещества подвергается деструкции, сгорает. Из этого можно сделать вывод, что при курении марихуаны организм человека усваивает только от 12—14 мг ТГК. Вместе с тем клинически установлено, что курение марихуаны не вызывает физической зависимости, а психологическая наступает только после регулярного употребления. В связи с этим считать 4 г данного средства крупным размером, на наш взгляд, необоснованно. По законодательству Российской Федерации крупным размер марихуаны будет признаваться свыше 100 г².

Амфетамин относится к психостимуляторам, которые повышают психомоторную активность через стимуляцию α - и β -адренорецепторов прежде всего в головном мозге, гладких мышцах бронхов, кровеносных сосудах и поперечнополосатых мышцах сердца³. Соотношение размеров данного психотропного вещества представим в сравнительной таблице (табл. 2).

² Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров НСПВ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

³ Ураков А. Л. Амфетамины: качество, способы получения, состав, фармакологические эффекты // Киберленка: науч. электрон. б-ка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amfetaminy-kachestvo-sposoby-polucheniya-sostav-farmakologicheskie-effekty> (дата обращения: 18.04.2022).

**Соотношение размеров амфетамина
в законодательстве Российской Федерации и Республики Абхазия**

Кодекс	Значительный размер (граммов свыше)	Крупный размер (граммов свыше)	Особо крупный размер (граммов свыше)
УК РФ	0,2	1,0	200,0
УК РА	—	0,2	1,0

Эффективная дозировка наиболее часто встречающихся амфетаминов — 3,4-метилendioксиметамфетамина (МДА) и метилendioксиметамфетамина (МДМА) — 0,2 и 0,15 г соответственно при приеме в виде таблеток [3, с. 11]. Такой размер при разовом употреблении вызывает стимулирующий эффект, проходящий через 8—12 ч. Малая дозировка МДА (до 0,2 г) вызывает психотропные эффекты, проявляющиеся в чувстве расслабленности, улучшении настроения, возникновении стремления к общению с людьми, облегчении отношения к себе и прошлому. Исходя из клинических исследований, можно сделать вывод, что разовое употребление небольшой дозировки МДМА (до 0,15 г) не влечет серьезного ущерба для организма. Однако, как показывает врачебная и криминалистическая практика, амфетамин довольно быстро вызывает психологическую зависимость, которая влечет повышение дозировок наркоманом и проявления синдрома отмены при резком прекращении употребления в виде депрессии, головной боли, психоза, бессонницы, бредовых идей и суицидальных тенденций [3, с. 11]. Наличие физической зависимости у пациентов, страдающих от амфетаминовой зависимости, встречается крайне редко.

Таким образом, считать 0,2 г данного вещества крупным размером необоснованно. Законодательством Российской Федерации крупным установлен размер амфетамина свыше 1 г¹.

Приговором Сухумского районного суда Республики Абхазия от 20 января 2022 г. гражданин А. был осужден за незаконный сбыт амфетамина в размере 73,456 г, что признается как особо крупный размер².

¹ Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров НСПВ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

² Приговор Сухумского районного суда Республики Абхазия от 20 января 2022 г., г. Сухум. Уголовное дело № 1/12 // Архив Сухумского районного суда Республики Абхазия.

В последнее время на территории Республики Абхазия получил распространение такой наркотик, как метадон — синтетическое лекарственное средство, созданное в целях лечения больных героиновой зависимостью. Эффект метадона схож с эффектом от приема морфина, однако не вызывает настолько сильной физической зависимости, как последний (табл. 3).

Признаки воздействия метадона на организм проявляются в виде чувства расслабленности, покоя, эйфории, седативного воздействия на центральную нервную систему, сердечно-сосудистую систему. Клинические испытания не выявили резко выраженного синдрома отмены, однако некоторые его симптомы могут проявляться в виде боли в мышцах и бессонницы.

Как правило, в большинстве случаев метадон употребляется орально (в виде таблеток) и посредством внутривенных или внутримышечных инъекций. При оральном употреблении 0,015 г наркотический эффект наступает спустя 2—4 ч. При инъекционном употреблении 0,010 г эффект наступает спустя 30 мин [2, с. 188].

Однако в результате клинических исследований выявлено, что при оральном употреблении указанной дозировки метадона усваивается лишь около 6 % действующего вещества.

Так, приговором Сухумского районного суда Республики Абхазия от 11 октября 2021 г. гражданин А. был осужден за незаконное приобретение метадона массой 0,0008 г³. Содеянное по законодательству России попадает под действие административного закона, поскольку для уголовной ответственности необходим размер свыше 0,2 г. Однако по законодательству Республики Абхазия это влечет ответственность по уголовному закону по ч. 1 ст. 223, где размер вещества не имеет значения и только свыше 0,5 г образует крупный размер.

³ Приговор Сухумского районного суда Республики Абхазия от 11 октября 2021 г., г. Сухум. Уголовное дело № 01-019/2021 // Архив Сухумского районного суда Республики Абхазия.

**Соотношение размеров метадона
в законодательстве Российской Федерации и Республики Абхазия**

Кодекс	Значительный размер (граммов свыше)	Крупный размер (граммов свыше)	Особо крупный размер (граммов свыше)
УК РФ	0,2	1,0	100,0
УК РА	—	0,5	2,5

Таким образом, полагаем, что дифференциация уголовной ответственности может осуществляться только в рамках самого законодательства. Именно количественная характеристика как средство разграничения позволяет различать административное и уголовное преступления, являясь межотраслевым средством разделения юридической ответственности, а также мерой градации основного, квалифицированного и особо квали-

фицированного составов в статьях УК РА. В результате определяется граница наказуемости с учетом степени общественной опасности совершенного деяния, поэтому в связи с этим считаем необходимым включить в Уголовный кодекс Республики Абхазия наряду с «крупным» и «особо крупным» такой признак, как «значительный размер», установив соответствующие сроки и размеры наказания.

1. Marihuana: Chemistry, Biochemistry, and cellular effects / ed. G. G. Nahas, co-eds: W. D. M. Paton, J. E. Idänpään-Heikkilä. New-York; Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 1976. 556 p.

2. Наркотики: свойства, действие, фармакокинетика, метаболизм: учеб. пособие / Н. В. Веселовская [и др.]. 3-е изд., перераб., испр. и доп. Москва: Нарконет, 2008. 262 с.

3. Илларионова Е. А., Сыроватский И. П. Химико-токсикологический анализ производных амфетамина: учеб. пособие. Иркутск: ИГМУ, 2016. 32 с.

1. Marihuana: Chemistry, Biochemistry, and cellular effects. Ed. G. G. Nahas, co-eds: W. D. M. Paton, J. E. Idänpään-Heikkilä. New-York; Berlin; Heidelberg: Springer-Verl.; 1976: 556. (In Eng.).

2. Veselovskaya N. V. [et al.] Drugs: properties, action, pharmacokinetics, metabolism. Textbook. 3rd ed., rev., corr. and add. Moscow: Narkonet; 2008: 262. (In Russ.).

3. Illarionova E. A., Syrovatsky I. P. Chemical-toxicological analysis of amphetamine derivatives. Textbook. Irkutsk: Irkutsk State Medical University of the Ministry of Health of Russia; 2016: 32. (In Russ.).

Ардзинба Мансур Даурович,

адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
wertzerg@gmail.com

Ardzinba Mansur Daurovich,

associate adjunct of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
wertzerg@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.09.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 20.09.2022; approved after reviewing 03.10.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

УДК 343.9

doi: 10.25724/VAMVD.A049

**ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ
КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
И КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ**

Елена Вильгельмовна Вологина**, *Эйда Владимировна Голоманчук**

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, vologina-e@mail.ru

** Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия, golomachuk-ev@ranepa.ru

Аннотация. Коррупционные преступления и правонарушения можно назвать одной из ключевых проблем любого государства, поскольку их последствия приводят к экономическим, политическим, социальным и имиджевым проблемам для всей системы общественных отношений. Конструкция современной системы профилактики коррупционной преступности и коррупционных правонарушений может быть систематизирована по различным основаниям — так, авторы предлагают систематизацию по мерам (воспитательные, просветительские, дисциплинарные), по субъектам, привлекающим к ответственности, по субъектам, совершающим преступления и правонарушения, имеющие признаки коррупционных. Данная классификация отражает лишь отдельные особенности профилактики коррупционных деяний (как действий, так и бездействий) и определяет маркеры, позволяющие систематизировать профилактические процессы.

Вместе с тем исследование сущности и особенностей процесса профилактики коррупционной преступности и коррупционных правонарушений акцентировано на практических аспектах и личном экспертном опыте, оно отражает запрос органов власти, стремящихся определить направления эффективной профилактики и предупреждения коррупции на современном этапе. Авторами статьи кратко характеризуется и зарубежный опыт, имплементация которого может положительно отразиться на современной системе профилактики в России коррупционной преступности и коррупционных правонарушений.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное преступление, коррупционное правонарушение, профилактика коррупции, коррупционные риски

Для цитирования: Вологина Е. В., Голоманчук Э. В. Отдельные особенности профилактики коррупционной преступности и коррупционных правонарушений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 15—21. doi: 10.25724/VAMVD.A049

**INDIVIDUAL FEATURES OF THE PREVENTION
OF CORRUPTION CRIMES AND CORRUPTION OFFENSES**

Elena Vilgelmovna Vologina**, *Ada Vladimirovna Golomanchuk**

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, vologina-e@mail.ru

** Volgograd Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russia, golomachuk-ev@ranepa.ru

Abstract. Corruption crimes and offenses can be called one of the key problems of any state, since their consequences cause economic, political, social and image-building negative implications for the entire system of public relations. The design of a modern system for the prevention of corruption crimes and corruption offenses can be systematized on various grounds — for example, the authors propose systematization by measures (educational, awareness, disciplinary), by prosecuting subjects, by subjects that commit crimes and offenses with signs of corruption. This classification reflects only certain features of the prevention of corruption acts (both actions and inactions) and defines markers that make it possible to systematize preventive processes.

At the same time, the study of the essence and features of the process of preventing corruption crimes and corruption offenses is focused on practical aspects and personal expert experience; it reflects the request of authorities seeking to determine the directions for effective prevention and precautions against corruption at the modern

stage. The authors of the article briefly characterize foreign experience, which can have a positive impact on the modern system of prevention of corruption crimes and corruption offenses in Russia.

Keywords: corruption, corruption crime, corruption offense, corruption prevention, corruption risks

For citation: Vologina E. V., Golomanchuk A. V. Individual features of the prevention of corruption crimes and corruption offenses. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 15—21, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A049

Коррупция в настоящее время является серьезной проблемой, без разрешения которой становится невозможной вся правоохранительная деятельность. Значимость противодействия и борьбы с этим явлением, а также осуществление профилактических мероприятий до момента совершения коррупционной преступности и коррупционных правонарушений проявляется в связи с тем, что коррупция создает предпосылки произвола во всей системе государственной власти, что формирует реальную социальную угрозу государству и непосредственно обществу.

Методы противодействия коррупции, выработанные правоприменительной практикой, разнообразны, соответствуют международным стандартам, однако их эффективность достаточно низкая (особенно если принимать во внимание высокий уровень латентности коррупционных преступлений и правонарушений).

Такое социальное явление, как коррупция, имеет глубокие исторические корни, как и система противодействия этому негативному социальному явлению. Термин «коррупция» в истории России и российских памятниках права не использовался практически до начала XX в., но коррупционные проявления должностных лиц, вне зависимости от их названия, можно увидеть практически на каждом историческом этапе развития нашего государства. В памятниках права коррупционные проявления именовались как «лихоимство» и «мздоимство» [1, с. 11].

Характеризуя становление системы противодействия коррупции, приходим к выводу о том, что на каждом историческом этапе развития нашего государства можно увидеть те или иные проявления коррупционных правонарушений, начиная институтом кормления, мздоимства и лихоимства и заканчивая современным взяточничеством. С развитием государства и права происходило ужесточение ответственности и признание государством общественной опасности коррупции.

С точки зрения смыслового толкования термин «коррупция» происходит от латинского слова «*corruptio*» — порча, подкуп. Однако отметим, что данный термин имеет более десяти значений: порча, подкуп, соблазнение, развращение взятками,

унижение достоинства, фальсификация результатов, искажение смысла, истощение источника, продажность должностных лиц и др.

Практика показывает, что на данный момент коррупция проявляется в различных формах, к которым, в частности, относятся взяточничество, вымогательство, протекционизм, лоббизм, nepotизм, незаконное распределение общественных ресурсов, незаконная приватизация, необоснованное предоставление льготных кредитов и заказов, незаконное финансирование политических партий и общественных организаций.

Выделяют следующие виды коррупции: административная, бытовая, деловая, корпоративная, партийная, политическая [2, с. 168].

Многообразие точек зрения искажает смысл понятия «коррупция», приводит к сужению сферы его применения на практике. Как результат — борьба с коррупцией, в том числе на государственной службе, становится затруднительной.

Коррупция разлагает государственный строй, подрывает эффективность функционирования государственных институтов, ослабляет контроль государства.

В рамках исследования предлагаем под коррупцией понимать негативное явление, суть которого в том, что служащие и другие лица, выполняющие функции государственной власти, используют свое служебное положение в корыстных целях для личного обогащения или обогащения иных лиц, находящихся с ними во взаимоотношениях.

Независимо от того, какими причинами вызвана коррупция, ее последствия могут быть плачевными:

- граждане негативно относятся к проводимым реформам;
- работа представителей бизнеса в России затрудняется;
- в сознании общества формируется предубеждение о собственной незащищенности;
- общество не доверяет исполнительным органам власти;
- падает престиж государственной власти в целом, как следствие, формируется правовой нигилизм в обществе.

Меры антикоррупционного характера применяются в различных направлениях, что подчеркивает

их комплексность. С учетом этого, также принимая во внимание их многочисленность, меры антикоррупционного характера можно классифицировать на несколько групп. Итак, меры антикоррупционного характера могут быть:

1. Идеологического характера. Они преследуют цель — воздействовать на общественное сознание и формировать в нем нетерпимость к коррупционному поведению. Эти меры по своему содержанию представляют собой пропаганду антикоррупционного поведения, причем не только в системе публичной службы, но и в жизни рядовых граждан.

2. Правового характера. Такие меры нацелены на соответствие законодательства Российской Федерации правоприменительной практике и антикоррупционной политике. Эта группа включает в себя:

- антикоррупционную экспертизу правовых актов и их проектов;
- анализ правоприменительной практики;
- привлечение к ответственности за коррупционные преступления и иные правонарушения;
- принятие этических кодексов и т. д.

3. Кадрового характера. Этими мерами охватывается установление жестких требований к кандидатам на должности публичных (государственных и муниципальных) служащих, дополнительных ограничений для них при несении ими службы и т. п.

4. Организационного характера. В рамках данных мер предполагается активное участие во всех контрольных и надзорных системах, в бюджетной и других сферах общественного и парламентского контроля, наделение государственными функциями негосударственных организаций, устранение необоснованных запретов и барьеров в деятельности хозяйствующих субъектов и т. п.

Выделим различные основания классификации направлений профилактики коррупционных преступлений и правонарушений.

Первое направление профилактики, которое необходимо охарактеризовать в рамках данного исследования, — воспитательное, которое реализуется через создание позитивного образа и престижности профессии лиц, исполняющих свои обязанности от имени и в интересах государства, а также посредством формирования однозначно нетерпимого отношения к коррупции в обществе, причем как в среде лиц, потенциально способных совершить коррупционные преступления и правонарушения, так и в иных социальных группах.

Второе направление профилактики — просветительская деятельность. Кадровыми подразделениями органов власти значительное внимание

уделяется профессиональному развитию государственных гражданских служащих в сфере профилактики коррупционных правонарушений и преступлений. Данное направление является одним из основных, включаемых в Национальный план противодействия коррупции вот уже в течение нескольких циклов, поскольку от уровня профессионализма государственных служащих напрямую зависит эффективность функционирования органов государственной власти. Оно включает в себя, в частности, лекционные занятия с приглашением в качестве спикеров представителей образовательных организаций профильной направленности, проведение семинаров и круглых столов, совещаний и т. д. [3]

Указанное направление также реализуется и для граждан, их объединений и организаций через СМИ, посредством постоянно обновляемых рекомендаций Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, в социальных сетях, сериалах, кинофильмах и т. д.

Третье направление профилактики коррупции носит дисциплинарный характер.

Одной из правовых мер по противодействию коррупции является привлечение к ответственности за совершение коррупционных правонарушений. Такая ответственность может быть уголовной, административной, дисциплинарной и гражданско-правовой.

Привлечение к уголовной ответственности осуществляется в случае, если совершено преступление, состав которого предусмотрен Уголовным кодексом Российской Федерации. Проявлением уголовной ответственности является назначение судом уголовных наказаний, а также дополнительной меры наказания в виде лишения права занимать определенные должности государственной и муниципальной службы.

Юридические лица могут быть привлечены к административной ответственности. Дисциплинарная ответственность предполагает привлечение к ответственности работников организации за совершение дисциплинарных проступков. Дисциплинарные взыскания могут включать в себя увольнение (освобождение от должности) в связи с утратой доверия в случаях нарушения любого из ограничений, установленных законом о противодействии коррупции, либо непредоставления любой информации, предоставление которой закреплено в законе о противодействии коррупции. Кроме того, предусматривается, что сведения о тех, кто уволен по данному основанию, вносятся в специальный реестр в государственной информацион-

ной системе в области государственной службы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и содержатся там в течение пяти лет. Таким образом, в данном случае налицо совмещение мер юридической ответственности с мерами организационного характера.

Четвертым направлением можно признать субъектное, которое состоит из двух направлений — профилактика по субъектам, которые борются с коррупцией, и профилактика по субъектам, которые могут совершить коррупционные преступления и правонарушения. Так как объем действий по данному направлению слишком широк для объемов исследования, ограничимся краткой характеристикой профилактических коррупционных действий Управления экономической безопасности и противодействия коррупции.

Для современного этапа развития и совершенствования антикоррупционной деятельности в системе органов внутренних дел характерно повышение роли органов экономической безопасности и противодействия коррупции в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации и, следовательно, в реализации мероприятий по противодействию коррупции. Выработка действенных мер и направлений деятельности этой структуры МВД России является актуальной задачей науки и правоприменительной практики, поскольку способствует снижению уровня коррупционных проявлений и повышению доверия граждан к системе правоохранительных органов.

В целях повышения эффективности антикоррупционной работы в ОБЭП важным направлением является конкретизация принципов предупреждения и противодействия коррупции и их содержания.

Основные принципы борьбы с коррупцией установлены в ст. 3 Федерального закона «О противодействии коррупции»¹, носят общий характер для всех органов и организаций и в полной мере применимы к деятельности органов внутренних дел по данному направлению.

Это следующие принципы:

- 1) признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;
- 2) законность;
- 3) публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;

¹ О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ [с послед. изм. и доп.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52, ч. 1. Ст. 6228.

4) неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений;

5) комплексное использование политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер;

6) приоритетное применение мер по предупреждению коррупции;

7) сотрудничество государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами.

Применительно к конкретным субъектам противодействия коррупции содержание этих принципов может конкретизироваться и уточняться. В полной мере это справедливо и для органов внутренних дел, в которых противодействием коррупции занимается именно отдел экономической безопасности и противодействия коррупции (ОЭБиПК).

В силу особого правового статуса этого органа, а также того, что основным направлением его деятельности является борьба с преступностью, противодействие коррупции, осуществляемое ОЭБиПК, приобретает особое значение, поскольку коррупционные проявления, которым противостоят ОЭБиПК, влекут за собой целый ряд вопросов в области защиты прав и свобод личности, противодействия преступности, обеспечения общественного правопорядка и общественной безопасности. И конечно, коррупционные проявления со стороны сотрудников данного отдела снижают престиж службы в органах внутренних дел, препятствуют выполнению государственных функций [4].

Еще одной особенностью правоприменительной деятельности сотрудников ОЭБиПК в сфере противодействия коррупции является тот факт, что ими выполняются два самостоятельных, но взаимосвязанных вектора деятельности:

- 1) борьба с коррупцией в масштабах всей страны (внешняя коррупция);
- 2) исполнение законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции в системе МВД России (внутренняя коррупция).

Итак, признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина — общий правовой принцип, пронизывающий деятельность любого органа власти, поскольку соблюдение данного принципа — обязанность государства, оно должно быть присуще любой государственной деятельности, в том числе деятельности отделов экономической безопасности и противодействия коррупции.

Сотрудники органов внутренних дел наделены большим объемом полномочий по сравнению

с рядовыми гражданами, в силу чего риск совершения ими коррупционных действий выше. Однако это не является основанием для того, чтобы нарушать права и законные интересы сотрудников органов, поскольку данный принцип распространяется на них и как на лиц, в отношении которых могут иметь место подозрения в совершении коррупционных правонарушений. Кроме того, при осуществлении деятельности по противодействию коррупции сотрудники ОЭБиПК должны соблюдать права человека и обеспечивать их защиту.

Сама по себе коррупция часто выступает инструментом, которым граждане пытаются обеспечить защиту своих прав, поскольку благодаря ей граждане пытаются преодолеть произвол властей [5, с. 11].

Одной из главных отличительных особенностей повседневной деятельности сотрудников правоохранительных органов вообще и ОЭБиПК в частности является то, что им приходится прибегать к ограничению прав и свобод человека.

Исследование зарубежного опыта предупреждения коррупции правоохранительными органами позволило предложить следующие направления возможного совершенствования деятельности органов внутренних дел в сфере антикоррупционной деятельности.

Американский опыт может быть полезен в определении роли руководителя подразделения полиции и возложения на него ответственности за коррупционные правонарушения его подчиненных сотрудников [6, с. 20]. Но следует также учитывать и те возможности, которые предоставляет руководителю закон для контроля за подчиненными сотрудниками по исполнению ими соответствующих запретов и ограничений. Очень большое внимание американские правоприменители уделяют профилактике коррупции в полиции, проводя жесткий отбор при приеме на службу.

Анализ этических принципов полицейских показал, что в основном все они нашли свое закрепление и в аналогичном российском законодательстве, за исключением запрета подарков между сотрудниками. Кроме того, мы считаем необходимым введение в России установления максимального размера дополнительных доходов полицейских от другой работы, который ограничен 15 % превышения их заработной платы.

Помимо перечисленного американский опыт может быть полезен в сфере установления антикоррупционных запретов для оперативных сотрудников, поскольку предполагается, что работники, внедренные в преступную среду, в большей степени подвержены коррупции.

В отношении других государств можно выделить следующие особенности:

— в Финляндии чиновнику, уличенному в коррупции, будет запрещено заниматься бизнесом [7, с. 312];

— в странах западной Европы заявление о коррупционном правонарушении будет зарегистрировано автоматически, без наличия усмотрения лица, которое его принимает, что предполагает обязательность его рассмотрения в установленном законом порядке [8, с. 100];

— японская система противодействия коррупции в правоохранительных органах характеризуется воспитательной направленностью. Здесь «честное имя» и общественное доверие к должностному лицу имеют колоссальное значение.

В целях борьбы с коррупцией в сфере государственной службы необходимо ужесточать меры наказаний, проводить систематическую (частую) ротацию кадров, повышать степень открытости процедур.

В результате анализа выявленных проблем, затрудняющие реализацию организационно-правовых мер профилактики коррупции в оперативно-служебной деятельности ОЭБиПК, можно предложить следующие мероприятия, направленные на их решение:

1) информирование сотрудников органов внутренних дел о возможности участия в подготовке проектов актов по коррупции;

2) обсуждение антикоррупционного законодательства;

3) участие в публичных обсуждениях нормативных правовых актов по антикоррупционной тематике;

4) разработка мер по стимулированию и материальной поддержке служащих, попавших в тяжелую жизненную ситуацию, для предотвращения коррупционных рисков;

5) проведение регулярных ротаций служащих;

6) проведение учебных мероприятий по проверке знаний антикоррупционного законодательства;

7) разъяснение требований к исполнению антикоррупционного законодательства после увольнения;

8) предоставление отчетов о проводимой работе в сфере противодействия коррупции.

Таким образом, мы делаем вывод о сложности, комплексности и многоаспектности процесса профилактики коррупционных преступлений и правонарушений коррупционного характера. От эффективности взаимодействия всех органов власти

и институтов гражданского общества напрямую зависит вероятность снижения и минимизации коррупционных рисков. Государству следует уделять большее внимание стимулирующим мерам профилактики коррупции, постоянно совершенст-

вовать воспитательные, просветительские, дисциплинарные и иные направления профилактических мероприятий, поскольку предупредить негативное деяние всегда проще, чем устранять его последствия.

1. Патов Н. А. Историко-правовой обзор мер противодействия коррупции // *Мировой судья*. 2018. № 4. С. 10—20.

2. Артюхин О. А., Кузина С. И., Цомартов С. И. Антикоррупционная политика в современной России: теоретико-терминологический аспект // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2020. № 2. С. 167—171.

3. Голоманчук Э. В., Яготинцева Т. Ю., Астафурова О. А. Антикоррупционное обучение государственных гражданских служащих с использованием дистанционных технологий // *Право и государство: теория и практика*. 2022. № 2 (206). С. 175—178.

4. Костенников М. В., Куракин А. В., Кошелев И. Н. Административно-правовое регулирование обеспечения собственной безопасности и противодействия коррупции в органах внутренних дел // *Административное и муниципальное право*. 2019. № 1. С. 40—47.

5. Осяк А. Н., Пестов Р. А., Капранова Ю. В. Совершенствование информационно-пропагандистских программ по противодействию коррупции субъектами обеспечения собственной безопасности в системе МВД России: метод. рекомендации. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2019. 32 с.

6. Бойко А. П. Организация борьбы с коррупцией в США как инструмент обеспечения экономической безопасности // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2017. № 8. С. 19—23.

7. Гуськов А. Я. Зарубежный опыт участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции на примере США, КНР и Финляндии // *Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы / под ред. А. И. Долговой*. Москва: Рос. криминол. ассоц., 2015. С. 311—317.

8. Купцова А. А., Рюттов Д. Ю. Зарубежный опыт противодействия коррупции // *Интерактивная наука*. 2017. № 12 (22). С. 100—102.

1. Patov N. A. Historical and legal review of anti-corruption measures. *Magistrate*, 10—20, 2018. (In Russ.).

2. Artyukhin O. A., Kuzina S. I., Tsomartov S. I. Anti-corruption policy in modern Russia: theoretical and terminological aspect. *State and municipal management. Scientific notes of North Caucasus Academy of Public Administration*, 167—171, 2020. (In Russ.).

3. Golomanchuk E. V., Yagotintseva T. Yu., Astafurova O. A. Anti-corruption training of state civil servants using remote technologies. *Law and state: theory and practice*, 175—178, 2022. (In Russ.).

4. Kostennikov M. V., Kurakin A. V., Koshelev I. N. Administrative and legal regulation of ensuring one's own security and combating corruption in internal affairs bodies. *Administrative and municipal law*, 40—47, 2019. (In Russ.).

5. Osyak A. N., Pestov R. A., Kapranova Yu. V. Improving information and propaganda programs to combat corruption by the subjects of ensuring their own security in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Guidelines*. Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2019: 32. (In Russ.).

6. Boyko A. P. Organization of the fight against corruption in the United States as a tool for ensuring economic security. *Economics and business: theory and practice*, 19—23, 2017. (In Russ.).

7. Guskov A. Ya. Foreign experience of the participation of civil society institutions in combating corruption using the example of the USA, the PR China and Finland. In: *Corruption: the state of counteraction and directions for optimizing the fight*. Ed. by A. I. Dolgova. Moscow: Russian Criminological Association; 2015: 311—317. (In Russ.).

8. Kuptsova A. A., Ryutov D. Yu. Foreign experience in combating corruption. *Interactive science*, 100—102, 2017. (In Russ.).

Вологина Елена Вильгельмовна,
доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
vologina-e@mail.ru

Vologina Elena Vilgelmovna,
associate professor
at the criminal procedure department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
vologina-e@mail.ru

Голоманчук Эйда Владимировна,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградского института управления —
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Волгоград,
кандидат юридических наук;
golomachuk-ev@ranepa.ru

Golomanchuk Ada Vladimirovna,
associate professor at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd Institute of Management —
a branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President
of the Russian Federation, Volgograd;
candidate of juridical sciences;
golomachuk-ev@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 14.10.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 14.10.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

УДК 343.775

doi: 10.25724/VAMVD.A050

**КРАСНАЯ КНИГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН**

Александр Михайлович Плешаков*, Марина Сергеевна Колосович**

* ФКУ НИИ ФСИН России, Москва, Россия, pam7185@ya.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, 270619@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается международный и уголовно-правовой характер Красной книги Российской Федерации. Делается вывод о важном экологическом значении Красной книги Международного союза охраны природы (МСОП). В отечественном уголовном праве о Красной книге Российской Федерации говорится семь раз: в ч. 1 ст. 226¹ УК РФ (контрабанда) и в примечании к этой статье; в названии и в двух частях ст. 258¹ (незаконная добыча особо ценных животных); в названии и диспозиции ст. 259 (уничтожение критических мест обитания). Во всех этих случаях речь идет об особо ценных диких животных и водных биологических ресурсах, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ (ст. 226¹ и ст. 258¹), либо об организмах, занесенных в нее (ст. 259).

Красная книга России имеет международный и уголовно-правовой характер. Более полувека назад (в 1966 г.) Международный союз охраны природы и природных ресурсов выпустил первый вариант своего печатного произведения. В дальнейшем оно получило название Международной красной книги, или Красной книги МСОП.

Цель статьи заключается в анализе соотношения Красной книги РФ как правового документа и ее влияния на практику применения уголовного закона. Этой проблеме в юридической литературе уделялось недостаточно внимания, она рассматривалась лишь фрагментарно.

Для достижения данной цели использовались следующие методы: логико-юридический, при анализе уголовно-правовых норм и бланкетных ведомственных материалов; сравнительно-правовой, при рассмотрении Международной красной книги и международных договоров РФ по охране животного мира; социологический, при опросе сотрудников правоохранительных органов и анализе обобщенных материалов судебной-следственной практики, которые использовались при подготовке постановлений пленумов Верховного Суда Российской Федерации о нарушениях в области окружающей среды.

Ключевые слова: Красная книга, особо ценные животные, водные биологические ресурсы, млекопитающие, звери, птицы, незаконная охота и добыча, международные договоры, преступление, уголовное право

Для цитирования: Плешаков А. М., Колосович М. С. Красная книга Российской Федерации и уголовный закон // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 22—27. doi: 10.25724/VAMVD.A050

**RED DATA BOOK OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND CRIMINAL LAW**

Alexander Mikhailovich Pleshakov*, Marina Sergeevna Kolosovich**

* Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, pam7185@ya.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, 270619@mail.ru

Abstract. The article deals with the international and criminal nature of the Red Data Book of the Russian Federation. The conclusion is made about the significant ecological importance of the Red List of the International Union for Conservation of Nature (IUCN). In domestic criminal law, the Red Data Book of the Russian Federation is mentioned seven times: in Part 1 of Art. 226¹ of the Criminal Code of the Russian Federation (smuggling) and in the footnote to this article; in the title and in two parts of Art. 258¹ (illegal hunting of especially

valuable animals); in the title and disposition of Art. 259 (destruction of critical habitats). In all these cases, we are talking about especially valuable wild animals and aquatic biological resources belonging to species listed in the Red Data Book of the Russian Federation (Art. 226¹ and Art. 258¹) or organisms listed in it (Art. 259).

The Red Data Book of Russia has an international and criminal nature. More than half a century ago (in 1966) the International Union for Conservation of Nature and Natural Resources published the first version of its printed work. In the future, it was called the International Red List or the IUCN Red List.

The purpose of the article is to analyze the ratio of the Red Data Book of the Russian Federation, as a legal document, and its impact on the practice of applying the criminal law. This problem has been given insufficient attention in the legal literature, it was considered only fragmentarily.

In order to achieve this goal, the following methods were used: logical and legal, in the analysis of criminal law and blanket departmental materials; comparative legal, when considering the International Red List and international treaties of the Russian Federation on the protection of wildlife; sociological, when interviewing law enforcement officers and when analyzing generalized materials of judicial and investigative practice that were used in the preparation of Resolutions of the Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation on violations in the field of the environment.

Keywords: Red Data Book, especially valuable animals, aquatic biological resources, mammals, animals, birds, illegal hunting and production, international treaties, crime, criminal law

For citation: Pleshakov A. M., Kolosovich M. S. Red Data Book of the Russian Federation and Criminal Law. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 22—27, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A050

Критические списки животных на всей планете и в Российской Федерации не совпадают или совпадают в небольшом объеме. В российской книге названий значительно больше. Это объясняется тем, что если какой-либо вид не включен в Международную красную книгу, поскольку он достаточно распространен, а в России он редкий и находится на грани исчезновения, то государство обязано взять его под защиту.

В уголовном законодательстве Красная книга является бланкетным признаком. Бланкетные диспозиции представляют собой специфический способ формулирования уголовно-правового запрета. Они свидетельствуют о взаимосвязи уголовного права с другими отраслями, в нашем случае с экологическим правом. В юридической литературе было правильно указано, что в связи с этим неуголовно-правовые нормы превращаются в «клеточку уголовно-правовой материи» [1, с. 84].

Одним из недостатков бланкетных диспозиций является то, что круг нормативных актов, к которым относятся эти диспозиции, подчас очень широкий. Подобное положение иногда существенно затрудняет деятельность судов и органов предварительного расследования. Так, для применения статей Уголовного кодекса Российской Федерации, в которых содержится термин «Красная книга» (ст. 226.1, 258.1, 259), необходимо обратиться не только к нормам экологического законодательства, но и к целому ряду федеральных законов и ведомственных нормативных актов.

В настоящее время юридическое существование Красной книги России обусловлено принятием Федерального закона «О животном мире», постановления Правительства РФ «О Красной книге Российской Федерации», приказа Министерства природных ресурсов и экологии РФ «Об утверждении порядка введения Красной книги Российской Федерации» и др. Красная книга — это официальный юридический документ, который содержит свод сведений об объектах животного мира и о необходимых мерах по их охране и восстановлению [2, с. 402]. В этой книге сосредоточен аннотированный кадастр (перечень) тех видов животных, которые редко встречаются в Российской Федерации, либо находятся под угрозой исчезновения, либо быстро сокращаются. В России сегодня таких видов (из класса млекопитающих, птиц и рыб) более трехсот. Состав видов, включенных в Красную книгу, не остается постоянным, он периодически меняется уже после первого выпуска Красной книги СССР в 1978 г. Эти изменения обусловлены как накоплением новых знаний, так и результатом трансформации ситуаций с тем или иным видом в лучшую или, наоборот, в худшую сторону [3, с. 6].

В 2013 г. Правительство РФ приняло постановление об утверждении Перечня млекопитающих, птиц и рыб, которые получили статус

«особо ценные»¹. В этот список вошли двадцать два вида животных. К ним относятся семь видов зверей: алтайский горный баран, амурский тигр, леопард, снежный барс, белый медведь, сайгак и зубр. Особо ценными признаны четыре вида хищных птиц: сокол-балобан, беркут, кречет и сокол-сапсан. К особо ценным водным биологическим объектам отнесены одиннадцать видов рыб: осетры — амурский, атлантический, персидский, сибирский, сахалинский и русский, а также белуга, калуга, севрюга, сахалинский таймень и шип. Все эти животные являются дикими, т. е. находятся в состоянии естественной свободы. Данные виды и ранее были включены в Красную книгу РФ, а некоторые и в Красную книгу МСОП.

Введение в действие указанного Перечня обусловило появление нескольких уголовно-правовых проблем. Так, ст. 226¹ и 258¹ УК РФ приобрели фактически «архибланкетное» юридическое содержание. При определении предмета преступления необходимо обращаться к Красной книге РФ, которая является бланкетным источником, и одновременно к многочисленным ведомственным нормативным актам. Подобное использование разнопорядковых юридических материалов само по себе вызывает трудности на практике. Например, при опросе сотрудников органов предварительного расследования выяснилось, что остается неясным содержание понятия «леопард». В России два таких вида (в мире их выделяют семь) — это дальневосточный и переднеазиатский. Однако в Перечне они не имеют полных названий. Вместе с тем в отношении других животных используются уточняющие и официальные наименования — «алтайский», «амурский», «снежный» и др. Судя по всему, в Перечне имеется в виду и тот и другой вид леопарда. Однако это только логическое предположение, поскольку других формальных критериев не существует.

Вызывает сомнение и зоологическое содержание Перечня. Любой вид животных, перечисленных в Красной книге РФ, — это уникальное природное явление, которое обладает естественной

неповторимостью и биологической значимостью. В Красной книге РФ нет никаких предпочтений ни у одного из видов. По своей исключительной экологической ценности и степени уязвимости все животные одинаковы [4, с. 397]. Разница лишь в мерах защиты применительно к так называемым таксонам (редкий вид, исчезающий, сокращающийся в численности).

Тезис об экологической равноценности животных, перечисленных в Красной книге, порождает ряд вопросов нормативного характера. Чем по своей биологической сущности отличается, например, сибирский горный козел или сахалинская кабарга от алтайского горного барана, который включен в Перечень? Почему менее ценным нужно считать, допустим, амурского лесного кота или красного волка по сравнению со снежным барсом, включенным в Перечень? Отчего уссурийский белогрудый медведь менее ценен, чем белый медведь, помещенный в Перечень? На каком основании сайгак (включен в Перечень) признается более ценным, чем, например, горал? Почему «особо ценный» кречет более важен, чем степной орел?

Ответы на эти риторические вопросы являются, на наш взгляд, однозначными — ничем. Эти животные по степени экологической ценности не отличаются. Соответственно, Перечень — это документ, составленный произвольно, без четких критериев «особой ценности». Возможно, в основу выделения именно этой категории были положены условные рыночные цены, предположительная потребительская стоимость или неопределенные социально-психологические факторы. При любом варианте это не имеет прямого отношения к животным, перечисленным в Красной книге РФ.

Введение Перечня породило коллизии между ст. 258 УК РФ (незаконная охота) и ст. 258¹ УК РФ (незаконная добыча особо ценных животных). Дело в том, что в п. «в» ч. 1 ст. 258 указан такой конструктивный признак, как совершение преступления в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена. Однако абсолютный запрет распространяется и на тех животных, которые включены в Красную книгу РФ и Красную книгу субъектов РФ.

В юридической литературе было высказано мнение о том, что к животным, охота на которых полностью запрещена, следует относить лишь тех, в отношении которых абсолютный запрет на их добычу зависит от времени года и от установленных правил охоты в том или ином регионе страны [5, с. 152]. В связи с этим возникают вопросы о том, что это за животные, на которых нельзя

¹ Об утверждении перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2013 г. № 978. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

охотиться? Те, которых нельзя добывать в определенный период, на конкретной территории субъекта РФ или же полный запрет распространяется и на редких и исчезающих видов животных? Например, полностью запрещено охотиться на таких «краснокнижных» животных, как уссурийский белогрудый медведь, амурский лесной кот, южнорусская перевязка, хохлатый баклан, дальневосточный аист, лебедь-шипун, розовый пеликан, степной орел, орлан-белохвост и др.

Судебно-следственная практика при рассмотрении этих вопросов нередко складывается по-разному, иногда с прямо противоположными решениями. Трудности при квалификации преступлений связаны, как правило, с установлением умысла на незаконную охоту тех животных, которые принадлежат к редким и исчезающим видам. В отношении добычи диких представителей фауны, охота на которых полностью запрещена, действует презумпция осведомленности об этом виновного лица.

Так, некто Ш. в одном из районов Ставропольского края добыл птицу, на которую охота полностью запрещена, т. е. совершил преступление, предусмотренное п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ. Ш., являясь членом общества охотников и рыболовов, имея на руках путевку-разрешение на добычу водоплавающей и болотно-луговой дичи, убил особь взрослой дрофы восточно-европейского подвида, которая является редким видом, занесенным в красные книги РФ и Ставропольского края.

На судебном заседании Ш. утверждал, что выстрелил в дрофу случайно, перепутав ее с гусем. Однако эта птица является пугливой и очень осторожной и охота на нее возможна только путем длительного скрадывания и сильной маскировки. Свидетель П. — председатель общества охотников и рыболовов пояснил, что дрофа не может неожиданно взлететь, выскочив из-под ног охотника. Птица не подпускает к себе человека на расстояние ближе 150 метров, так как хорошо видит и слышит. Во время опасности она заблаговременно улетает или убегает. По внешнему виду и манере полета дрофа никак не похожа на водоплавающих птиц. Соответственно, заявление Ш. является недостоверным.

Для того чтобы разрешить это противоречие, поскольку фактически существует два законодательных «запрета», в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» в 2015 г. были внесены изменения и дополнения. В соответствии

с п. 13.2 постановления судам рекомендовалось по п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ квалифицировать незаконную охоту на птиц и зверей, занесенных в Красную книгу РФ или в Красную книгу субъекта РФ, но не включенных в Перечень. Это компромиссное решение лишь подчеркивает вывод о том, что Перечень дополнительно разделил всех животных на две группы. На тех, кто находится в Красной книге РФ сам по себе, и на «особо ценных». Подобное социально-экологическое ранжирование, на наш взгляд, неприемлемо, поскольку вносит путаницу и неопределенность в таксоны Красной книги РФ, и без того не очень точно установленные с юридических позиций.

Диспозиция ст. 258¹ УК РФ нам представляется противоречивой и несовершенной. С одной стороны, предмет этого преступления весьма сужен после появления Перечня, а с другой — он (предмет) чрезвычайно расширен. Это произошло за счет законодательного указания на виды животных, «и (или) охраняемые международными договорами Российской Федерации». Соответственно, раздельный союз «или» позволяет прийти к выводу о том, что существуют и другие животные, которые не являются «краснокнижными», но тем не менее могут быть предметом рассматриваемого преступления. Таких международных договоров, конвенций, протоколов и двухсторонних соглашений множество.

Указанные документы можно разделить на две основные группы. Первая — это та, где сосредоточены общие положения о сохранении животного мира: о биологическом многообразии (1992 г.); об охране морских живых ресурсов Антарктики (1980 г.); о международной торговле видами дикой фауны и флоры (1973 г.); об охране дикой фауны и мест ее обитания в Европе (1972 г.); об охране живых ресурсов юго-восточной части Атлантического океана (1969 г.) и многие другие. Вторая группа международных договоров — это та, которая посвящена относительно конкретным видам животного мира: о сохранении ресурсов минтая в центральной части Берингова моря (1994 г.); об охране лосося в северной части Атлантического океана (1982 г.); об охране белых медведей (1973 г.); об охране антарктических тюленей (1972); о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, и месте обитания водоплавающих птиц (1971 г.); об охране морских котиков (1957 г.); о регулировании китобойного промысла (1949 г.) и др. [6, с. 303]. В Перечне нет этих зверей, птиц и водных биологических ресурсов (есть только белый медведь). Тем не менее «особо ценными»

могут признаваться различные виды тюленей, водоплавающих птиц, отдельные киты и другие представители дикой фауны, которых нет в Красной книге РФ, но они охраняются международными договорами. Это само по себе противоречиво, поскольку понятие «особо ценные» относится непосредственно к «краснокнижным» животным. Получается, что в самом Перечне содержится коллизия, поскольку, с одной стороны, указаны двадцать два конкретных вида, а с другой — предполагается неопределенно большее число других животных, которые охраняются только международными договорами.

Предметом преступлений, предусмотренных ст. 226¹ и 258¹ УК РФ, являются части и дериваты (производные) тех животных, которые указаны в Перечне. Это могут быть шкуры, мех, рога, желчь, ткани, биологические добавки, медицинские препараты и т. п. Разумеется, Красная книга РФ не регулирует отношения по поводу уже добытых животных. Судебно-следственная практика показывает, что за саму добычу животных, включенных в Перечень (отстрел, вылов), виновные привлекаются редко. В основном уголовному преследованию подвергаются лица, осуществляющие незаконный оборот частей или дериватов таких животных (сбыт, приобретение, хранение и т. д.). Это, как правило, кости амурского тигра, его шкура, рога сайгака, шкура белого медведя, леопарда и т. п.

Весьма неопределенной является и диспозиция ст. 259 УК РФ — уничтожение критических мест обитания для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации. Среда обитания животных — это территория или акватория, в которой постоянно концентрируются объекты животного мира, находящиеся в состоянии естественной свободы. Среда обитания определяется конкретными пространственными параметрами, на которых осуществляются жизненные циклы популяций биологических особей различных видов: размножение, отдых, пути миграции, нагул, зимовка и т. д.

Вместе с тем ни в федеральном законодательстве, ни в ведомственных нормативных актах нет никакого указания на «критичность» мест обитания. Соответственно, перед нами оценочное, чрезвычайно широкое понятие, которое фактически исключает возможность уголовного преследования, поскольку правовых критериев для определения «критичности» нет.

В то же время нечетким остается сам предмет преступления. По формальным основаниям — это критические местообитания, поскольку преступным является их уничтожение. По смыслу юридических

норм — это организмы, занесенные в Красную книгу РФ, оказавшиеся в таких пространственных параметрах и впоследствии погибшие. По нашему мнению, столь альтернативное неопределенное указание на предмет преступления привело к тому, что эта статья УК РФ никогда на практике не применялась.

В заключение необходимо отметить, что Красная книга РФ и Уголовный кодекс Российской Федерации находятся между собой в противоречивой бланкетной взаимосвязи. Принятие в 2013 г. Перечня особо ценных диких животных в значительной мере усложнило понимание как смешанной, так и «скрытой» бланкетности, что и привело к трудностям в практике применения ст. 258 и 258.1 УК РФ.

Красная книга РФ регулирует общественные отношения только по охране живых организмов. Части и дериваты зверей, птиц, водных биологических ресурсов, которые являются предметом преступлений, предусмотренных ст. 258 и 258¹ УК РФ к Красной книге РФ отношения не имеют. Их установление и определение входят в сферу судебно-биологической, судебно-зоологической или судебно-ихтиологической экспертиз.

Следовательно, незаконный оборот частей мертвых животных в большой степени, на наш взгляд, нарушает социальные отношения в сфере экономической деятельности. Подобного рода уголовно-правовой запрет существует в отношении незаконно вырубленных лесных насаждений. Так, в ст. 191.1 УК РФ предусмотрена ответственность за оборот (приобретение, хранение, перевозку и т. д.) незаконно заготовленной древесины.

Таким образом, Перечень особо ценных животных является, на наш взгляд, избирательно-непосредственным списком «краснокнижных» животных. По существу, он представляет собой некий мини-аналог Красной книги РФ, существующей в рамках ее официального варианта.

Итогом завершения работы по изучению соотношения Красной книги РФ и уголовного закона являются предложения по совершенствованию статей УК РФ. Логико-юридический анализ уголовно-правовых норм, изучение бланкетного материала, частичное использование социологических данных позволили прийти к выводам о необходимости:

— изменения диспозиций ст. 226¹, 258, 258¹ и 259 УК РФ;

— декриминализации преступления, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ, в котором предусмотрена ответственность за совершение преступления в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена;

— исключения из текста статей 226¹ и 258 понятия «особо ценное»;

— сохранения в нормах уголовного закона указания о диких животных и водных биологических ресурсах;

— дополнения текста статей о незаконной добыче и обороте животных, занесенных в Красную книгу субъекта РФ;

1. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд. Москва, 2021. 784 с.

2. Основные понятия Уголовного кодекса Российской Федерации: международные акты, российские нормативные правовые акты, судебная практика / под ред. А. В. Галаховой. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2010. 576 с.

3. Редкие животные нашей страны / сост. В. Е. Соколов; отв. ред. Р. П. Потапов. Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1989. 309 с.

4. Жевлаков Э. Н. Предмет незаконной охоты // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы междунар. конф. Москва, 2016. С. 394—397.

5. Тимошенко Ю. П. Ответственность за экологические преступления (научно-практический комментарий к постановлению Пленума ВС РФ). Теория и практика. Москва: Проспект, 2017. 240 с.

6. Дубовик О. Л. Экологические преступления. Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. Москва: Спарк, 1998. 352 с.

Плешаков Александр Михайлович,
главный научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор;
pam7185@ya.ru

Колосович Марина Сергеевна,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
270619@mail.ru

— отказа от соединительного союза «и» и сохранения соединительного союза «или» в отношении видов животных, охраняемых международными договорами РФ;

— внесения соответствующих изменений в названия указанных статей УК РФ.

1. Naumov A. V. Russian criminal law. A common part. Lecture course. 6th ed. Moscow, 2021: 784. (In Russ.).

2. Basic concepts of the Criminal Code of the Russian Federation: international acts, Russian regulatory legal acts, judicial practice. Ed. by A. V. Galakhova. Moscow: Norm: INFRA-M, 2010: 576. (In Russ.).

3. Rare animals of our country. Comp. by V. E. Sokolov. Publ. ed. R. P. Potapov. Leningrad: Science: Leningrad department; 1989: 309. (In Russ.).

4. Zhevlaikov E. N. The subject of illegal hunting. In: Criminal law: development strategy in the XXI century. Materials of the international conference. Moscow; 2016: 394—397. (In Russ.).

5. Tymoshenko Yu. P. Responsibility for environmental crimes (scientific and practical commentary on the decision of the Plenum of the RF Armed Forces). Theory and practice. Moscow: Prospekt; 2017: 240. (In Russ.).

6. Dubovik O. L. Environmental crimes. Commentary on Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow: Spark; 1998: 352. (In Russ.).

Pleshakov Alexander Mikhailovich,
chief researcher of the Federal State Institution
Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
doctor of juridical science, professor;
pam7185@ya.ru

Kolosovich Marina Sergeevna,
professor at the department of criminal law
of educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical science, docent;
270619@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 21.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 21.10.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

УДК 343.8

doi: 10.25724/VAMVD.A051

**ВОПРОСЫ РАЗДЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ
ИЗОЛИРОВАННЫХ ЛИЦ
В «ПРАВЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ»**

Сергей Михайлович Савушкин

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России,
Томск, Россия, savusertom@rambler.ru

Аннотация. Согласно Своду принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, к задержанным должен применяться режим, соответствующий их статусу неосужденных лиц. В связи с этим они всегда, когда это возможно, помещаются отдельно от лиц, находящихся в заключении. Вопросы дифференциации и отдельного содержания осужденных к лишению свободы регулируются многими правовыми нормами. Отдельное содержание других лиц, находящихся в изоляции, регламентируется не так детально. В соответствии с Минимальными стандартными правилами обращения с осужденными одной из целей их классификации является отделение заключенных от тех, кто в силу своего преступного прошлого или своих черт характера грозит оказанием плохого влияния на другого человека, которое возможно не только в условиях лишения свободы.

Выработка единых подходов в вопросах дифференциации и отдельного содержания изолированных будет способствовать обеспечению прав лиц, находящихся в изоляции, на безопасные условия.

Ключевые слова: лишение свободы, арест, содержание под стражей, отдельное содержание, дифференциация осужденных

Для цитирования: Савушкин С. М. Вопросы отдельного содержания изолированных лиц в «праве лишения свободы» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 28—34. doi: 10.25724/VAMVD.A051

**ISSUES OF SEPARATE DETENTION
OF ISOLATED PERSONS
IN THE "RIGHT FOR DEPRIVATION OF LIBERTY"**

Sergey Mikhailovich Savushkin

Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia for Academic and Scientific Work, Tomsk, Russia, savusertom@rambler.ru

Abstract. According to the "Body of Principles for the Protection of All Persons under Any Form of Detention or Imprisonment", detainees should be treated appropriately for their status as unconvicted persons. In this regard, they are always, whenever possible, placed separately from persons deprived of liberty. The issues of differentiation and separate detention of convicts sentenced to deprivation of liberty are regulated by many legal norms. The separation of other persons in isolation is not regulated in such detail. According to the Standard Minimum Rules for the Treatment of Convicts, one of the purposes of their classification is to separate prisoners from those who, because of their criminal history or their character traits, threaten to be a bad influence on them. Having a bad influence on another person is possible not only in conditions of deprivation of liberty.

The development of unified approaches to the issues of differentiation and separate detention of those in isolation will help ensure the rights of individuals in isolation to safe conditions.

Keywords: deprivation of liberty, arrest, detention, separation detention, differentiation of convicts

For citation: Savushkin S. M. Issues of separate detention of isolated persons in the "right for deprivation of liberty". Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 28—34, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A051

В разной степени сущностные черты лишения свободы прослеживаются в содержании многих других принудительных мер, не являющихся наказанием по своей правовой природе [1, с. 62—63]. На это нас ориентируют прежде всего Минимальные стандартные правила обращения с заключенными в редакции 2015 г. (Правила Нельсона Манделы), устанавливающие рекомендации, которые применимы в отношении всех категорий заключенных, вне зависимости от оснований их принудительной изоляции.

В связи с этим согласимся с А. В. Маслихиным в том, что понятие лишения свободы является общим для административно-правового ареста, уголовно-процессуального задержания, заключения под стражу или уголовного наказания [2, с. 6].

В настоящее время в отечественном законодательстве предусмотрено множество мер, не относящихся к уголовным наказаниям, но обеспечивающих содержание лица в условиях изоляции. Именно поэтому рассмотрение вопросов отдельного содержания представляется актуальным как для разрешения проблем лишения свободы, так и для улучшения механизма обеспечения личной безопасности задержанных и заключенных лиц.

Вне системы наказаний институт изоляции встречается при содержании под стражей в следственных изоляторах (далее — СИЗО) или изоляторах временного содержания; административном аресте, административном задержании; в учреждениях для содержания лиц, которые в соответствующем порядке подлежат выдворению, депортации или передаче иностранному государству в порядке реадмиссии; в учреждениях специализированного типа с интенсивным наблюдением для психически больных лиц; центрах содержания несовершеннолетних правонарушителей; учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа. Важно отметить, что все из указанных мер имеют общие черты, среди которых следует выделить принудительную изоляцию, жесткую регламентацию образа жизни, охрану и надзор, ограничение ряда социальных и биологических потребностей [3, с. 143].

Требования отдельного содержания отдельных категорий изолированных минимальны, что может негативно сказываться на их безопасности. Выработка единых подходов в вопросах отдельного содержания лиц, находящихся в изоляции, будет способствовать обеспечению их прав на личную безопасность.

Актуальность исследования подтверждается и складывающейся на данный момент парадоксальностью ситуаций, которые возникают при

«движении» «субъекта опасности» из одной формы изоляции в другую¹. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть институт отдельного содержания изолированных в целях пересмотра и определения общих начал отдельного содержания во всех местах принудительной изоляции.

1. Условия отдельного содержания осужденных к лишению свободы.

Пенитенциарное законодательство Российской Федерации детально регламентирует механизм отдельного содержания осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях (далее — ИУ), но не является исчерпывающим, что позволяет с учетом разных видов ИУ и имеющихся условий отбывания наказаний говорить о более чем ста категориях осужденных, которые должны содержаться отдельно, отдельно и изолированно друг от друга. Законодатель подразумевает, что у всех категорий осужденных разная степень опасности, что сложно себе вообразить.

В ИУ предусмотрено отдельное содержание в зависимости от пола и возраста. Впервые осужденные к лишению свободы должны содержаться отдельно от тех, кто прежде отбывал аналогичный вид наказания. Осужденные к лишению свободы впервые и отбывавшие наказание прежде до 2009 г. содержались в одном ИУ (отдельно друг от друга), что не нарушало требований законодательства. Распоряжение директора ФСИН России от 12 февраля 2010 г. изменило существующий механизм и создало дополнительные проблемы в дифференциации осужденных. Впервые и ранее отбывавшие наказание в ИУ, независимо от факта снятия судимости, стали отбывать наказание в разных учреждениях.

А. В. Дергачев отмечал, что анализ статистики после таких перемещений выявил положительные тенденции по большинству параметров, характеризующих соблюдение требований режима в исправительной колонии (далее — ИК) [4, с. 26].

Уровень преступности в ИУ в расчете на 1 000 человек в 2008 г. составлял 1,31. В 2009 г. он действительно уменьшился до 1,23, но в дальнейшем

¹ Например, осужденный, которому смертная казнь была заменена пожизненным лишением свободы, 26 лет отбывал наказание в условиях строгой изоляции. После освобождения его отправили в центр временного содержания иностранных граждан, где исходя из норм, регламентирующих другую форму изоляции, он не нуждался в строгой изоляции, находился совместно с другими лицами.

при соблюдении тех же правил отдельного содержания он возрастал: 2012 г. — 1,49; 2015 г. — 1,59; 2019 г. — 2,34; 2021 г. — 2,77. Как следствие, в настоящее время имеются отдельные виды ИУ, не предусмотренные законодательством Российской Федерации. Число осужденных в последние годы уменьшается, и по этой причине ФСИН России в отдельных регионах постепенно отказывается от практики содержания указанных лиц в разных ИУ, что формирует различную практику определения ИУ.

Осужденные к пожизненному лишению свободы; осужденные при опасном и особо опасном рецидиве преступлений; осужденные, которым смертная казнь заменена на определенный срок, содержатся изолированно от других осужденных.

Уголовно-исполнительное законодательство предусматривает, что бывшие работники правоохранительных органов содержатся в отдельных ИУ, однако не запрещает направлять в указанные учреждения иных осужденных.

Важно отметить, что подобные требования относительно отдельного содержания не распространяются на лечебно-исправительные учреждения и исправительные колонии, при которых имеются дома ребенка. В то же время криминологическая ситуация в данных учреждениях такая же, как и в остальных ИУ.

По этой причине возникает необходимость соблюдения большого числа требований отдельного содержания осужденных, что в итоге не только приводит к большим финансовым затратам государства, но и в определенной мере мешает достижению целей уголовно-исполнительного законодательства.

2. Раздельное содержание лиц, содержащихся под стражей.

Максимально сложная система отдельного содержания предусмотрена в деятельности СИЗО. Число критериев отдельного, отдельного, изолированного содержания часто приводит к нарушениям норм совместного размещения лиц, которым такое запрещено. На практике данные нарушения в большинстве случаев не способны привести к негативным последствиям. На первое, доминирующее место выходит преступление, но в максимальной изоляции более важно учитывать способность человека находиться в таких условиях.

Согласно Федеральному закону «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ

раздельное содержание в камерах производится с учетом личности содержащегося и его психологической совместимости с другими. По возможности курящие изолированные содержатся отдельно от некурящих; беременные женщины и женщины, имеющие при себе детей, — отдельно от остальных.

В некоторых случаях разрешается совместное содержание несовершеннолетних и взрослых, что запрещено в ИУ; в других случаях раздельное содержание более дробное, чем в ИУ, и предусматривает изоляцию от остальных изолированных, исходя из состава преступления, и это в условиях заявленного принципа презумпции невиновности.

3. Раздельное содержание при административном аресте.

С 2006 г. согласно изменениям законодательства административный арест не применяется в отношении граждан, призванных на военные сборы, сотрудников органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы, военнослужащих. В то же время согласно Федеральному закону «О порядке отбывания административного ареста» от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ отдельно от других лиц содержатся судьи, работники прокуратуры, сотрудники Следственного комитета, сотрудники органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы, сотрудники органов принудительного исполнения наказания Российской Федерации, войск национальной гвардии и т. д.

Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» также выделяет адвокатов и сотрудников налоговой инспекции. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее — УИК РФ), в свою очередь, всех объединяет категорией «бывшие работники правоохранительных органов».

При административном аресте раздельно содержатся: мужчины и женщины; больные инфекционными заболеваниями, лица, нуждающиеся в медицинском наблюдении. В случае наличия свободных помещений курящие и некурящие содержатся раздельно.

В. Н. Чуев отмечает, что ранее отдельно также содержались арестованные иностранные граждане и лица без гражданства; арестованные за незаконное приобретение наркотических средств в небольших размерах либо за приобретение наркотических средств без назначения врача; арестованные, нарушающие режим содержания; изолированные

в целях безопасности (случаи угрозы жизни и здоровью)¹.

4. Раздельное содержание задержанных.

Согласно Федеральному закону «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3 в специальном помещении раздельно содержатся задержанные мужчины и женщины; взрослые и несовершеннолетние; задержанные с инфекционными заболеваниями. Указания на раздельное содержание тринадцати категорий задержанных в законе отсутствуют.

При невозможности передачи родственникам или иным законным представителям в специальных помещениях не размещаются следующие категории лиц: состояние которых определяется как «состояние средней тяжести» или «тяжелое» в связи с заболеванием или полученной травмой; находящиеся в тяжелой степени алкогольного или иного опьянения; лица, страдающие сахарным диабетом в средней или тяжелой степени; беременные женщины и лица, имеющие при себе детей в возрасте до 14 лет.

Отсутствие общих принципов изоляции и общих, основных критериев раздельного содержания в изоляции позволяет ставить вопросы о необходимости дробной системы раздельного содержания при одной форме изоляции и отсутствии таковой при другой (содержание в таких учреждениях фактически одинаковых лиц).

5. Требования раздельного содержания иностранных граждан в центре временного содержания.

В соответствии с требованиями ст. 2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ для содержания лиц, подлежащих административному выдворению, депортации, передаче иностранному государству, в порядке реадмиссии создаются специальные центры. Анализ действующего административного законодательства позволяет сделать вывод, что срок нахождения в подобных учреждениях может превышать два года и более (ограничиваясь истечением срока давности исполнения постановления о реадмиссии). Имеются случаи нахождения лиц в данных учреждениях более трех лет.

В этих центрах раздельно содержатся: мужчины и женщины, за исключением родственников; лица с признаками инфекционных заболеваний, содер-

жащиеся в специальных инфекционных изоляторах; лица с признаками психического заболевания, которые должны быть помещены в отдельное помещение специального учреждения.

Совместно (но в отдельном помещении) могут содержаться супруг, супруга, родные братья, родные сестры, родители, дети, усыновители, усыновленные, бабушка, дедушка, внуки иностранного гражданина.

Некоторые такие лица попадают в данные учреждения сразу после освобождения из ИУ. Требования раздельного содержания лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, с несудимыми лицами отсутствуют. В ИУ считается, что такие лица «криминально заразны» и оказывают негативное воздействие на впервые осужденных к лишению свободы, но в центрах временного содержания иностранных граждан основания раздельного содержания другие.

6. Раздельное содержание в психиатрических больницах специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Применение принудительных мер медицинского характера в виде помещения лица в психиатрические больницы специализированного типа с интенсивным наблюдением является одной из форм изоляции.

Специальные криминологические исследования показывают, что структура деяний, в связи с совершением которых было назначено принудительное лечение, выглядит следующим образом: два из пяти совершили убийство; каждый седьмой связан с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и преступлениями против половой неприкосновенности и половой свободы личности; один из одиннадцати совершил хищение либо умышленно причинил тяжкий вред здоровью; иные общественно опасные деяния составляют 14 % [5, с. 20]. Приведенная статистика свидетельствует о необходимости раздельного содержания лиц и в данных учреждениях.

Обеспечение безопасности лиц, проходящих принудительное лечение в психиатрическом стационаре, медицинского персонала и иных лиц, находящихся на его территории, является одной из задач сотрудников, охраняющих психиатрические больницы. Вероятность потенциальных угроз от изолированных лиц допускается, но норм, регламентирующих раздельное содержание, мы не встречаем.

7. Раздельное содержание несовершеннолетних правонарушителей в центрах временного содержания (далее — ЦВСНП).

¹ Чув В. Н. Комментарий к Федеральному закону от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Проведение с несовершеннолетними правонарушителями индивидуально-профилактической работы в ЦВСНП является одним из способов профилактики преступлений и иных правонарушений, а также антиобщественного поведения.

В ЦВСНП могут быть помещены несовершеннолетние, совершившие общественно опасное деяние до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность; правонарушение, влекущее административную ответственность до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность; правонарушение, влекущее административную ответственность в случаях, если их личность не установлена либо они не имеют места жительства.

Основной возрастной категорией изолированных (78,6 %) являются лица в возрасте от 12 до 14 лет, больше половины (55,7 %) деяний составляют кражи, почти пятую часть (18,2 %) — умышленное причинение легкого вреда здоровью и побои.

Е. М. Осадчая, А. Н. Димитров и С. С. Сотников отмечают, что было бы целесообразно рассмотреть вопрос о включении в перечень помещаемых в ЦВСНП такой категории несовершеннолетних лиц, как допустившие неоднократные самовольные уходы из дома [6]. С подобной позицией вряд ли можно согласиться, поскольку в условиях изоляции возникают угрозы безопасности личности.

Несмотря на то что целью ЦВСНП является защита жизни и здоровья несовершеннолетних, единственная норма, предусматривающая их раздельное содержание, является достаточно формальной и говорит о том, что в зависимости от пола, возраста, степени общественной опасности и поведения несовершеннолетних их размещают в отдельных спальнях помещений.

8. Раздельное содержание в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа.

Содержание в специализированном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа несовершеннолетнего, совершившего преступление, является наиболее строгой мерой воспитательного воздействия [7, с. 837].

В специализированном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа могут содержаться несовершеннолетние в возрасте от 11 до 18 лет, которые нуждаются в особых условиях обучения, воспитания и требуют специального педагогического подхода в следующих случаях: если они не достигли возраста уголовной ответственности, либо не подлежат уголовной ответственности вследствие отставания в психическом развитии, либо осуждены за совершение преступления сред-

ней тяжести или тяжкого преступления и освобождены судом от наказания в соответствии с требованиями уголовного законодательства.

Представляется, что дифференциация указанной категории лиц должна быть сходной с дифференциацией воспитанников, содержащихся в колониях для несовершеннолетних осужденных.

Дополнительным аргументом для внимательного отношения к дифференциации несовершеннолетних выступает тот факт, что при освобождении от наказания принудительная мера воспитательного воздействия может ему назначаться при совершении преступления не в первый раз.

В вопросах дифференциации несовершеннолетних администрация учреждения обязана обеспечивать специальные условия, включающие гарантию личной безопасности (как физическую, так и моральную, связанную с оказанием негативного воздействия). Мальчики и девочки содержатся в отдельных специальных учебно-воспитательных учреждениях. При наличии возможностей раздельного содержания мальчиков и девочек возможно создание данных учреждений с совместным их содержанием и обучением.

9. Раздельное содержание осужденных военнослужащих.

Несмотря на то что арест в отношении осужденных военнослужащих не исполняется, рассмотреть правовую природу норм об их раздельном содержании представляется интересным.

Отдельно друг от друга содержатся: офицерский состав; прапорщики, мичманы, сержанты и старшины; рядовые; проходящие службу по контракту; проходящие службу по призыву; арестованные; осужденные. Запрет на совместное содержание мужчин и женщин отсутствует.

А. А. Храмов в качестве причины отсутствия нормы о раздельном содержании мужчин и женщин указывает на отсутствие практики привлечения осужденных военнослужащих женщин к уголовному наказанию в виде ареста, которая исключает необходимость решения вопроса о возможном отбывании наказания на гауптвахте осужденных мужчин и женщин одновременно [8, с. 107]. В отсутствие перспектив создания специализированных тюрем для военнослужащих весьма прогрессивным выглядит предложение О. Н. Ничуговской относительно создания возможности отбывания наказания военнослужащими в отдельных ИУ вместе с другими специальными субъектами (адвокатами, судьями, сотрудниками правоохранительных органов, сотрудниками налоговой инспекции, сотрудниками таможни и др.) [9, с. 65]. Для этого необходимо

лишь выработать общие принципы раздельного содержания изолированных лиц.

Подводя итоги краткого исследования правовой природы института раздельного содержания изолированных на примере различных форм изоляции, можем сделать ряд выводов.

Каждая форма изоляции должна преследовать цели обеспечения безопасности и организации работы с изолированными лицами. На данный момент дифференциация производится исходя из различных целей, которые во многих случаях не закрепляются нормативно. В ИУ учитывают в большей мере психологические особенности поведения человека в условиях изоляции, в меньшей мере — совершенное преступление. В СИЗО при наполнении, близком к максимуму, соблюдение всех требований раздельного содержания подозреваемых и обвиняемых становится трудновыполнимым. Несовершеннолетние, совершившие преступления в 12—14 лет, содержащиеся в специальных учреждениях, дифференцируются менее качественно, чем в воспитательных колониях, что

негативно сказывается на их личной безопасности. Военнослужащие, осужденные в лечебном исправительном учреждении, осужденные в колониях для бывших сотрудников правоохранительных органов, не нуждаются в дробной дифференциации исходя из тяжести преступлений. У военнослужащих при раздельном содержании важнее воинские звания, в лечебных исправительных учреждениях — заболевания и т. д.

Поскольку лишение или ограничение свободы изолированных лиц может иметь разнообразные формы, не всегда идентичные наказанию в виде лишения свободы, пенитенциарное право как «право лишения свободы» нуждается в разработке самостоятельных принципов и определении общих критериев дифференциации заключенных. В то же время при дальнейшей разработке данной темы нужно помнить, что любое ограничение свободы должно отвечать общеправовым принципам, принципам лишения свободы и целям дифференциации изолированных лиц.

1. Уткин В. А. Пенитенциарное право как «право лишения свободы» // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т, 1998. С. 61—66.

2. Маслихин А. В. Лишение свободы: виды, содержание, исполнение. Рязань: РВШ МВД РСФСР, 1991. 64 с.

3. Ким В. В. Пенитенциарное право как «право лишения свободы» // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6 (79). С. 142—148.

4. Дергачев А. В. Дифференциация осужденных: достигнутые результаты, перспективы совершенствования // Вестник Кузбасского института. 2013. № 2 (15). С. 23—26.

5. Веселовская А. В. Лечебно-охранительный режим и его значение в процессе исполнения принудительных мер медицинского характера в стационарных условиях // Вестник Кузбасского института. 2020. № 3 (44). С. 18—28.

6. Осадчая Е. М., Димитров А. Н., Сотников С. С. Обеспечение применения к несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия путем их помещения в ЦВСНП (центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей) // Административное право и процесс. 2020. № 1. С. 68—71.

7. Направление несовершеннолетних осужденных в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа / И. Г. Смирнова,

1. Utkin V. A. Penal law as the "right for deprivation of liberty". In: Actual problems of the theory of combating crime and law enforcement practice. Interuniversity collection of scientific papers. Krasnoyarsk: Siberian Juridical Institute; 1998: 61—66. (In Russ.).

2. Maslikhin A. V. Deprivation of liberty: types, content, execution. Ryazan: Ryazan Higher School of Ministry of Internal Affairs of the RSFSR; 1991: 64. (In Russ.).

3. Kim V. V. Penal law as the "right for deprivation of liberty". Actual problems of Russian law, 142—148, 2017. (In Russ.).

4. Dergachev A. V. Differentiation of convicts: achieved results, prospects for improvement. Bulletin of the Kuzbass Institute, 23—26, 2013. (In Russ.).

5. Veselovskaya A. V. Treatment-and-protective regime and its significance in the process of enforcement of compulsory medical measures in stationary conditions. Bulletin of the Kuzbass Institute, 18—28, 2020. (In Russ.).

6. Osadchaya E. M., Dimitrov A. N., Sotnikov S. S. Ensuring the application of compulsory measures of educational influence to minors by placing them in the TDCJO (Temporary Detention Center for Juvenile Offenders). Administrative law and process, 68—71, 2020. (In Russ.).

7. Smirnova I. G., Nikoljuk V. V., Markovicheva E. V., Kachalova O. V. Direction of juvenile convicts to special educational custodial institu-

В. В. Николук, Е. В. Марковичева, О. В. Качалова // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 5. С. 837—845.

8. Храмов А. А. Логика уголовно-исполнительного правового регулирования: к постановке проблемы // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2021. № 4 (10). С. 104—109.

9. Ничуговская О. Н. Проблемы исполнения уголовных наказаний, применяемых к военнослужащим // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1 (40). С. 63—65.

Савушкин Сергей Михайлович,
заместитель начальника Томского института
повышения квалификации работников
ФСИН России
по учебной и научной работе,
кандидат юридических наук, доцент;
savusertom@rambler.ru

tions. All-Russian journal of criminology, 837—845, 2019. (In Russ.).

8. Khramov A. A. The logic of penal legal regulation: to the formulation of the problem. Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, 104—109, 2021. (In Russ.).

9. Nichugovskaya O. N. Problems of execution of criminal penalties applied to military personnel. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 63—65, 2017. (In Russ.).

Savushkin Sergey Mikhailovich,
deputy head of the Tomsk Institute
for Advanced Training of Employees
of the Federal Penitentiary Service of Russia
for academic and scientific work,
candidate of juridical sciences, docent;
savusertom@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 16.08.2022; одобрена после рецензирования 19.09.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 16.08.2022; approved after reviewing 19.09.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

УДК 343.33

doi: 10.25724/VAMVD.A052

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
НОВОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
ПРИНЯТОГО В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ**

Александр Сергеевич Сенцов**, *Валентина Александровна Волколупова, *Владимир Георгиевич Волколупов******

* Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия, sentsov_1951@mail.ru

** Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия, volkolupovav@mail.ru

*** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, volkolupov_osr@rambler.ru

Аннотация. В работе рассматриваются сложные вопросы, относящиеся к правовой регламентации ответственности за некоторые преступления против военной службы и против мира и безопасности человечества с учетом внесенных в Уголовный кодекс Российской Федерации в сентябре 2022 г. новейших изменений и дополнений, обусловленных в том числе проведением специальной военной операции на территории Украины.

В частности, дается критический анализ новой редакции нормы, предусмотренной п. «л» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации, расширившей перечень обстоятельств, отягчающих наказание, путем отнесения к их числу таких, как «совершение преступления в период мобилизации или военного положения, в военное время...».

В статье выделяется ряд теоретических и практических проблем, относящихся к законодательной конструкции включенных в Уголовный кодекс Российской Федерации новых норм об ответственности за мародерство (ст. 356.1) и добровольную сдачу в плен (ст. 352.1), а также приводятся авторские аргументы и рекомендации по дальнейшему совершенствованию названных нормативных предписаний и современной практики их применения.

Ключевые слова: уголовная ответственность; обстоятельства, отягчающие наказание; преступления против военной службы; преступления против мира и безопасности человечества; мародерство; добровольная сдача в плен

Для цитирования: Сенцов А. С., Волколупова В. А., Волколупов В. Г. Основные направления дальнейшего совершенствования нового уголовного законодательства, принятого в условиях проведения специальной военной операции на Украине // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 35—42. doi: 10.25724/VAMVD.A052

**THE MAIN DIRECTIONS OF FURTHER IMPROVEMENT
OF THE NEW CRIMINAL LEGISLATION
ADOPTED IN THE CONTEXT OF A SPECIAL MILITARY OPERATION
IN THE UKRAINE**

Alexander Sergeevich Sentsov**, *Valentina Alexandrovna Volkolupova, *Vladimir Georgievich Volkolupov******

* Volgograd institute of management — branch of the Russian Presidential academy of the national economy and public administration, Volgograd, Russia, sentsov_1951@mail.ru

** Volgograd institute of management — branch of the Russian Presidential academy of the national economy and public administration, Volgograd, Russia, volkolupovav@mail.ru

*** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, volkolupov_osr@rambler.ru

Abstract. The paper deals with complex issues related to the legal regulation of responsibility for certain crimes against military service and against the peace and security of mankind, taking into account the latest amendments and additions made to the Criminal Code of the Russian Federation in September 2022, due, among other things, to the conduct of a special military operation on the territory of the Ukraine.

In particular, a critical analysis is given of the new version of the norm provided for in paragraph "I" of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation, which expanded the list of circumstances aggravating punishment by including among them such as "the commission of a crime during mobilization or martial law, in wartime...".

The article highlights a number of theoretical and practical problems related to the legislative structure of the new norms on responsibility for looting included in the Criminal Code of the Russian Federation (Article 356.1) and voluntary surrender (Article 352.1), as well as the author's arguments and recommendations for further improvement of these regulations for further improvement of these regulations and modern practice of their application.

Keywords: criminal liability, circumstances aggravating punishment, crimes against military service, crimes against the peace and security of mankind, looting, voluntary surrender

For citation: Sentsov A. S., Volkolupova V. A., Volkolupov V. G. The main directions of further improvement of the new criminal legislation adopted in the context of a special military operation in the Ukraine. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 35—42, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A052

На современном этапе развития России в условиях резко обострившейся социально-политической и экономической обстановки в нашей стране, что связано прежде всего с проведением Вооруженными Силами Российской Федерации специальной военной операции на Украине и беспрецедентными экономическими санкциями, введенными в отношении России так называемыми недружественными государствами (США, странами ЕС и др.), внесение в сентябре 2022 г. в действующее уголовное законодательство Российской Федерации кардинальных изменений и дополнений было вполне ожидаемым и в целом криминологически обоснованным.

Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ, вступивший в силу в экстраординарном порядке со дня его официального опубликования, внес и в Общую, и в Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) ряд принципиальных изменений и дополнений, объективно требующих своего теоретического осмысления в целях единообразного применения соответствующих уголовно-правовых норм.

Не прибегая к подробному анализу всех новелл, включенных названным законом в УК РФ, отметим лишь, что некоторые из них, на наш взгляд, небесспорны и не вполне согласуются с существующими в уголовно-правовой науке теоретическими разработками.

Так, представляется безупречной и вызывает сомнения новая формулировка п. «л» ч. 1 ст. 63

УК РФ, согласно которой обстоятельством,отягчающим наказание, признается «совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, **в период мобилизации** (выделено нами. — А. С., В. В., В. В.) или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий».

По смыслу новой редакции п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ при назначении наказания за любое совершенное после 24 сентября 2022 г. преступление, независимо от того, умышленное оно или неосторожное, а также независимо от его категории (небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое), от места его совершения (на территории Российской Федерации или же, при наличии оснований, установленных в ст. 12 УК РФ, вне пределов Российской Федерации), суд обязательно должен признать в приговоре обстоятельством, отягчающим наказание, сам факт совершения данного преступления в период мобилизации и только по этому основанию увеличить осужденному срок или размер наказания относительно его «типовой», «исходной» меры.

Указом Президента России «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» от 21 сентября 2022 г. № 647 в нашей стране с 21 сентября 2022 г. объявлена частичная мобилизация, а следовательно, с этого момента начался период мобилизации. Время окончания данного периода в названном нормативном акте не установлено, и поэтому период мобилизации будет продолжаться до тех пор, пока о его завершении

(отмене) не будет объявлено соответствующим Указом Президента России.

Насколько же объективно отражает существующие реалии признание законодателем самого по себе времени (период мобилизации) совершения преступления (любого) обстоятельством, отягчающим наказание?

Бесспорно, что для многих умышленных преступлений, прежде всего преступлений против военной службы (ст. 332—346 УК РФ), а также общественно опасных деяний, связанных с выполнением государственного оборонного заказа (новые ст. 201.2, 201.3, 285.5 УК РФ и т. п.) или сопряженных с уклонением от прохождения военной и альтернативной гражданской службы (ст. 328 УК РФ) и т. п., сам факт совершения такого деяния в период мобилизации значительно повышает типовую степень их общественной опасности, поскольку именно в это время государство и общество направляют свои усилия на то, чтобы обеспечить подготовку страны, и в частности ее Вооруженных Сил, к условиям военного положения (в настоящее время — к успешному завершению специальной военной операции на Украине). В этот период вред, причиняемый названными преступлениями, хотя и не превышает типового, «обычного», сам факт его причинения воспринимается особенно остро, и он как бы «удваивается», существенно возрастает, в том числе в силу снижения социального контроля, обусловленного тем, что внимание органов государственной власти и гражданского общества отвлечено и акцентировано на решении других важных проблем. К тому же и с субъективной стороны лицо, совершая такие преступления в период мобилизации, осознает наличие этого обстоятельства, но игнорирует его.

Однако безусловное признание рассматриваемого обстоятельства в качестве отягчающего наказание за любое совершенное в период мобилизации преступление представляется чрезмерно категоричным, криминологически необоснованным и не вполне согласуется с такими важнейшими принципами уголовного права, как справедливость и экономия мер уголовно-правовой репрессии.

Прежде всего вызывает сомнение безусловное признание обстоятельством, отягчающим наказание, сам по себе факт совершения в период мобилизации большинства неосторожных преступлений (например, причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ), уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ), нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств

(ст. 264 УК РФ) и т. п.). При неосторожной форме вины лицо проявляет преступное легкомыслие или преступную небрежность и при этом в момент самого преступления не осознает, что его деяние совершается в период мобилизации, в силу чего данный признак вряд ли можно признавать обстоятельством, отягчающим наказание. Следовательно, в типичных ситуациях сам по себе фактор времени (мирное время, период мобилизации, военное время) никакого существенного влияния на присущую неосторожным преступлениям степень их общественной опасности не оказывает.

Вряд ли является бесспорным и обоснованным признание самого лишь факта совершения преступления в период мобилизации обстоятельством, отягчающим наказание, и для целого ряда умышленных преступлений, особенно преступлений против личности, совершаемых на бытовой почве (побои (ст. 116 и 116.1 УК РФ), истязание (ст. 117 УК РФ), умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) и др.).

Трудно найти убедительные аргументы, позволяющие обосновать необходимость во всех случаях назначать более строгое наказание, например, лицу, заразившему другое лицо венерическим заболеванием (ст. 121 УК РФ) или совершившему развратные действия (ст. 135 УК РФ), только потому, что данные деяния были совершены в период мобилизации.

На наш взгляд, более предпочтительным является иное решение рассматриваемой проблемы: если какое-то конкретное преступление, совершенное в период мобилизации, действительно становится более опасным и типовая степень его общественной опасности изменяется настолько, что это объективно требует усиления ответственности, то целесообразно выделить данный признак в квалифицированном составе такого преступления, увеличив санкцию соответствующей уголовно-правовой нормы.

Такой подход отчасти уже реализован законодателем и в анализируемом федеральном законе путем дополнения ст. 333, 334, 337, 338, 339, 340, 341, 342 и 344 УК РФ новыми частями, в которых в качестве квалифицированных видов соответствующих преступлений против военной службы выделены «деяния, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий».

Аналогичные изменения целесообразно было бы внести и в ряд других норм, предусмотренных

такими статьями Особенной части УК РФ, как, например, ст. 328, 201.1, 285.4, 278, 279 УК РФ.

Однако такой подход вовсе не исключает того, что в отдельных случаях конкретное преступление, совершенное в период мобилизации, действительно может быть более опасным, чем аналогичное деяние, но совершенное в обычных условиях (например, причинение легкого или большей степени вреда здоровью потерпевшего, который подлежал мобилизации, а в результате совершенного преступления оказался в лечебном учреждении (ст. 115, 112, 111 УК РФ)). Но в таких случаях суд, определяя осужденному меру наказания (его вид и размер), может индивидуализировать его в рамках общих начал назначения наказания по правилам, предусмотренным ч. 3 ст. 60 УК РФ.

Представляет теоретический и практический интерес и еще одна новелла (а точнее, восстановление в УК РФ традиционного для российского уголовного права состава преступления, именуемого «мародерство»), закрепленная в новой статье 356.1 УК РФ. В этой статье, названной «Мародерство», сформулированы основной (ч. 1) и несколько квалифицированных (чч. 2, 3 и 4) составов данного преступления.

В новой норме понятие мародерства определено законодателем как «совершенные с корыстной целью в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий и не связанные с вынужденной необходимостью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества (в том числе имущества, находящегося при убитых или раненых, имущества гражданского населения)» (ч. 1 ст. 356.1 УК РФ)¹. При буквальном толковании объективных и субъективных признаков основного состава мародерства отличить его от хищения чужого имущества, совершенного в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, практически невозможно.

В статье 266 УК РСФСР 1960 г. мародерство определялось как «похищение на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых»²,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (по сост. на 24.09.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс РСФСР (утв. постановлением Верховного Совета РСФСР от 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

и в санкции данной нормы предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет либо смертная казнь. В отдельной статье УК РСФСР 1960 г. (ст. 267) предусматривалась повышенная ответственность за «разбой, противозаконное уничтожение имущества, насилие, а равно противозаконное отобрание имущества под предлогом военной необходимости, совершаемые по отношению к населению в районе военных действий»³.

Таким образом, в российском уголовном праве на всех этапах его развития мародерство всегда рассматривалось как воинское преступление, совершаемое, как правило, на поле боя (сражения) или в районе ведения военных действий, оно толковалось в узком смысле и сводилось лишь к похищению вещей, находящихся при убитых и раненых, оставшихся на поле сражения.

На наш взгляд, новая формулировка понятия мародерства имеет ряд недостатков, которые на практике затрудняют применение уголовно-правовых норм, предусмотренных в ст. 356.1 УК РФ, особенно при квалификации рассматриваемого преступления.

Во-первых, как уже отмечалось, неясно, по каким признакам состав мародерства следует отграничивать от хищений чужого имущества, совершенных в период военного положения или в военное время. Ведь и объективные, и субъективные признаки состава мародерства полностью совпадают с признаками хищения чужого имущества, определенными в примечании 1 к ст. 158 УК РФ. Оба рассматриваемых преступления (хищение чужого имущества и мародерство) — это «совершенные с корыстной целью... противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества...». Единственными отличительными признаками мародерства являются либо время его совершения (период военного времени, или военное время), либо обстановка его совершения (условия вооруженного конфликта или ведение боевых действий). Но эти признаки в составе мародерства являются альтернативными, и данный состав имеет место при наличии хотя бы одного из названных признаков (например, период военного положения).

Таким образом, буквальное толкование диспозиции нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 356.1 УК РФ, дает основание полагать, что все хищения чужого имущества (независимо от способа их совершения), совершенные в период военного положения или в военное время, образуют состав мародер-

³ Там же.

ства и подлежат квалификации по соответствующей части ст. 356.1 УК РФ. Представляется, что такое законодательное решение вряд ли оправданно, и требуется внесение соответствующих изменений в редакцию ч. 1 ст. 356.1 УК РФ, которые позволяли бы разграничить мародерство и хищение чужого имущества в его традиционных формах. Например, как один из возможных вариантов можно предложить следующую редакцию ч. 1 ст. 356.1 УК РФ: «Мародерство, то есть совершенные с корыстной целью на поле сражения в период военного положения, в военное время или в условиях вооруженного конфликта при отсутствии крайней необходимости... (далее по тексту действующей редакции)».

Требуют, на наш взгляд, уточнения и такие неоднозначно решаемые вопросы, как предмет мародерства (сейчас это только чужое имущество, но, может быть, в предмет мародерства целесообразно включить и иные вещи, которые могут находиться при убитых и раненых: государственные награды, личные документы, авторские произведения и иные предметы интеллектуальной собственности и др.).

Неясно, с какого момента мародерство, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, или с угрозой применения такого насилия, следует признавать оконченным преступлением. Ведь по сути это разбой, но применительно к деянию, предусмотренному ч. 1 ст. 356.1 УК РФ, для вменения п. «в» ч. 3 этой статьи требуется обязательное «изъятие и обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества», и при буквальном систематическом толковании этих норм вполне логичен вывод о том, что в отличие от состава разбоя, являющегося преступлением против собственности (ст. 162 УК РФ), состав особо квалифицированного мародерства, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 356.1 УК РФ, сконструирован по типу материального и для признания его оконченным преступлением обязательным является наступление общественно опасных последствий в виде имущественного ущерба, а это тоже представляется далеко не бесспорным.

Иными словами, нормы, предусмотренные в новой ст. 356.1 УК РФ, требуют, на наш взгляд, дальнейшего совершенствования в целях единообразного применения в следственной и судебной практике.

Еще одной новеллой, внесенной 24 сентября 2022 г. в УК РФ, является ст. 352.1, в которой установлена (а точнее, восстановлена) уголовная ответственность за добровольную сдачу в плен.

В российском уголовном праве добровольная сдача военнослужащего в плен традиционно и вполне обоснованно признавалась одним из самых тяжких воинских преступлений. За совершение данного деяния даже в предыдущем УК РСФСР 1960 г. (ст. 264) была установлена исключительная мера наказания — смертная казнь (на первом месте) или — в качестве ее альтернативы — наказание в виде лишения свободы сроком на 15 лет (этот вид наказания был абсолютно-определенным).

Более 25 лет в России самостоятельный состав добровольной сдачи в плен в уголовном законе отсутствовал, поскольку при принятии УК РФ 1996 г. «на волне либерализации» доминирующей оказалась идея о том, что сама по себе сдача в плен не нуждается в криминализации, и только если при этом был умысел на оказание противнику помощи «в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации», то такое деяние признается государственной изменой и влечет ответственность по ст. 275 УК РФ.

Но четверть века спустя в изменившейся социально-политической обстановке, обусловленной участвовавшими вооруженными конфликтами в непосредственной близости от границы нашей страны, а особенно начавшейся специальной военной операцией на территории Украины и рядом других негативных факторов, законодатель наконец восстановил в УК РФ состав добровольной сдачи в плен при отсутствии признаков государственной измены в виде перехода на сторону противника (примечание к ст. 275 УК РФ), включив в раздел XI «Преступления против военной службы» новую статью 352.1, установившую самостоятельную ответственность за данное деяние.

Не прибегая к подробному анализу всех объективных и субъективных признаков рассматриваемого состава, отметим лишь, что при применении уголовно-правовой нормы, сформулированной в ст. 352.1 УК РФ, могут возникнуть сложности, связанные с установлением реального содержания некоторых терминов, использованных законодателем в диспозиции данной нормы. Согласно этой диспозиции состав рассматриваемого преступления определяется как «добровольная сдача в плен при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 275 настоящего Кодекса». Исходя из того что данная норма помещена в разделе XI, главе 33 «Преступления против военной службы», основным непосредственным объектом в составе рассматриваемого преступления являются урегулированные нормами права общест-

венные отношения, обеспечивающие установленный порядок несения военной службы в районе ведения боевых действий. Между тем в уголовно-правовой доктрине имеются и иные подходы к определению объекта данного преступления [1]. В частности, таковыми признавались «советская воинская дисциплина» [1, с. 522], «установленный порядок несения воинской (военной) службы на поле боя» [2, с. 598; 3, с. 446], «порядок несения военной службы в районе военных действий» [4, с. 574; 5, с. 573].

Объективная сторона в составе рассматриваемого преступления включает совершение комплекса действий (иногда в их сочетании с бездействием), в результате которых военнослужащий прекращает оказывать сопротивление противнику и выражает свое намерение отдать себя во власть неприятеля. В уголовно-правовой доктрине признаки объективной стороны определяются чаще всего путем указания на такие действия, как «прекращение военнослужащим сопротивления врагу, сложение им оружия и сдача в плен» [1, с. 522], либо «добровольный переход военнослужащего к неприятелю» [3, с. 446], либо «прекращение борьбы с противником, несмотря на имеющуюся у военнослужащего возможность оказывать вооруженное сопротивление» [3, с. 589; 4, с. 573].

К числу сложных вопросов, которые будут возникать в правоприменительной практике, относится определение момента окончания состава рассматриваемого преступления. Данный вопрос должен решаться, на наш взгляд, с учетом нормативных предписаний, содержащихся в нормах Международного гуманитарного права¹. В этих нормах статус военнопленного, а соответственно, и защита от нападения предоставляются не только военнослужащим, уже оказавшимся в состоянии пленения, т. е. под контролем вооруженных сил противника, но и таким лицам, которые объективно выразили свое намерение немедленно сдаться в плен и прекратили вооруженное сопротивление. И те, и другие в международном праве приравниваются к «вышедшим из строя лицам».

С учетом приведенных норм международного гуманитарного права состав рассматриваемого преступления сконструирован по типу усеченного и данное деяние является окончательным с момента

совершения военнослужащим первых же действий (или сочетания действий с бездействием), которые однозначно свидетельствуют о его добровольном намерении сдаться в плен. Состоялось при этом его фактическое «пленение» или нет — на квалификацию содеянного не влияет.

О намерениях военнослужащего сдаться в плен могут свидетельствовать, например, такие его действия, как публичная демонстрация неприятелю поднятого белого флага, громко высказанные устные заявления о своей сдаче в плен, поднятие обеих рук, иные конклюдентные действия (жесты и т. п.).

Приведенная позиция, на наш взгляд, представляется вполне обоснованной, она соответствует логике объекта данного преступления и согласуется с историческими правовыми традициями, давно сложившимися в судебной практике военных трибуналов времен Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).

С субъективной стороны состав добровольной сдачи в плен включает только вину в виде прямого умысла, а мотив и цели в этом составе являются факультативными признаками, но при этом не должно быть цели последующего участия лица «в составе непосредственно противостоящих Российской Федерации сил (войск) иностранного государства, международной либо иностранной организации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники» (прим. к ст. 275 УК РФ).

Если сдача в плен преследует названную цель, то содеянное образует состав государственной измены и квалифицируется по ст. 275 УК РФ как «переход на сторону противника».

Типичными мотивами добровольной сдачи в плен являются трусость или малодушие. В статье 264 УК РСФСР 1960 г. эти мотивы были предусмотрены в качестве конститутивных признаков данного состава, но в действующую редакцию ст. 352.1 УК РФ они не включены и находятся за пределами данного состава.

Субъект добровольной сдачи в плен специальный — только военнослужащий, проходящий военную службу по призыву либо по контракту.

На наш взгляд, целесообразно было бы внести в ст. 352.1 УК РФ дополнения и включить в нее часть 2, где предусмотреть такой квалифицирующий признак, как совершение данного деяния группой лиц по предварительному сговору.

Представляется, что требует легального толкования и такой обязательный признак, как добровольность сдачи в плен. Содержание этого при-

¹ Женевская Конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. // Международный Комитет Красного Креста: офиц. сайт. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-3.htm> (дата обращения: 03.08.2022).

знака логично было бы законодательно определить в примечании к ст. 352.1 УК РФ. Возможно и иное решение: принять в ближайшее время новое постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях против военной службы и пре-

ступлениях против мира и безопасности человечества» и в нем дать соответствующие разъяснения по сложным вопросам применения новых уголовно-правовых норм, введенных в действие с 24 сентября 2022 г.

1. Советское уголовное право. Часть Особенная: учеб. пособие / под общ. ред. В. Д. Меньшагина, П. С. Ромашкина, А. Н. Трайнина. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 544 с.

2. Советское уголовное право: Особенная часть: учебник / под ред. П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова. Москва: Юрид. лит., 1988. 608 с.

3. Советское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. Г. А. Кригера, Б. А. Куринова, Ю. М. Ткачевского. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 472 с.

4. Уголовное право. Часть Особенная: учебник / под ред. Н. И. Загородникова и В. Ф. Кириченко. Москва: Юрид. лит., 1968. 584 с.

5. Советское уголовное право. Часть Особенная: учебник / под общ. ред. Н. И. Загородникова. Москва: Юрид. лит., 1973. 576 с.

1. Soviet criminal law. A special part. Textbook. General ed. by V. D. Menshagin, P. S. Romashkin, A. N. Trainin. Moscow: Publishing House of Moscow University; 1957: 544. (In Russ.).

2. Soviet criminal law: A special part. Textbook. Ed. by P. I. Grishaev, B. V. Zdravomyslov. Moscow: Legal literature; 1988: 608. (In Russ.).

3. Soviet criminal law. Special part. Textbook. Ed. by G. A. Krieger, B. A. Kurinov, Yu. M. Tkachevsky. Moscow: Publishing House of Moscow University; 1982: 472. (In Russ.).

4. Criminal law. A special part. Textbook. Ed. by N. I. Zagorodnikov and V. F. Kirichenko. Moscow: Legal literature; 1968: 584. (In Russ.).

5. Soviet criminal law. A special part. Textbook. General ed. by N. I. Zagorodnikov. Moscow: Legal literature; 1973: 576. (In Russ.).

Сенцов Александр Сергеевич,

профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент; sentsov_1951@mail.ru

Sentsov Alexander Sergeevich,

professor at the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Volgograd institute of management — branch of the Russian Presidential academy of the national economy and public administration, candidate of juridical sciences, docent; sentsov_1951@mail.ru

Волколупова Валентина Александровна,

доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент; volkolupovav@mail.ru

Volkolupova Valentina Alexandrovna,

associate professor at the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Volgograd institute of management — branch of the Russian Presidential academy of the national economy and public administration, candidate of juridical sciences, docent; volkolupovav@mail.ru

Волколупов Владимир Георгиевич,
старший преподаватель кафедры
уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
volkolupov_osr@rambler.ru

Volkolupov Vladimir Georgievich,
senior lecturer at the department
of criminal procedure
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the Internal Affairs Bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
volkolupov_osr@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 17.10.2022; одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 17.10.2022; approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

УДК 343.13

doi: 10.25724/VAMVD.A053

**ТЕНДЕНЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА****Василий Герасимович Глебов**

Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия, vasilygleb@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время возрождается интерес ученых и практиков к исследованию вопросов эффективности правовых явлений, в том числе применительно к уголовному судопроизводству. Актуальность данного направления заключается в изучении и выявлении эффективности права и его компонентов в целях выработки на этой основе предложений по совершенствованию качества законодательства и правоприменительной деятельности. Поэтому в статье предпринята попытка на основе анализа действующего уголовно-процессуального закона, практики деятельности судов и органов предварительного расследования, мнений ученых-юристов найти пути процессуальной и организационной оптимизации производства по уголовным делам в ходе досудебного и судебного производства по ним с учетом современных тенденций и перспектив развития этой сферы правосудия.

Ключевые слова: предварительное расследование, эффективность уголовного судопроизводства, раскрытие и расследование преступлений, обеспечение прав участников процесса, процессуальные документы, меры принуждения

Для цитирования: Глебов В. Г. Тенденции совершенствования и повышения эффективности уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 43—50. doi: 10.25724/VAMVD.A053

**TRENDS IN IMPROVING AND INCREASING
THE EFFICIENCY OF CRIMINAL PROCEEDINGS****Vasily Gerasimovich Glebov**

Volgograd Institute of Management — Branch of the RANEPА, Volgograd, Russia, vasilygleb@yandex.ru

Abstract. At present, there is a revival of interest of scientists and practitioners in the study of the effectiveness of legal phenomena, including in relation to criminal proceedings. The relevance of this area of scientific work is to study and identify the effectiveness of law and its components in order to develop proposals on this basis for improving the quality of legislation and law enforcement. Therefore, the article attempts, based on the analysis of the current criminal procedure law, the practice of courts and preliminary investigation bodies, the points of view of legal scholars, to find ways of procedural and organizational optimization of criminal proceedings in the course of pre-trial and judicial proceedings, based on account current trends and prospects for the development of this area of justice.

Keywords: preliminary investigation, efficiency of criminal proceedings, detection and investigation of crimes, ensuring the rights of participants in the process, procedural documents, coercive measures

For citation: Glebov V. G. Trends in improving and increasing the efficiency of criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 43—50, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A053

Юридическая общественность России уже несколько лет готовится к важному событию — X Всероссийскому съезду судей, который должен состояться в ноябре-декабре 2022 г. в 100-летнюю годовщину Верховного Суда Российской Федерации. Данное мероприятие имеет значение вехи в развитии и совершенствовании не только судебной системы, но и всей причастной к нему правоохранительной системы. Особенно это относится к сфере уголовного судопроизводства, где деятельность суда является в первую очередь завершающим этапом досудебного производства по уголовным делам (предварительного расследования). Многие юристы оценивают сложившуюся ситуацию и пытаются определить перспективные пути, по которым в дальнейшем пойдет осуществление правосудия в России.

В связи с вышеизложенным можно отметить, что в настоящее время возрождается интерес ученых и практиков к исследованию вопросов эффективности правовых явлений, в том числе по отношению к уголовному судопроизводству. Актуальность данного направления заключается в изучении и выявлении эффективности права и его компонентов в целях выработки на этой основе предложений по совершенствованию качества законодательства и правоприменительной деятельности. Поэтому юристы, как ученые, так и практики, анализируя эту сферу правосудия, пытаются найти пути процессуальной и организационной оптимизации производства по уголовным делам в ходе досудебного и судебного производства по ним. Не остаются в стороне и руководители судов, в том числе Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев. Так, выступая в мае текущего года на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации, он очертил основные направления тех изменений, которые должны повысить эффективность судебной системы, доступность правосудия, оптимизировать процессуальные процедуры и в итоге обеспечить законность, обоснованность и справедливость принимаемых судами решений¹.

Конечно, указанные идеи не являются чем-то абсолютно новым, о них в той или иной мере уже известно, их обсуждали как юристы, так и законодатели, вносили определенные правотворческие

предложения по изменению законов. В итоге некоторые из них были реализованы, другие ждут своей очереди в связи с уточнением предлагаемых новелл или отсутствием на текущий момент определенных возможностей и средств для их воплощения в жизнь.

Тем не менее все высказанные мнения позволяют выделить и проанализировать ряд общих направлений как основных тенденций развития судопроизводства в ближайшее время и соответствующих этому изменений законодательства.

Одним из направлений является расширение внедрения цифровых технологий в деятельность судов и различные процессуальные процедуры. В качестве примера в определенной мере по аналогии можно использовать положения уже реализуемой в России государственной национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»², осуществляемой в рамках утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы».

В изучаемой нами сфере это направление совершенствования судебной системы обычно именуется цифровизацией правосудия. В результате цифровизация должна привести к созданию таких условий судебной деятельности, которые обеспечат существенное улучшение ее качества и эффективности, общественного доверия к судам путем повышения доступности правосудия для граждан и иных лиц по различным категориям рассматриваемых судами дел за счет внедрения и использования современных цифровых технологий.

Нельзя отрицать того, что процесс внедрения цифровых технологий в деятельность судов и сейчас достаточно активно осуществляется и электронные средства (в первую очередь компьютеры и сеть Интернет) используются судами, но главным образом для организации судебного делопроизводства. Но при этом важнейшим результатом, казалось бы, такого чисто организационно-технического аспекта цифровизации видится обеспечение доступности информации о деятельности

¹ Правосудное будущее: 5 важных тенденций развития // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsr.fu/press_center/mass_media/31167/ (дата обращения: 19.10.2022).

² Цифровая экономика Российской Федерации: гос. нац. прог., утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

судов, что позволяет участникам процесса и иным лицам иметь возможность оперативно получать сведения о рассмотрении и разрешении конкретных дел, принятых по ним судебных решениях. Это происходит благодаря соответствующей деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, на который возложено обеспечение функционирования интернет-портала государственной автоматизированной системы (ГАС) «Правосудие».

Об эффективности использования цифровых технологий позволяет судить опыт некоторых стран. Например, в Великобритании внедренная в 2015 г. в ходе реформы судебной системы цифровая инфраструктура делопроизводства позволила сократить объемы используемой бумаги на 500 тонн, а временные затраты на подачу искового заявления — с 15 рабочих дней до 10 минут. В Китае в 2019 г. на базе существующего мессенджера страны WeChat был создан цифровой портал, позволяющий пользователям подавать документы, участвовать в слушаниях и обмениваться сведениями без посещения здания суда¹.

В России также растет существенными темпами подача в суд процессуальных документов в электронной форме, но это происходит в основном в гражданском и арбитражном процессе (для уголовного судопроизводства возбуждение уголовного дела не входит в сферу судебных полномочий, а относится к компетенции органов предварительного расследования). В связи с этим видится необходимым для внедрения данного способа в уголовный процесс указать в законе на такую возможность, поскольку в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) в главе 19 «Поводы и основание для возбуждения уголовного дела» подобного правила не содержится. На наш взгляд, в первую очередь использование электронной формы представления документов можно допустить для заявлений и сообщений о преступлении как поводов возбуждения уголовного дела.

Следует признать, что законодатель в ряде случаев реагирует на социальные изменения в обществе и государстве, внося определенные

изменения в уголовно-процессуальное законодательство. Так, в марте 2022 г. ст. 140 УПК РФ была дополнена ч. 1.3, которая предусматривает новый повод для возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям (ст. 198—199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее — УК РФ) — «материалы, которые направлены налоговыми органами»². Однако, как представляется, при этом не учтены развитие и возможности современных цифровых технологий, которые позволяют направлять официальные документы посредством систем электронного документооборота с использованием электронной подписи — простой или усиленной квалифицированной. С учетом этого можно предусмотреть применение такого способа обращения в компетентные органы хотя бы для данного повода к возбуждению уголовного дела.

Стоит отметить, что в российском уголовно-процессуальном кодексе всего в двух статьях содержится термин «электронная подпись». Это касается ст. 474.1 УПК РФ, характеризующей общий порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве, и ч. 2 ст. 393 УПК РФ, регламентирующей порядок обращения к исполнению приговора, определения, постановления суда путем направления их копий, подписанных судьей усиленной квалифицированной электронной подписью, в органы или учреждения исполнения наказания или принудительного исполнения.

Однако, как вытекает из содержания и смысла указанных процессуальных норм, соответствующие положения распространяются только на судебные стадии уголовного процесса: «Ходатайство, заявление, жалоба, представление могут быть поданы в суд... в форме электронного документа, подписанного лицом, направившим такой документ, электронной подписью» (ч. 474.1 УПК РФ)³. Представляется, что законодатель необоснованно ограничил возможности использования электронной формы подачи и отправки документов в досудебном производстве по уголовным делам. Органы предварительного расследования в ряде случаев также имеют соответствующие техниче-

¹ Аватар вместо мантии: какое будущее ждет судебную систему в эпоху инноваций // Российская газета: интернет-портал. 2020. 30 января. URL: <https://rg.ru/2020/01/30/avatar-vmesto-mantii-kakoe-budushchee-zhdet-sudebnuju-sistemu-v-epohu-innovacij.html> (дата обращения: 02.09.2022).

² О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ // ГАРАНТ.РУ. URL: https://base.garant.ru/403623756/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#block_111 (дата обращения: 02.09.2022).

³ Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

ские возможности применения информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Как один из вариантов можно предложить использование портала государственных услуг либо создать единую систему межведомственного электронного взаимодействия.

Следует признать, что в данном смысле суды находятся в более выигрышном положении, имея свои официальные сайты, где размещены необходимые для заполнения формы документов. Кроме того, их деятельность обслуживает упоминавшаяся выше система ГАС «Правосудие». Но законодателю уже сейчас представляется целесообразным подготовить соответствующую нормативно-правовую базу с учетом перспектив обеспечения технических возможностей для расширения применения цифровых технологий на всех стадиях уголовного судопроизводства.

В этом же направлении нужно предусмотреть использование при производстве предварительного расследования электронных документов, в первую очередь путем наделения участников уголовного процесса правом направлять ходатайства, жалобы, представлять документы в ходе доказывания. С другой стороны, например, вполне допустимо органам предварительного расследования отправлять по электронной почте повестки о вызове к следователю (дознавателю) и многое другое. С позиций оценки эффективности деятельности судов и органов предварительного расследования это приведет к экономии процессуальных расходов. Что касается использования таких документов с электронной подписью, то оно видится необязательным, поскольку к этому варианту целесообразно обращаться для их оперативного получения, а в дальнейшем участники должны будут представить оригинал документа. В качестве образца для таких правовых новелл можно применять действующие положения Гражданского кодекса и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Еще одним направлением внедрения цифровизации в судопроизводство является использование видео-конференц-связи. Так, по заявлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева, в первом квартале 2022 г. данным способом было проведено 164 000 судебных заседаний¹. Применительно к уголовному судопроиз-

водству, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2021 г. при рассмотрении судами уголовных дел и материалов по I инстанции видео-конференц-связь использовалась 105 655 раз².

Однако анализ УПК РФ опять показывает, что применение систем видео-конференц-связи нормативно закреплено в основном для судебных заседаний, в которых обвиняемый, подсудимый, потерпевший, свидетель и другие участники процесса могут участвовать или могут быть допрошены путем использования видео-конференц-связи (ч. 6 ст. 35, ч. 4 ст. 240, ч. 6.1 ст. 246, ст. 278.1 УПК РФ и другие). По отношению к досудебному производству указанные правила также распространяются на рассмотрение судами ходатайств органов предварительного расследования, жалоб участников.

Вместе с тем при производстве следственных действий такая возможность была предоставлена органам предварительного расследования только в январе 2022 г., когда УПК РФ был дополнен ст. 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи». Данное изменение уголовно-процессуального законодательства считаем прогрессивным, но оно опять же представляется полумерой в первую очередь по причине ограничения круга следственных действий, при производстве которых может использоваться видео-конференц-связь. Например, не усматривается препятствий для допущения такого способа производства следственных действий при проверке показаний на месте.

По сути, аналогичная ситуация складывается и с внедрением в уголовный процесс аудио- или видеопотоколирования. В соответствии с приведенными выше статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2021 г. в судебных заседаниях при рассмотрении уголовных дел (материалов) такой способ фиксации, закрепленный в ст. 259 УПК РФ «Протокол судебного заседания», приме-

https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/31167/ (дата обращения: 19.10.2022).

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 30.09.2022).

¹ Правосудное будущее: 5 важных тенденций развития // Верховный Суд Российской Федерации. URL:

нялся 1 174 724 раза (аудиопротоколирование), 78 421 раз (видеопротоколирование)¹.

Для досудебного производства такой возможности законом не предусматривается, но при этом в ряде случаев указывается на использование в качестве дополнительного к протоколу средства фиксации проводимого следственного действия аудио- и видеозаписи (ст. 166 УПК РФ). Однако в данном случае подразумевается составление полноценного протокола, в котором отражаются все обстоятельства проводимого процессуального действия, в том числе связанные с применением технических средств аудио- и видеозаписи.

Представляется, что для производства предварительного расследования также вполне возможно допустить упрощение требований к письменному оформлению протоколов. Вместе с тем речь не идет об их полной замене, достаточно в протоколе отразить только значимые для доказывания факты или обстоятельства, сократив таким образом объем протокола и сэкономив время на его составление, что тоже является одним из показателей эффективности процессуальной деятельности.

Использование аудио- и видеопротоколирования позволяет поставить на повестку дня и вопрос об оптимизации некоторых других процессуальных процедур, связанных с документальным оформлением принимаемых решений и проводимых действий. Наиболее реальным видится предложение о расширении правила о возможности провозглашения в зале суда только вводной и резолютивной частей приговора. Действующий уголовно-процессуальный закон уже содержит такие нормы для случаев рассмотрения уголовного дела в закрытом судебном заседании (ч. 3 ст. 310 УПК РФ) или же рассмотрения уголовных дел в открытом судебном заседании о преступлениях в сфере экономической деятельности и некоторых других преступлениях, связанных с деяниями против общественной безопасности, основ конституционного строя, безопасности государства (ч. 7 ст. 247 УПК РФ).

Оценивая объективную необходимость провозглашения полного текста приговора суда, можно сделать пессимистичный вывод о том, что

реального влияния на восприятие и понимание сущности излагаемых положений участниками процесса он не оказывает, а соответственно, и на их решения о согласии или несогласии с обоснованием и аргументацией вынесенного приговора. Особенно это касается ситуаций, когда оглашение приговора занимает много времени. Стороны, получив копию полного текста приговора (в том числе в форме электронного документа), в установленный законом срок вполне смогут его изучить, проанализировать и прийти к конкретным выводам принять необходимое с их точки зрения решение, например обжаловать его или нет.

В определенной связи с исследуемой проблемой обсуждается вопрос о правомерности копирования материалов уголовного дела в виде процессуальных документов, составленных следователем или дознавателем, при рассмотрении уголовного дела в суде. Главным образом это касается использования судом текста обвинительного заключения для составления приговора. Действительно, применение компьютерных технологий и офисного программного обеспечения позволяет обращаться к электронным версиям процессуального документа для составления другого документа, имеющего в значительной мере сходство по характеру и содержанию (если даже не аналогию). По существу, чаще всего проводится компиляция текста документа за счет заимствования фрагментов текста других документов, а реже встречается полное копирование (плагиат).

В любом случае данный подход позволяет говорить о процессуальной экономии, в первую очередь сокращении времени, необходимого на самостоятельное составление нового процессуального документа, а значит, и о повышении эффективности в сфере уголовного судопроизводства. Однако такая возможность неоднозначно оценивается юристами. Одни из них полагают, что подобная судебная практика является нарушением закона и приводит к ограничению прав участников, другие считают это явление современным и допустимым, не влияющим на оценку доказательств по материалам дела и принятие по нему процессуальных решений.

Ярким примером спора по указанной причине представляется уголовное дело, рассмотренное судами нескольких инстанций, принимавшими противоположные решения. В своих жалобах защитник осужденной считал, что копирование судом

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 30.09.2022).

в приговор описания преступного деяния, показаний допрошенных по уголовному делу лиц и содержания других доказательств из обвинительного заключения, без учета результатов проведенного судебного разбирательства, недопустимо. А представитель потерпевшего, наоборот, исходила из того, что не любая компиляция содержания процессуальных документов следствия в приговоре свидетельствует о его незаконности¹.

В итоге данное уголовное дело стало предметом рассмотрения по анализируемым основаниям Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации². В принятом кассационном определении указано, что копирование в приговор части обвинительного заключения не лишает участников дела права на справедливое судебное разбирательство, а также не влияет на полноту установления судом фактических обстоятельств дела и юридическую оценку действий обвиняемой.

Тем самым Верховный Суд Российской Федерации дал «зеленый свет» применению возможностей электронных документов в судопроизводстве, что должно повлечь законодательное закрепление направления в суд не только бумажного уголовного дела, но и электронной версии определенных материалов процессуальных документов по нему.

Другой важной и актуальной для настоящего времени тенденцией совершенствования уголовного судопроизводства является осуществление мер по его гуманизации. Данное направление в уголовно-правовом поле реализуется по двум путям: декриминализации ряда преступлений, в первую очередь небольшой тяжести, и назначению более мягкого наказания или даже освобождению от уголовной ответственности, например, с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ). В целом сложившаяся в последние годы судебная практика пози-

тивно оценивается как сменившая вектор с активного назначения наказания в виде лишения свободы на применение остальных видов наказания. Так, в 2021 г. суды вынесли приговоры с назначением наказания, связанного с лишением свободы на определенный срок, по 174 156 делам, а по 417 457 делам — с назначением других наказаний, т. е. почти в два раза больше. При этом Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев сообщил, что число лиц, приговоренных к лишению свободы, уже несколько последних лет составляет 28—29 % от общего количества осужденных³.

По отношению к стадии предварительного расследования гуманизацию рассматривают в первую очередь с позиций применения мер уголовно-процессуального принуждения, оценивая главным образом количество обвиняемых, к которым по ходатайству органа предварительного расследования судом применена мера пресечения в виде заключения под стражу (п. 1 ч. 2 ст. 29, ст. 108 УПК РФ). Данная проблема достаточно давно находится под пристальным вниманием юристов, а особенно тех адвокатов, которые являются защитниками в уголовном процессе. Но следует признать, что о «гуманизации» можно говорить и в этом случае. Так, по статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в прошлом 2021 г. судами в ходе досудебного производства удовлетворено 87 905 ходатайств об избрании заключения под стражу, а отказано в применении этой меры пресечения 10 129 раз, т. е. почти в каждом восьмом случае⁴. Несколько лет назад данное соотношение было в разы больше.

Полагаем, что законодательная основа для реализации и расширения подобной тенденции в настоящее время достаточна. Уголовно-процессуальный закон не только устанавливает основания для применения к обвиняемым мер пресечения (ст. 98 УПК РФ), но и указывает обстоятельства, которые органы предварительного расследования

¹ ВС: Копирование обвинительного заключения в приговор не влияет на юридическую оценку действий осужденной // Адвокатская газета Федеральной палаты адвокатов РФ. 2021. 21 января. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-kopirovanie-obvinitelnogo-zaklyucheniya-v-prigovorne-vliyaet-na-yuridicheskuyu-otsenku-deystviy-osuzhdennoy/> (дата обращения: 10.09.2022).

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу № 41-УД20-35-к4 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1948374 (дата обращения: 10.09.2022).

³ Правосудное будущее: 5 важных тенденций развития // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/31167/ (дата обращения: 19.10.2022).

⁴ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 30.09.2022).

и суд обязаны учитывать при выборе конкретной меры пресечения (ст. 99 УПК РФ). Получается, что принимаемое решение, если исходить из принципа свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ), должно соответствовать той совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, которые формируют внутреннее убеждение прокурора, следователя (дознателя) и в конечном счете судьи в пределах предоставленных им полномочий об объективной необходимости, о законности и обоснованности избрания к конкретному обвиняемому конкретной меры пресечения.

Соответственно, здесь мы сталкиваемся с субъективными факторами, в первую очередь желанием органов предварительного расследования создать такие процессуальные условия, которые максимально гарантировали бы надлежащее поведение обвиняемого и предотвращали бы возможные негативные последствия для расследования преступления, которые могут наступить в случае, если к обвиняемому будет применена недостаточная правоограничительная мера.

На страже интересов и защиты прав обвиняемых в данном случае должны стоять в первую очередь прокурор и суд, роль которых в решении вопросов о применении меры пресечения к обвиняемому нельзя недооценивать. Так, Генеральный прокурор Российской Федерации в своих приказах нацеливает подчиненных прокуроров на необходимость давать согласие дознавателям на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу только при наличии предусмотренных законом оснований и обстоятельств, а также обязательно принимать участие в судебных заседаниях при рассмотрении судом ходатайств об избрании, продлении мер пресечения¹.

¹ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 19 января 2022 г. № 11. П. 21 // КОДИФИКАЦИЯ.РФ. URL: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Genprokuratury-Rossii-ot-19.01.2022-N-11/> (дата обращения: 20.09.2022); Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17 сентября 2021 г. № 544. П. 1.8 // КОДИФИКАЦИЯ.РФ. URL: <https://rulaws.ru/> (дата обращения: 20.09.2022).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации посвятил анализируемой проблеме специальное постановление «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» от 19 декабря 2013 г. № 41².

Несмотря на это, существенно ситуация не изменилась, хотя и имеются позитивные сдвиги, о чем было сказано выше. Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев так охарактеризовал причину значительного количества заключенных под стражу: «Суды не в полной мере реализуют возможность избрания мер пресечения, не связанных с заключением под стражу. В 2021 г. судами были рассмотрены уголовные дела в отношении 16 тысяч лиц, содержащихся под стражей и обвиняемых в совершении тяжких преступлений в сфере экономики, не связанных с применением насилия. Четыре тысячи четыреста обвиняемых — это почти треть — имели постоянное место жительства и не имели судимостей. Из них полутора тысячам лиц (каждому третьему) суды назначили наказания, не связанные с лишением свободы. Возникает вопрос о причинах, по которым лица, имеющие постоянное место жительства и не имеющие судимостей, содержались под стражей, учитывая, что нередко этим лицам назначались наказания, не связанные с лишением свободы» [1]. Вышесказанное как нельзя лучше отражает сложившуюся практику: закон существует, но его толкуют и применяют конкретные лица, наделенные соответствующими процессуальными полномочиями, и каждый со своим субъективным видением материалов уголовного дела.

² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11.06.2020) // КОДИФИКАЦИЯ.РФ. URL: https://rulaws.ru/vs_rf/Postanovlenie-Plenuma-Verhovnogo-Suda-RF-ot-19.12.2013-N-41/ (дата обращения: 20.09.2022).

Глебов Василий Герасимович,
заведующий кафедрой уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления —
филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук, профессор;
vasilygleb@yandex.ru

Glebov Vasily Gerasimovich,
head of the department of criminal law,
criminal procedure and criminalistics
of the Volgograd Institute of Management —
branch of the RANEPА,
candidate of juridical sciences, professor;
vasilygleb@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 19.10.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 19.10.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

УДК 343.132

doi: 10.25724/VAMVD.A054

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ
УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
ПРИ ПРИМЕНЕНИИ НОРМ ИНСТИТУТА
ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА****Оксана Сергеевна Колосович**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, 1019810198@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты правовых последствий приостановления производства по уголовному делу и влияние применения уголовно-процессуальных норм рассматриваемого института на обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса. Проводится анализ нарушения следователем (дознавателем) процедуры приостановления производства по делу, а также практики применения отечественных уголовно-процессуальных норм данного института права в решениях Европейского суда по правам человека. Анализируется запрет проведения следственных действий после приостановления производства по уголовному делу. Исследуются особенности приостановления производства по уголовному делу при оказании правовой помощи по уголовному делу иностранным государством, а также производства уполномоченными правоохранительными органами другого государства осмотра, выемки, обыска, допроса и судебной экспертизы. Обосновывается невозможность приостановления производства по уголовному делу в случае направления в ходе предварительного расследования международного запроса об оказании правовой помощи в иностранное государство.

Ключевые слова: приостановление производства по уголовному делу, международное сотрудничество, правовая помощь, обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства

Для цитирования: Колосович О. С. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при применении норм института приостановления производства по уголовному делу и осуществлении международного сотрудничества // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 51—58. doi: 10.25724/VAMVD.A054

**ENSURING RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS
OF PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS
IN THE APPLICATION SUSPENSION INSTITUTE REGULATIONS
OF CRIMINAL CASE PROCEEDINGS
AND THE IMPLEMENTATION
OF INTERNATIONAL COOPERATION****Oksana Sergeevna Kolosovich**

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, 1019810198@mail.ru

Abstract. The article deals with the problematic of legal consequences aspects of proceedings suspension in a criminal case and the impact of criminal procedural norms application of such institution under consideration on ensuring the rights and legitimate interests of participants in the criminal process. An analysis is made of violating the procedure for suspending the proceedings by the investigator (inquirer), as well as the practice of applying domestic criminal procedure norms of this law institution in European Court of Human Rights decisions. The prohibition of conducting investigative actions after the suspension of criminal proceedings is analyzed. The features of criminal proceedings suspension in the provision of legal assistance in a criminal case by a foreign state, as well

as the performing inspection, seizure, search, interrogation and forensic examination by authorized law enforcement agencies of another state are investigated. The author substantiates the impossibility of suspending the proceedings in a criminal case if an international request for legal assistance is sent to a foreign state during the preliminary investigation.

Keywords: suspension of proceedings in a criminal case, international cooperation, legal assistance, protection of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings.

For citation: Kolosovich O. S. Ensuring rights and legitimate interests of participants of criminal proceedings in the application suspension institute regulations of criminal case proceedings and the implementation of international cooperation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 51—58, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A054

В ходе предварительного расследования могут возникнуть препятствия, и дальнейшее производство по уголовному делу уже не сможет осуществляться в обычном порядке. Как правило, таким препятствием является отсутствие подозреваемого или обвиняемого. Процессуальная деятельность по уголовному делу в отсутствие названных участников уголовного судопроизводства урегулирована уголовно-процессуальными нормами, образующими правовой институт приостановления производства по уголовному делу. Законодатель указал пять оснований приостановления производства по уголовному делу:

— лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено (п. 1 ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, далее — УПК РФ);

— подозреваемый (обвиняемый) скрылся, место его нахождения (пребывания) неизвестно (п. 2 ч. 1 ст. 208, п. 1 ч. 1 ст. 238 УПК РФ);

— тяжелое заболевание подозреваемого (обвиняемого), удостоверенное медицинским заключением, препятствует его участию в следственных и иных процессуальных действиях (п. 4 ч. 1 ст. 208, п. 2 ч. 1 ст. 238 УПК РФ);

— место нахождения подозреваемого (обвиняемого) известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле или судебном разбирательстве отсутствует (п. 3 ч. 1 ст. 208, п. 4 ч. 1 ст. 238 УПК РФ);

— суд направил запрос в Конституционный Суд Российской Федерации или Конституционный Суд Российской Федерации принял к рассмотрению жалобу о соответствии закона, примененного или подлежащего применению в данном уголовном деле, Конституции Российской Федерации (п. 3 ч. 1 ст. 238 УПК РФ).

Количество уголовных дел, по которым принято решение о приостановлении производства, остается стабильно высоким, и предпосылок к существенному снижению показателей пока нет. Стати-

стические данные показывают, что на основании пп. 1—3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в 2017 г. приостановлено 886 786 производств, в 2018 г. — 860 408, в 2019 г. — 915 204, в 2020 г. — 963 752, в 2021 г. — 933 308¹ (рис. 1).

В отечественных судах общей юрисдикции при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции в 2017 г. приостановлено 9 528 производств, в 2018 г. — 9 161, в 2019 г. — 9 090, в 2020 г. — 10 822, в 2021 г. — 11 424² (рис. 2).

Очевидно, что отсутствие подозреваемого (обвиняемого) особо актуально для стадии предварительного расследования, поскольку именно в ходе расследования (а не судебного разбирательства) наиболее часто принимаются решения о приостановлении производства по уголовному делу (рис. 3).

Между тем присутствующие в УПК РФ лакуны нормативной регламентации провоцируют в науке уголовно-процессуального права дискуссии по вопросам определения понятия приостановления производства по уголовному делу, оснований и условий, самой процедуры приостановления, содержания процессуальной деятельности следователя (дознателя) по приостановленному производством уголовному делу. Действительно, УПК РФ не содержит понятия приостановления производства по уголовному делу, отсутствует правовой механизм обеспечения прав и законных интересов участников данных правоотношений после приостановления производства по делу, размыты границы оснований приостановления.

¹ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 01.10.2022).

² Судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/?id=5> (дата обращения: 01.10.2022).

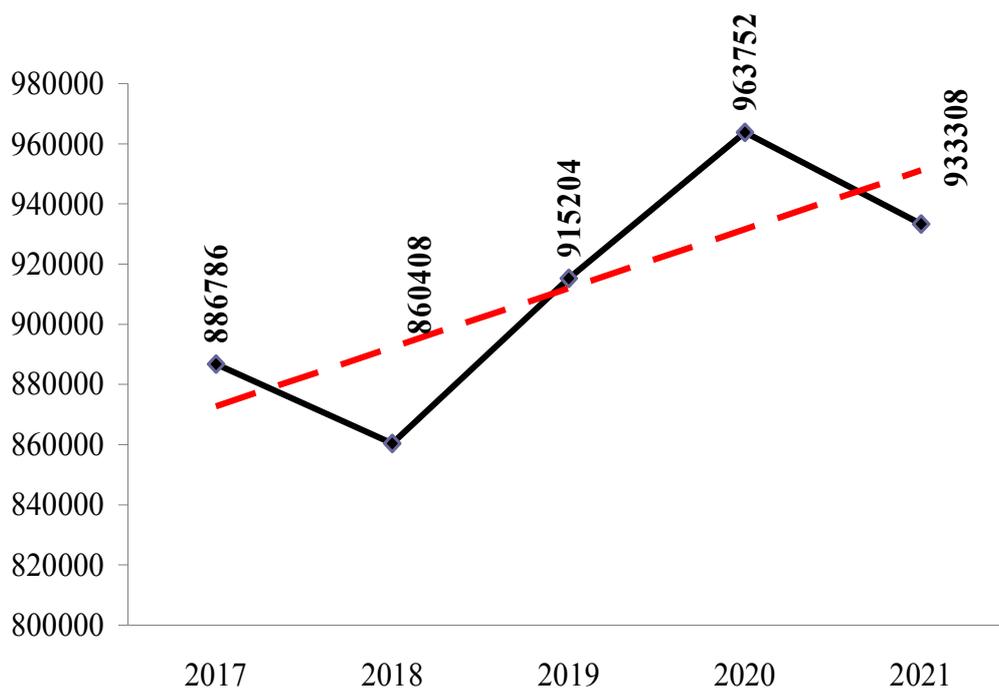

Рис. 1. Приостановлено производств по пп. 1—3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ за 2017—2021 гг.

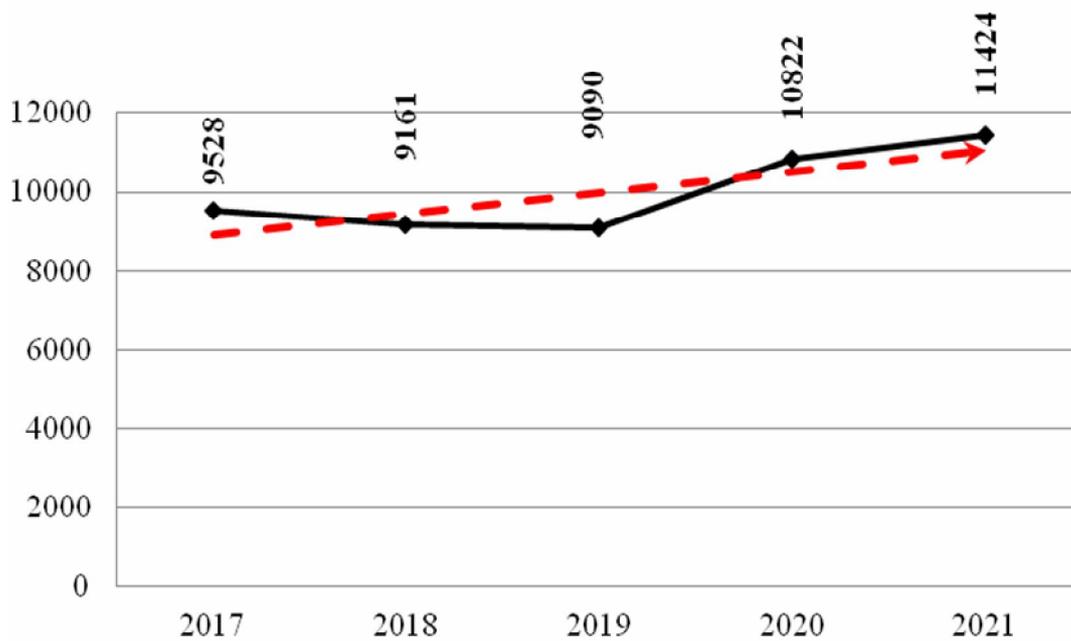

Рис. 2. Приостановлено производств в судах общей юрисдикции при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции за 2017—2021 гг.

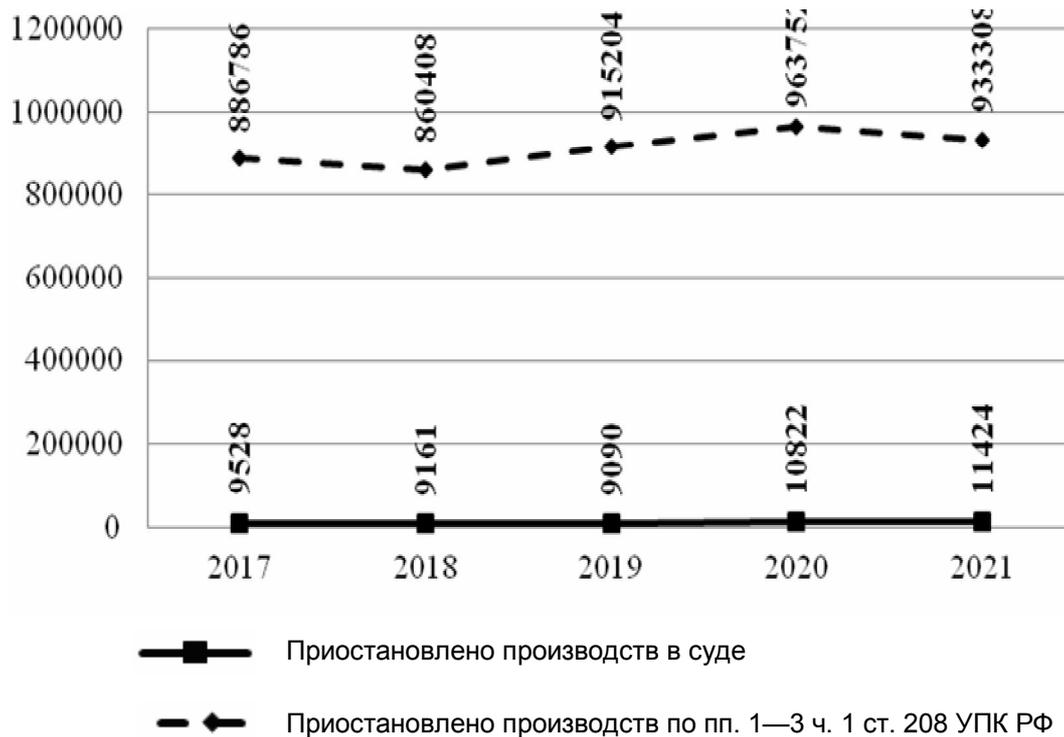

Рис. 3. Приостановлено производств по пп. 1—3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ и в судах общей юрисдикции при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции за 2017—2021 гг.

В отечественной науке уголовно-процессуального права относительно понимания приостановления производства по уголовному делу существуют различные подходы. В частности, М. С. Егорова считает, что институт приостановления производства по уголовному делу — это совокупность однородных уголовно-процессуальных норм, регламентирующих перерыв в сроках предварительного расследования и производстве следственных действий при наличии одного из обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 208 УПК РФ [1, с. 46].

Несмотря на то, что ч. 3 ст. 209 УПК РФ запрещает проводить следственные действия после приостановления производства по уголовному делу, а также на наличие ограничений применения мер процессуального принуждения (чч. 2 и 5 ст. 115.1, ч. 6 ст. 208 УПК РФ), приостановление — это временный перерыв в производстве следственных действий, а не прекращение следователем (дознавателем) всей деятельности по уголовному делу. Так, по-прежнему остается активной деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел, которые наделены правом производства оперативно-разыскных мероприятий, в том числе инициированных следователем (дознавателем), продолжающим

выдвигать версии, направлять деятельность сотрудников органа дознания по установлению лица, совершившего преступление, и местонахождения скрывшегося подозреваемого (обвиняемого), осуществлять аналитическую работу по проверке собранных по делу доказательств и др.

К сожалению, в правоприменительной практике, в том числе последних лет, встречаются случаи необоснованного приостановления производства по уголовному делу. Неоднозначность оснований и условий приостановления производства по уголовному делу «позволило» следователю (дознавателю) ошибочно применять их по аналогии, например, в связи с производством судебных экспертиз, установлением места нахождения участников процесса или в связи с их заболеванием.

Так, в ходе изучения 194 уголовных дел В. И. Кушнерев установил, что по каждому второму (55,6 %) решению о приостановлении производства по делу было впоследствии отменено. Более того, по 33,3 % дел такое решение принималось дважды, а по 11,1 % — три и более раз. В 64,7 % случаев отмены решения о приостановлении предварительного расследования основанием послужило невыполнение необходимых

процессуальных действий, в том числе следственных, в 17,6 % — проведение длительных экспертиз. Не стали редкостью случаи, когда приостановление предварительного расследования и дальнейшая отмена данного решения с установлением нового срока расследования выступали в качестве способа экономии процессуальных сил и средств или ухода следователя (дознателя) от дисциплинарной ответственности [2, с. 127—128, 214, 218].

Следует признать, что сложившаяся практика применения норм института приостановления производства по делу ставит под сомнение реализацию принципа разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ) и в итоге влияет на законность и обоснованность принятия данного решения. Так, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, на досудебной стадии уголовного судопроизводства в 2019 г. было отменено 416 285 постановлений о приостановлении предварительного расследования, в 2020 г. — 415 808, в 2021 г. — 404 596¹.

Проблемы законности и обоснованности приостановления производства по уголовному делу в России настолько устоялись в правоприменительной практике, что стали предметом обсуждения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). В частности, он обратил внимание на нарушение Российской Федерацией ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в результате проведения неэффективного расследования и неоднократного вынесения по уголовному делу решений о его приостановлении, длительности периодов бездействия со стороны следователя (дознателя) по приостановленному делу², многолетнего ожидания «открытия» производства по делу и длительности периодов отсутствия производства следственных действий³,

отсутствия или несвоевременности производства следственных и иных процессуальных действий, а также неэффективности проведенного расследования⁴.

Вызывает обеспокоенность и возможность обеспечения прав и законных интересов участников общественных отношений, сложившихся в связи с реализацией норм института приостановления производства по уголовному делу в случаях направления следователем (дознателем) международного запроса об оказании правовой помощи.

В условиях изменения социально-политической и экономической обстановки в современном обществе значительно проявление транснациональной организованной преступности, отличающейся многоаспектностью и обширной географией распространения, наличием у преступников международных связей. Так, по данным Сводного отчета по России о результатах борьбы с организованной преступностью за 2017, 2018, 2019, 2020 и 2021 гг., в 2017 г. зарегистрировано 258 преступлений, совершенных участниками организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций), имеющих международные связи, в 2018 г. — 94, в 2019 г. — 124, в 2020 г. — 242, в 2021 г. — 206.

Значительно количество преступлений, совершенных на территории Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства. Так, в 2017 г. выявлено 41 047 иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступление, в 2018 г. — 38 598, в 2019 г. — 34 917, в 2020 г. — 34 400, в 2021 г. — 31 321⁵.

Очевидно, что международное сотрудничество правоохранительных органов стало объективной необходимостью и представляет собой фактически единственную возможность повышения эффективности предварительного расследования и противодействия рассматриваемому виду преступности.

В отечественном уголовно-процессуальном законодательстве международное сотрудничество регламентируется ч. 5 УПК РФ. Согласно ч. 1

(Первая Секция) // European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 01.10.2022).

⁴ Дело «Садулаева (Sadulayeva) против Российской Федерации»: постановление Европейского Суда по правам человека от 8 апреля 2010 г. (жалоба № 38570/05) (Первая Секция) // European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 01.10.2022).

⁵ Состояние преступности в России за 2017, 2018, 2019, 2020 и 2021 годы // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 01.10.2022).

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2019, 2020 и 2021 годы // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=71671102> (дата обращения: 01.10.2022).

² Дело «Вакаева и другие (Vakayeva and Others) против Российской Федерации»: постановление Европейского Суда по правам человека от 10 июня 2010 г. (жалоба № 2220/05) (Первая Секция) // European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 01.10.2022).

³ Дело «Шахабова (Shakhabova) против Российской Федерации»: постановление Европейского Суда по правам человека от 12 мая 2010 г. (жалоба № 39685/06)

ст. 453 УПК РФ правовой основой международного сотрудничества по уголовным делам являются международные договоры с Российской Федерацией, международные соглашения или действия на основе принципа взаимности, иницирующие производство правоохранительными органами иностранного государства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ.

Между тем указанные международные правовые акты, как правило, не отличаются конкретностью и нередко лишь закрепляют возможность предоставления информации, вещественных доказательств или документов по запросу правоохранительного органа иностранного государства для расследования преступления (см., напр., ч. 2 ст. 6 Европейской конвенции о выдаче (1957), Европейскую Конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам (1959), п. 3 ст. 9 Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (1963), ч. 1 ст. 10 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973), ч. 1 ст. 11 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников (1979) и др.). К сожалению, лишь в некоторых из названных актов присутствуют элементы регламентации унифицированных правил производства процессуальных действий и оперативно-разыскных мероприятий, а также порядка применения их результатов.

Заключение международных договоров о взаимной правовой помощи по уголовным делам создает правовую основу рассматриваемого взаимодействия и закрепляет готовность государств к сотрудничеству, делает его более гибким и эффективным, однако неспособным нивелировать сложности, обусловленные различиями культур и языков, правовых систем и юрисдикций, структур правоохранительных органов, методов и средств расследования, процедур производства следственных и иных процессуальных действий, а также отсутствие наказуемости преступления в стране-исполнителе.

Действительно, проведенный нами опрос, в котором приняли участие 218 следователей, дознавателей и их руководителей из 31 субъекта Российской Федерации, показал, что с практикой направления международных следственных поручений органы предварительного расследования сталкиваются постоянно, что вызывает определенные сложности для осуществляемого расследования. К ним респонденты отнесли:

— значительность сроков предоставления ответа на запрос (от нескольких месяцев до нескольких

лет), а соответственно, увеличение сроков предварительного расследования (96 %);

— организацию направления самого международного следственного поручения (особый контроль за оформлением поручения со стороны руководства, повышенное внимание к форме и содержанию документа, самому расследованию, необходимость взаимодействия со структурами главного управления территориального органа, управлениями и департаментами МВД России и т. д.) (49 %);

— возможность включения в подготовку оформления поручения непроцессуальных действий, связанных с неофициальным сотрудничеством с правоохранительными органами страны-исполнителя (уточнение: законодательство страны-исполнителя; наличие/отсутствие оснований отказа выполнения поручения; возможности исполнения конкретных действий, в конкретные даты и в определенном месте, участия в их производстве наших сотрудников и др.) (34 %);

— ответ о невозможности выполнения поручения или его формальное (безрезультативное) исполнение (24 %);

— игнорирование поручения правоохранительными органами иностранного государства (19 %).

В условиях дефицита времени велик соблазн принятия следователем (дознавателем) мер экономии процессуальных сроков предварительного расследования применением норм института приостановления производства по уголовному делу. Ведь производство запрещенных следственных и иных процессуальных действий не осуществляется, а значит, нарушение не допускается.

Между тем ратифицированные Российской Федерацией конвенции и подписанные международные соглашения нередко содержат право производства процессуальных действий. Например, в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (2000) содержится обязанность подписавших ее государств оказывать друг другу всевозможную взаимную правовую помощь в расследовании, уголовном преследовании и судебном разбирательстве. При этом запрос о взаимной правовой помощи может содержать просьбу: о получении свидетельских показаний или заявлений от отдельных лиц; вручении судебных документов; проведении обыска и производстве выемки или ареста; проведении осмотра объектов и участков местности; предоставлении информации, вещественных доказательств и оценок экспертов; предоставлении подлинников или заверенных копий соответствующих документов и материалов, включая правительственные, банковские,

финансовые, корпоративные или коммерческие документы; выявлении или отслеживании доходов от преступлений, имущества, средств совершения преступлений или других предметов для целей доказывания; содействию добровольной явке соответствующих лиц в органы запрашивающего государства-участника; оказании любого иного вида помощи, не противоречащего внутреннему законодательству запрашиваемого государства-участника (п. 3 ст. 18 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (2000)).

Кроме перечисленного, Конвенция ООН против коррупции (2003) предусматривает обращение к экспертам (п. е ч. 3 ст. 46), арест банковских, финансовых или коммерческих документов (ст. 31). Получение показаний свидетеля или эксперта, передача вещественных доказательств, материалов или документов (копий или оригиналов), розыск, наложение ареста на имущество предусмотрены в Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам (1959) (ст. 3, 5).

Приведенный перечень действий, осуществляемых по международному поручению, во многом коррелирует с такими отечественными процессуальными действиями, как допрос свидетеля и эксперта, обыск, выемка, осмотр предметов и участков местности, наложение ареста на имущество, производство экспертизы и др. Более того, ст. 4 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам (1959) предусматривает активную роль российского следователя (дознателя) в исполнении поручения, например предоставляя последнему право определения даты и места производства мероприятия.

Активность следователя (дознателя) обусловлена и сложившейся в последние годы практикой проведения, в частности, допроса удаленно, с использованием систем видео-конференц-связи,

когда допрашиваемое лицо находится на территории другого государства, на удаленном расстоянии от следователя (дознателя), который при помощи технических приспособлений имеет возможность слышать и видеть ход следственного действия, задавать вопросы и получать ответы в режиме реального времени. Механизм приведенного производства допроса отражен в Конвенции ООН против коррупции (2003) (п. d ч. 2 ст. 32) и сравнительно недавно получил процессуальное закрепление в ст. 189.1 УПК РФ (введена Федеральным законом от 30.12.2021 № 501-ФЗ), а значит, в соответствии с правилом аналогии может быть применен и в рассматриваемом нами взаимодействии.

Представляется, что производство вышеперечисленных процессуальных действий может существенно ограничить права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, лишенных возможности по приостановленному производством уголовному делу заявлять ходатайства и направлять жалобы о правомерности и порядке их производства, своевременно реагировать на полученные результаты.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что приостановление предварительного расследования при отсутствии ответа на запрос об оказании правовой помощи в сфере международного сотрудничества, а равно направление соответствующего запроса по ранее приостановленному производством уголовному делу влечет нарушение требований ч. 3 ст. 209 УПК РФ. Принимая во внимание, что международное взаимодействие по уголовным делам в последнее десятилетие значительно активизировалось, представляется важной процессуальная регламентация указанных аспектов в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве.

1. Егорова М. С. Институт приостановления производства по уголовному делу и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса при реализации его норм: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 235 с.

2. Кушнерев В. И. Реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства в нормах, регулирующих процессуальные сроки в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 224 с.

1. Egorova M. S. The proceedings suspension institution in a criminal case and ensuring the rights and legitimate interests of participants in a criminal process in the implementation of its norms. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Volgograd; 2004: 235. (In Russ.).

2. Kushnerev V. I. Implementation of the principle of a reasonable time in criminal proceedings in the rules governing the procedural time in pre-trial proceedings. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2019: 224. (In Russ.).

Колосович Оксана Сергеевна,
заместитель начальника
кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
1019810198@mail.ru

Kolosovich Oksana Sergeevna,
deputy head
of the criminal procedure department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
1019810198@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.10.2022; одобрена после рецензирования 01.11.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 20.10.2022; approved after reviewing 01.11.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

УДК 343.132
doi: 10.25724/VAMVD.A055

ВЛИЯНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ДОПРОСЕ СВИДЕТЕЛЯ НА ДОСТОВЕРНОСТЬ ЕГО ПОКАЗАНИЙ

Елена Валерьевна Росовская

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, lera.moroz.1997@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрено применение современных телекоммуникационных средств видео-конференц-связи в судах, приведены примеры судебной практики и статистика использования данной системы, что подтверждает ее быстрое распространение в субъектах России. Приведены положения ст. 189.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующей применение видео-конференц-связи на стадии досудебного разбирательства при производстве некоторых следственных действий. Автором проанализированы достоинства и недостатки использования средств видео-конференц-связи с точки зрения фактора, влияющего на достоверность получаемых показаний от свидетеля во время проведения его допроса. Рассмотрены проблемы проведения следственного действия в режиме видеоконференции в противопоставление традиционному (личному) допросу свидетеля. В связи с этим в статье сформулированы выводы и предложения по внесению дополнений в действующее законодательство в целях улучшения и конкретизации вышеуказанной статьи, что в итоге повлияет на целесообразность проведения допроса посредством видео-конференц-связи.

Ключевые слова: система видео-конференц-связи, свидетель, допрос, достоверность, телекоммуникационная технология

Для цитирования: Росовская Е. В. Влияние использования видео-конференц-связи при допросе свидетеля на достоверность его показаний // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 59—64. doi: 10.25724/VAMVD.A055

THE INFLUENCE OF THE USE OF VIDEO CONFERENCING DURING THE INTERROGATION OF A WITNESS ON THE CREDIBILITY OF WITNESS'S TESTIMONY

Elena Valerievna Rosovskaya

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, lera.moroz.1997@bk.ru

Abstract. The article considers the use of modern telecommunication means of video conferencing in courts, provides examples of judicial practice and statistics on the use of this system, which confirms its rapid spread in the territorial entities of Russia. The provisions of Article 189.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which regulates the use of video conferencing at the stage of pre-trial proceedings during certain investigative actions, are given. The author analyzes the advantages and disadvantages of using video conferencing with regard to the factor affecting the reliability of the testimony received from the witnesses during their interrogation. The problems of conducting an investigative action in the video conference mode as opposed to the traditional (personal) interrogation of a witness are considered. Therefore, the article formulates conclusions and proposals for amending the current legislation in order to improve and specify the above article, which will ultimately directly affect the expediency of conducting interrogation by video conferencing.

Keywords: video conferencing system, witness, interrogation, credibility, telecommunication technology

For citation: Rosovskaya E. V. The influence of the use of video conferencing during the interrogation of a witness on the credibility of witness's testimony. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 59—64, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A055

Далеко не новость, что современный мир все чаще опирается на технологические новации. Появление первого персонального компьютера в 1981 г. навсегда изменило историю человечества, ведь сейчас практически все сферы жизни общества не обходятся без телекоммуникационных технологий, сети Интернет и т. д. В их числе и уголовное судопроизводство, которое не может игнорировать результаты развития информационного общества.

Появление средств видео-конференц-связи и их использование в судах Российской Федерации уже более 10 лет привнесли свои особенности, дополнительные возможности в уголовно-процессуальную деятельность. Так, Федеральным законом «О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 27 декабря 2009 г. № 346-ФЗ было впервые регламентировано использование системы видео-конференц-связи в суде в отношении обвиняемого. Немного позже Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ была дополнена ст. 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) в части 4, дающей право судам допрашивать свидетелей и потерпевших в режиме видео-конференц-связи.

В настоящее время использование данного способа допроса растет с каждым годом, об этом свидетельствует статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. За 2019 г. число дел (материалов), в которых использовалась видео-конференц-связь, составило 98 942¹, за 2020 г. — 115 932², за 2021 г. — 105 655. Число судебных заседаний с применением видео-конференц-связи достигло 129 546³.

¹ См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://cdcp.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 17.05.2022).

² См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://cdcp.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 17.05.2022).

³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://cdcp.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 17.05.2022).

Такие показатели можно считать существенными и достаточно прогрессирующими в современных условиях. Тем не менее на общем количественном фоне всех проведенных судебных заседаний данный показатель не является ключевым, в приоритете остается личное участие лица, вовлеченного в уголовный процесс.

Необходимо обратить внимание на те возможности, которые предполагает применение системы видео-конференц-связи. К ним прежде всего относится экономия сил, средств и времени в тех случаях, когда участие процессуального лица затруднено его отдаленным местоположением, болезнью (например, в период пандемии), содержанием в местах лишения свободы и др. Не нужно нести расходы на доставку участников уголовного судопроизводства из других регионов страны, а также откладывать, переносить судебное заседание. Так, Миасский городской суд Челябинской области 20 ноября 2018 г. по делу № 1-456/2018 рассмотрел ходатайство осужденного, находящегося на базе ФКУ ИК-25 ГУФСИН России по Челябинской области, об изменении исправительного учреждения. Осужденный при этом участвовал в судебном заседании посредством видео-конференц-связи⁴. В данном случае применение видео-конференц-связи способствовало более удобному проведению судебного заседания, без временных затрат.

Однако данная система еще не применяется повсеместно. Не во всех регионах и не на всех уровнях идет оснащение высокоскоростным Интернетом и аппаратурой, очевидно, в связи с дороговизной данной технологии. Так, судья Вологодского городского суда Вологодской области при рассмотрении дела № 12-477/2022 установил, что письменное ходатайство гражданина А. П. Ванькова, находившегося в ФКУ СИЗО-2 УФСИН России по Вологодской области, об участии в рассмотрении дела посредством видео-конференц-связи было отклонено в связи с отсутствием технической возможности⁵.

⁴ Приговор Миасского городского суда Челябинской области от 20 ноября 2018 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NWYpYsM5phY/> (дата обращения: 17.05.2022).

⁵ Решение Вологодского городского суда от 15 марта 2022 г. по делу № 12-477/2022 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 17.05.2022).

Тем не менее возможности данного технического средства в большинстве случаев оправдывают свои ожидания. Несколько лет стоял вопрос о расширении сферы применения систем видео-конференц-связи, об использовании ее на стадии не только судебного судопроизводства, но и предварительного расследования. Так, еще в 2018 г. в Государственную Думу Российской Федерации сенатором А. В. Кутеповым был внесен законопроект о дополнении главы 26 УПК РФ новой статьей 189.1 «Особенности допроса свидетеля посредством видео-конференц-связи». Данный проект на тот момент подлежал совершенствованию и доработке в вопросах содержания данной статьи. И только 30 декабря 2021 г. Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» № 501-ФЗ была введена ст. 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи».

Исходя из текста вышеуказанной статьи следователю, дознавателю предоставляется право при наличии технической возможности по правилам ст. 164 и главы 26 УПК РФ проводить допрос, очную ставку и опознание, используя видео-конференц-связь. Для этого следователь направляет письменное поручение для организации данного мероприятия следователю по месту нахождения лица, чье участие в следственном действии необходимо. В законе указано об обязательной видеозаписи следственного действия и приобщении ее к протоколу. По окончании следственного действия следователь в течение 24 часов направляет следователю, который поручил производство предварительного расследования, подписку участников следственного действия о разъяснении им прав, обязанностей, ответственности, а также об оглашении им протокола следственного действия, приобщенные материалы, документы и пр. Условием недопущения проведения следственных действий с использованием средств видео-конференц-связи является возможность разглашения государственной или иной охраняемой законом тайны либо данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности.

Содержание данной статьи в первую очередь сделало более удобной реализацию принципа разумного срока уголовного судопроизводства. В большом количестве случаев требуемый и даже самый главный свидетель находится совершенно в другом регионе, и проезд к органу дознания, следствия или наоборот будет затруднен долгими поездками, растратой денежных средств, переры-

вами в работе и другими причинами, чего не требуется при использовании видео-конференц-связи. Такого же мнения придерживается Е. Н. Серова, которая говорит, что одним из достоинств системы видео-конференц-связи является «процессуальная экономия», заключающаяся в сбережении средств на «доставление участников дела из разных субъектов страны» [1].

Каким образом данная система может повлиять на взаимодействие при допросе следователя и свидетеля, а также на достоверность предоставляемых свидетелем показаний? Очевидно, что для свидетеля, опасющегося негативного влияния, давления и даже угроз со стороны родственников либо друзей подозреваемого (обвиняемого), такой формат проведения допроса будет более желаемым, так как исключит возможность встречи с вышеуказанными лицами и неблагоприятных последствий, которые смогут оказать влияние как на свидетеля, так и на правдивость его показаний. Тогда свидетель при даче показаний сможет вести себя более открыто, откровенней отвечать на поставленные вопросы, не опасаясь отрицательного исхода. В любом случае механизм видео-конференц-связи не гарантирует обеспечение достоверности показаний, тем не менее является некоторой мерой защиты свидетелей, все-таки желающих давать честные показания и способствовать изобличению преступника.

Плюсом будет то, что при получении показаний следователь, хорошо знающий рассматриваемое им дело, а также заинтересованный в получении точных и полных показаний, сможет лучше ориентироваться в ходе допроса, задавать логичные и нужные в данной ситуации вопросы, расставлять акценты, менять тактику проведения следственного действия при необходимости, способствовать всеобъемлющему и наиболее достоверному получению сведений по уголовному делу от свидетеля, нежели следователь, работающий по поручению, мало представляющий суть дела и имеющий в своем производстве много уголовных дел. Так, Р. М. Шагеева полагает, что «использование видео-конференц-связи позволит следователю, ведущему производство по уголовному делу, не только услышать и увидеть показания допрашиваемого, но и провести сам допрос, задать вопросы в режиме реального времени, наблюдать условия, в которых проводится следственное действие», что также положительно влияет на достоверность показаний свидетеля [2].

С другой стороны, «видео-конференц-связь — компьютерно-цифровая технология, которая в уста-

новленных в уголовно-процессуальном законе случаях и порядке обеспечивает дистанционное аудиовизуальное взаимодействие в режиме реального времени нескольких абонентов — участников уголовного судопроизводства с возможностью добавления к каналу связи дополнительных абонентов, имеющих уголовно-процессуальный статус, в целях обмена аудио- и видеoinформацией посредством обособленной телекоммуникационной сети либо с использованием закрытых каналов сети Интернет» [3].

Отсюда следует, что видео-конференц-связь — это прежде всего телекоммуникационная технология, которая не может заменить непосредственного взаимодействия следователя и свидетеля. При живом контакте следователю проще установить доверительные отношения и расположить к себе свидетеля на дачу полных и достоверных показаний. Путем изучения мимики, положения тела, рук, скорости реакции свидетеля, его нервозности в момент допроса, потливости, а также других внешних характеристик следователь в большинстве случаев сможет определить, в каком состоянии находится допрашиваемое лицо, каков его настрой на проведение следственного действия, готов ли человек отвечать открыто на поставленные вопросы или же находится в обеспокоенном состоянии, возможно, чего-то недоговаривает, целенаправленно искажает информацию. Такие данные предоставляют следователю возможность организовать и провести результативный допрос, выбрав правильный подход к конкретному лицу. При производстве допроса путем видео-конференц-связи свидетель в первую очередь видит перед собой экран монитора и картинку, передаваемую с помощью сети Интернет, что не вызывает у допрашиваемого лица понимания всей серьезности процессуального действия, а значит, не может положительно влиять на качество и полноту предоставляемой им информации.

В части 4 ст. 189.1 УПК РФ говорится об обязательном применении видеозаписи в ходе проведения следственного действия, однако особенности расположения, количество видеокамер во время записи видео в УПК РФ не находят своей регламентации, что в дальнейшем может поставить под сомнение даже законность проведения допроса и стать лазейкой для опытного адвоката. Нет гарантий того, что на видеозаписи будут отражены круг лиц, находящихся в помещении, условия и вся обстановка проводимого следственного действия.

Отсутствие единообразной организации фиксирования следственного действия видеозаписью создает предпосылки не только халатного отношения к данной процедуре, но и полного нарушения правомерности следственного действия. Так, нельзя исключать случаев оказания влияния на свидетеля во время проведения допроса путем подсказок, диктования «правильных» ответов, давления и угроз расправой третьими лицами именно с тех ракурсов, которые не захватывает объектив видеокамеры. А присутствие следователя при проведении допроса еще не говорит о допустимости данного вида доказательства.

Однако к достоинствам обязательного использования видеозаписи К. С. Плахота относит возможность «проанализировать психологический и эмоциональный настрой гражданина, реакцию на задаваемые вопросы, что в целом поможет оценить показания (степень их искренности)» [4].

Стоит также обратить внимание на то, что в настоящее время большинство рабочих мест не оборудовано современными средствами видео-конференц-связи, а в некоторых случаях и сетью Интернет, поэтому еще предстоит повсеместное распространение данной системы и ее использование в необходимых случаях. «Для реализации видео-конференц-связи необходимо наличие аудио- и видеооборудования для передачи и воспроизведения изображения и звука, соответствующей сертифицированной телекоммуникационной сети», — пишет В. А. Родивилина [5].

Не стоит забывать, что данная телекоммуникационная технология не носит обязательного характера, а значит, следователь вправе поступать так, как он считает целесообразным в представленных обстоятельствах. Иными словами, рассматривая конкретный случай, уголовное дело, следователь должен обращать внимание на личность свидетеля, степень знакомства и характер взаимоотношений между свидетелем и подозреваемым (обвиняемым), учитывать условия своего режима времени, возможности личной встречи со свидетелем для проведения допроса, степень важности будущих показаний свидетеля, чтобы в дальнейшем сделать выбор между применением видео-конференц-связи или организацией непосредственного проведения следственного действия. Целесообразное использование средств видео-конференц-связи должно способствовать качественному получению достоверных показаний от свидетеля,

что в итоге позволит принять справедливое решение по уголовному делу.

Таким образом, остается открытой проблема неоднозначности применения видео-конференц-связи, которая оказывает существенное влияние на развитие российского уголовного производства, предоставляя новые возможности для упрощения процесса расследования, но вместе с тем не дает достаточных оснований говорить о том, что такая система будет значительно лучше, чем непосредственное участие процессуального лица при проведении следственных действий. Не стоит забывать, что главной целью допроса свидетеля является получение от него полных и объективных показаний, а для этого в первую очередь необходимо наладить психологический контакт с допрашиваемым лицом, что становится крайне трудным при использовании видео-конференц-связи в силу отсутствия личного взаимодействия. В настоящее время правильнее будет считать, что систему видео-конференц-связи целесообразно применять в тех случаях, когда непосредственный допрос

свидетеля невозможен по ранее указанным причинам. Соответственно, законодателю необходимо разработать конкретные правила, регламентирующие использование средств видео-конференц-связи, основываясь на принципах рациональности, и внести дополнения в УПК РФ относительно условий их применения, что также узаконит выбор вида проведения допроса. Указанные дополнения послужат основой качественного получения информации от свидетеля и помогут избежать бесосновательного применения таких средств, т. е. достоверность показаний допрашиваемого будет сохранена на том уровне, на котором это возможно в конкретной ситуации.

На современном этапе следователю не стоит пренебрегать традиционными способами проведения следственных действий, которые уже длительное время не подвергаются сомнению, если возможности располагают, и злоупотреблять нововведениями, результативность которых пока еще вызывает некоторые вопросы.

1. Серова Е. Н. Достоинства и недостатки видеоконференц-связи в судебном заседании. Анализ судебной практики // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 773—782.

2. Шагеева Р. М. Об использовании системы видеоконференц-связи в досудебном производстве по уголовным делам // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4. С. 67—74.

3. Гринь Д. С. Теоретическое и нормативное определение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука. 2020. № 3. С. 82—86.

4. Плахота К. С. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 98—104.

5. Родивилина В. А. Использование видео-конференцсвязи при допросе в досудебном производстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. № 2 (6). С. 133—138.

1. Serova E. N. Advantages and disadvantages of video conferencing in court. Analysis of judicial practice. Issues of Russian justice, 773—782, 2021. (In Russ.).

2. Shageeva R. M. On the use of the video conferencing system in pre-trial proceedings in criminal cases. Legal state: theory and practice, 67—74, 2020. (In Russ.).

3. Grin D. S. Theoretical and normative definition of video conferencing in criminal proceedings. Legal science, 82—86, 2020. (In Russ.).

4. Plahota K. S. The use of video conferencing by an investigator (interrogating officer) in the course of investigative actions. News-bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences, 98—104, 2022. (In Russ.).

5. Rodivilina V. A. The use of video conferencing during interrogation in pre-trial proceedings. Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings, 133—138, 2014. (In Russ.).

Росовская Елена Валерьевна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
lera.moroz.1997@bk.ru

Rosovskaya Elena Valerievna,
associate adjunct
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
lera.moroz.1997@bk.ru

Статья поступила в редакцию 17.10.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 17.10.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

УДК 343.137.5
doi: 10.25724/VAMVD.A056

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ
ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО**

Евгений Иванович Свежинцев

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, E.svezhintcev@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена отдельным проблемам привлечения педагога и психолога при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних. В частности, рассматривается вопрос о характере участия и процессуальном положении таких специалистов ввиду недостаточно четкого определения законодателем их процессуальной функции. По результатам исследования формулируются задачи привлечения указанных процессуальных фигур к производству по уголовному делу, исходя из которых автор делает однозначный вывод о необходимости внедрения в уголовно-процессуальное законодательство вместо педагога и психолога таких лиц, как специалист в области психологии и специалист в области психиатрии. Обосновывается позиция, что именно эти специалисты способны в полной мере защитить несовершеннолетнего от психотравмирующего воздействия и установить с ним психологический контакт для сбора доказательственной информации. Кроме того, разъясняются понятия психолога и психиатра, а также роль каждого из них в процессе производства по уголовному делу с участием несовершеннолетнего.

Ключевые слова: педагог, психолог, процессуальный статус участников уголовного судопроизводства, следственные действия с участием несовершеннолетнего, психиатр

Для цитирования: Свежинцев Е. И. Проблемные аспекты привлечения педагога и психолога при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетнего // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 65—72. doi: 10.25724/VAMVD.A056

**PROBLEM ASPECTS OF INVOLVING
A TEACHER AND PSYCHOLOGIST IN CRIMINAL PROCEEDINGS
WITH THE PARTICIPATION OF A MINOR**

Evgeniy Ivanovich Svezhintsev

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, E.svezhintcev@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to certain problems of involving a teacher and a psychologist in juvenile crimes investigation. In particular, consideration is being given to the nature of the participation and the procedural status of such professionals, in view of the lack of a clear definition by the legislature of their procedural function. Based on the results of the study, the tasks of involving the indicated procedural figures in the proceedings in a criminal case are formulated, on the basis of which the author makes an unambiguous conclusion about the need to introduce into the criminal procedure legislation, instead of a teacher and a psychologist, such persons as specialist in psychology and specialist in psychiatry. The position is substantiated that it is specialists who are able to fully protect the minor from psycho-traumatic effects and build psychological contact with him to collect evidence. In addition, the concepts of psychologist and psychiatrist are explained, as well as the role of each of them in the process of criminal proceedings involving a minor.

Keywords: teacher, psychologist, procedural status of participants in criminal proceedings, investigative actions involving a minor, psychiatrist

For citation: Svezhintsev E. I. Problem aspects of involving a teacher and psychologist in criminal proceedings with the participation of a minor. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 65—72, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A056

Одним из дискуссионных вопросов является обеспечение защиты прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, к которым могут относиться подозреваемый (обвиняемый), потерпевший и свидетель, при производстве ряда следственных действий. На данный момент в уголовно-процессуальном законодательстве мы видим следующую картину. В части 1 статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) установлено, что при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно.

В части несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого ст. 425 УПК РФ устанавливает, что в случае, если последний не достиг возраста шестнадцати лет либо достиг этого возраста, но страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно.

Основная проблема состоит в том, что законодателем не разграничены понятия педагога или психолога и не определены критерии их участия в зависимости от особенностей, имеющих у конкретного несовершеннолетнего, что может привести к ненадлежащей защите прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства и невозможности получения от них допустимых доказательств.

Безусловно, в правоприменительной практике следователями осуществляется изучение личности несовершеннолетнего, что позволяет определить соответствующие тактические приемы, найти оптимальные способы воздействия на него. Однако может возникать подмена таких понятий, как «необходимость» и «обязательность», т. е. правоприменитель, руководствуясь формальным подходом, будет приглашать сведущих лиц, чье участие обязательно, без привлечения тех лиц, которые могут реально помочь в проведении различных следственных действий. Данные факторы негативно влияют на понимание роли соответствующих специалистов как в ходе всего расследования, так и непосредственно при производстве следственного действия, что минимизирует эффект от их присутствия при допросе или другом следственном действии.

В целях выработки критериев участия педагога или психолога в следственных действиях, а также установления необходимости участия последних требуется раскрыть сущность данных специалистов с позиции целевого назначения применения их специальных познаний при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Начнем с понятия «педагог», так как в 2013 г. именно оно было внесено в п. 62 ст. 5 УПК РФ, согласно которому педагог понимался как педагогический работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся. Было бы целесообразным одновременно ввести и понятие «психолог», но этого не случилось. Таким образом, законодатель вызвал дискуссию в научном сообществе по поводу процессуального статуса педагогов.

Так, одни ученые [1, с. 13; 2, с. 202; 3, с. 17] считают психолога и педагога, участвующих в уголовном судопроизводстве, специалистами. Другие [4; 5] отличают их от специалиста, говоря о большей профессиональной активности и свободе действий.

Мы придерживаемся мнения, что педагог и психолог являются специалистами. Подробное обоснование данной точки зрения уже было дано Е. А. Зайцевой в статье, посвященной процессуальной идентификации педагога и психолога в уголовном судопроизводстве. Прочитав основную выводу статьи: «...Попытка формирования в УПК РФ новых процессуальных фигур по „профессиональному“ признаку, исходя из специфики используемых сведущими лицами специальных познаний, приведет к наводнению текста закона новыми процессуальными статусами специалистов-автотехников, специалистов-компьютерщиков...» [3, с. 18].

Продолжая анализ сущности процессуальной фигуры педагога, необходимо выяснить, какие задачи он должен выполнять в уголовном судопроизводстве, и сравнить их со знаниями и навыками, получаемыми в ходе обучения и выполнения профессиональной деятельности.

Так, Н. В. Ключева, говоря об уголовном судопроизводстве по делам с участием несовершеннолетних фигурантов, поясняет, что оно «...осложнено индивидуально-психологическими и возрастными особенностями детей и подростков, снижающими их способность правильно понимать,

воспринимать и запоминать фактические обстоятельства уголовного дела и давать адекватные показания». Вместе с тем автор добавляет, что «несовершеннолетние потерпевшие и свидетели нередко находятся под влиянием ситуационных факторов (криминальных и посткриминальных), которые негативно влияют на указанную способность. несовершеннолетние, ставшие жертвами насилия или его свидетелями, как правило, подвергаются воздействию посттравматического стрессового расстройства, которое может проявляться в виде нарушения эмоционального (острое переживание страха, тревоги и гнева), физического (физические травмы, повреждения, а также рвота, головные боли, потеря сознания и др.) и (или) психического состояния (возбуждение, стремление куда-то бежать, спрятаться либо глубокая заторможенность, внешнее безразличие и др.), что препятствует их эффективному взаимодействию с правоохранительными органами» [6, с. 34].

Указанная позиция позволяет выделить две дополнительные задачи, стоящие перед правоприменителем при производстве по такому уголовному делу, а именно защита несовершеннолетнего от психотравмирующего воздействия и выстраивание психологического контакта для сбора доказательственной информации. Исходя из норм уголовно-процессуального законодательства, представляется, что законодатель передал решение этих задач педагогу и психологу.

Прежде всего обратим пристальное внимание на определение педагога, данное в ст. 5 УПК РФ. Так, исходя из него, можно выделить главный признак, которым должен обладать педагог, а именно выполнение в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что правоприменитель может привлекать педагогических работников из образовательных организаций различного типа.

В соответствии со ст. 23 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ к таким организациям относятся:

1) дошкольная образовательная организация — образовательная организация, осуществляющая в качестве основной цели ее деятельности образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми;

2) общеобразовательная организация — образовательная организация, осуществляющая в качестве основной цели ее деятельности образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего и (или) среднего общего образования;

3) профессиональная образовательная организация — образовательная организация, осуществляющая в качестве основной цели ее деятельности образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования и (или) по программам профессионального обучения;

4) образовательная организация высшего образования — образовательная организация, осуществляющая в качестве основной цели ее деятельности образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования и научную деятельность.

Соответственно, в каждой из данных организаций предъявляются различные требования к уровню образования и подготовки педагогических работников, выстраивается своя система профессиональной специализации.

При более детальном рассмотрении педагогического образования в целом можно прийти к неоднозначным выводам.

Например, согласно федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования 44.03.01 Педагогическое образование¹, у выпускника должен быть сформирован ряд компетенций, позволяющих ему в дальнейшем осуществлять педагогическую деятельность. Анализ указанных компетенций показал, что они направлены на формирование у будущих педагогов знаний, умений и навыков обучения и воспитания обучающихся в образовательной организации, при этом только компетенция ОПК-6 развивает у педагогов способность использовать психолого-педагогические технологии в профессиональной деятельности, но, заметим, необходимые для индивидуализации обучения, развития, воспитания в том числе обучающихся с особыми обра-

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование: приказ от 22 февраля 2018 г. № 121 (ред. от 08.02.2021). URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-44-03-01-pedagogicheskoe-obrazovanie-121> (дата обращения: 10.09.2022).

зовательными потребностями. Соответственно, приходим к выводу, что компетенции, сформированные у педагогов после окончания высшего учебного заведения (не говоря уже о среднеспециальном заведении), не позволяют им в ходе следственного действия с участием несовершеннолетнего реализовать задачи по защите последнего от психотравмирующего воздействия и установлению с ним психологического контакта для сбора доказательственной информации.

Безусловно, нельзя не согласиться с тем, что педагог, работающий в образовательной организации, получает опыт коммуникации с детьми и подростками, но, насколько эффективно можно использовать его опыт и помощь в общении с несовершеннолетними, которые подверглись преступному влиянию или стали жертвами преступления, остается под большим вопросом.

Вместе с тем отдельные авторы выражают точку зрения о благоприятном влиянии в ходе следственного действия знакомого педагога, приглашаемого из соответствующего учебного заведения, в котором обучается несовершеннолетний [7]. Такую позицию считаем спорной, ввиду того что в случае имеющихся между ними неприязненных отношений или конфликта участие этого педагога, скорее всего, повлечет за собой негативное воздействие на допрашиваемого, что не лучшим образом скажется на процессе получения доказательственной информации и защите несовершеннолетнего от психотравмирующего воздействия. Более того, полагаем, что приглашение педагога, который каким-либо образом ранее взаимодействовал с несовершеннолетним, приведет к иницированию процедуры его отвода по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 61 УПК РФ, по причине личной, прямой или косвенной заинтересованности педагога в исходе данного уголовного дела.

Можно сделать вывод, что профессиональные знания и опыт педагога, полученные как в ходе обучения, так и в ходе осуществления деятельности в образовательных и воспитательных организациях, направлены именно на обучение и воспитание несовершеннолетних, но никак не на выполнение вышеизложенных специфических задач, возникающих в рамках производства по уголовному делу.

В то же время, говоря о таком специалисте, как психолог, нужно отталкиваться не от его профессии, а от тех знаний, которыми он обладает. Данное суждение подтверждается тем, что, согласно

ст. 11 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», система образования регламентирована федеральными государственными образовательными стандартами, которые, в свою очередь, устанавливают систему специализации. Это выражается в том, что у выпускника образовательного учреждения формируют набор компетенций и дают квалификацию в определенном направлении деятельности. Соответственно, один и тот же психолог может обладать знаниями в таких направлениях психологии, которые не отвечают задачам, поставленным в сфере уголовного судопроизводства при работе с несовершеннолетним.

Более того, необходимо обратить внимание, что под термином «психолог» в соответствии с профессиональными стандартами и квалификациями может пониматься как лицо, являющееся по образованию врачом (специализация — клинический, медицинский психолог и (или) ординатура — психиатрия), так и лицо с гуманитарным (науки об обществе) психологическим образованием (специализация — клинический психолог, психология служебной деятельности и др.). Соответственно, и функции, выполняемые ими, не тождественны.

В связи с этим следует разграничить группу врачей (далее по тексту — врач-психолог), которые в соответствии со своей специализацией именуется «врач-психолог», «психотерапевт», «психиатр», и группу специалистов, имеющих гуманитарное психологическое образование, которых в данном исследовании мы будем именовать «гуманитарными» психологами. Данная терминология нами применена по следующим основаниям. В действующем федеральном законодательстве отсутствует нормативный правовой акт, закрепляющий понятие «психолог», требования к его квалификации и направления деятельности. По нашему мнению, новый термин делает акцент на виде получаемого психологом образования (по наукам, относящимся к гуманитарным), психологической помощи, которую он может оказывать, и используемых им направлениях и методах деятельности (специализации).

В то же время имеются различные подзаконные акты министерств и ведомств, отражающие в основном фрагментарные положения, регламентирующие его деятельность в области охраны психологического здоровья несовершеннолетних, обучающихся

в образовательных организациях¹. Данный факт, безусловно, отрицательно сказывается на качестве оказываемых последними услуг, а в сфере уголовного судопроизводства вызывает у правоприменителей путаницу при выборе квалифицированного специалиста, который смог бы решить поставленные перед ним задачи.

Тем не менее, исходя из имеющихся нормативных правовых актов, можно сформулировать определение понятия «психолог»: специалист, получивший именно гуманитарное образование и способный выявить у здоровых людей различные психические особенности, личные проблемы и поведенческие нарушения, после чего посредством психологических методов и техник помочь в преодолении внутриличностных проблем и разрешении кризисных ситуаций.

Стоит отметить позитивные тенденции в данном вопросе, так как в данный момент экспертной комиссией одобрен и в ближайшее время будет вынесен на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации законопроект «О психологической помощи в Российской Федера-

ции»², который позволит в первую очередь гражданам, должностным лицам, государственным и негосударственным организациям понять статус «гуманитарного» психолога, критерии его компетенции и виды психологической деятельности, которые он сможет реализовывать, а также закрепит зону ответственности последнего. В частности, в сфере уголовного судопроизводства позволит правоприменителю правильно определить специалиста в данной области знания, а также наличие компетенций, необходимых для выполнения поставленных перед ним задач в конкретном уголовном деле.

Соответственно, введение такого закона будет весьма актуальным для правоприменителя, так как психологу в уголовном судопроизводстве отводится роль наблюдателя за психоэмоциональным состоянием несовершеннолетнего в связи с его участием в следственном действии. Это позволит своевременно сигнализировать следователю об изменении психологического самочувствия подростка, имеющего поведенческие нарушения, и, соответственно, скорректировать тактику его допроса, наладить с ним контакт и подготовить к участию в следственном действии, тем самым обеспечив одновременно защиту несовершеннолетнего от психотравмирующего воздействия и результативность проведенного мероприятия.

Продолжая дальнейшее обсуждение проблемы разграничения «гуманитарного» психолога и врача-психолога, а также потенциала применения последним познаний в сфере уголовного судопроизводства, необходимо изучить правовое положение врача-психолога в действующем законодательстве.

Правовой статус и направления деятельности врача-психолога содержатся в Законе Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»³. Исходя из общего толкования диспозиции ст. 18, 19 и 20 указанного закона, под врачом-психологом (врач-психиатр, иные специалисты и медицинские работники) можно понимать лицо, получившее высшее медицинское образование и периодически подтверждающее свою квалификацию в установленном законом порядке, имеющее право на врачебную

¹ О состоянии и перспективах развития службы практической психологии образования в Российской Федерации: решение коллегии МО РФ № 7/1 от 29 марта 1995 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об утверждении Типового положения об образовательном учреждении для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи: постановление Правительства Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 867. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об учителях-логопедах и педагогах-психологах образовательных учреждений: письмо МО РФ от 22 января 1998 г. № 20-58-07 ин/20-4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об утверждении Положения о службе практической психологии в системе Министерства образования Российской Федерации: приказ от 22 октября 1999 г. № 636. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О практике проведения диагностики развития ребенка в системе дошкольного образования: письмо МО РФ от 7 апреля 1999 г. № 70/23-16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О некоторых вопросах применения положения о порядке аттестации педагогических и руководящих работников государственных и муниципальных образовательных учреждений: письмо МО РФ № 297/19-10 и Профсоюза работников народного образования и науки РФ № 117 от 15 августа 2000 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Проект федерального закона «О психологической помощи в Российской Федерации». URL: <https://oppl.ru/up/files/files/2022/zakonoproekt.pdf> (дата обращения: 09.11.2022).

³ О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 (ред. от 30.12.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

деятельность по оказанию психиатрической помощи лицам, страдающим психическими расстройствами. Однако стоит отметить, что в данном законе не находит своего отражения такая смежная разновидность психиатрической помощи, проводимая врачами-психологами, как психотерапевтическая деятельность, выражающаяся в применении методик воздействия на психологическое состояние пациента.

Следовательно, в отличие от «гуманитарного» психолога, врач-психолог обладает иным набором знаний и квалификацией. В связи с этим он имеет дело с различными психическими заболеваниями или пограничными состояниями (между заболеванием и нормой) и в целях их лечения вправе проводить медицинский осмотр, осуществлять постановку диагноза и назначать лекарственные препараты. Одновременно с этим, как и «гуманитарный» психолог, может оказывать профессиональную психологическую помощь, заключающуюся в профилактике, адаптации и реабилитации людей.

Применительно к сфере уголовного судопроизводства интересный пример из своей практики приводит М. С. Балаева, говоря о том, что «при допросе несовершеннолетних с психическими расстройствами, связанными с сексуальными посягательствами, последние зачастую не понимают характер этих действий в отношении них. Объясняя на словах свое участие в этих действиях, дети испытывают стыдливость, депрессивные реакции, тревожные расстройства поведения, и оказываемое специфическое психотравмирующее действие со стороны следствия нередко приводит к возникновению у этих детей разнообразных по глубине и продолжительности расстройств» [8, с. 33].

В данном случае просто необходим такой специалист, как врач-психолог, который, в зависимости от того, испытал ли несовершеннолетний серьезное психотравмирующее воздействие (в связи с чем и пребывает в пограничном состоянии) или имеет психическое заболевание в стадии ремиссии, оценит с медицинской точки зрения его состояние, примет решение о возможности его участия в следственных и иных процессуальных действиях, а также наладит с ним контакт. Вместе с тем в случае невозможности работы с данным участником следственного действия психиатр даст правоприменителю правильные рекомендации по подготовке материалов для назначения судебно-психиатрической экспертизы и постановке компетентных вопросов с учетом индивидуальных особенностей несовершеннолетнего. Поэтому в ходе расследования вышеуказанных видов уголовных

дел необходимо участие именно таких специалистов, как «гуманитарный» психолог и врач-психолог, основной целью которых является защита несовершеннолетнего от психотравмирующего воздействия и установление с ним психологического контакта для сбора доказательственной информации. Психолог привлекается при имеющихся поведенческих нарушениях, не только вызванных психотравмирующим воздействием самого преступления, но и существовавших до него. В наиболее общественно-резонансных ситуациях, требующих познаний в области психических заболеваний, для работы с несовершеннолетним привлекается психиатр.

Подведем итог сказанному.

Во-первых, действующий порядок привлечения педагога и психолога по уголовным делам с участием несовершеннолетних носит фрагментарный характер, а в вопросах участия педагога регламентация не соответствует потребностям правоприменительной практики, так как формальное нормативное определение педагога позволяет вовлечь в уголовное судопроизводство лицо, не обладающее необходимой для целей следственного действия компетенцией.

Во-вторых, более логичным было бы изъятие из норм УПК РФ таких процессуальных фигур, как педагог и психолог, и внедрение понятия «специалист в области психологии или психиатрии», причем требование к их правовому статусу следует устанавливать исходя из действующих нормативных правовых актов, а специализацию — исключительно из официальных документов об окончании высшего учебного заведения и присвоении соответствующей квалификации.

В-третьих, для правильного ориентирования правоприменителя в вопросе привлечения конкретного специалиста в области психологии или психиатрии к уголовному делу, в котором участвуют несовершеннолетние потерпевшие, свидетели, подозреваемые или обвиняемые, требуется законодательное закрепление в УПК РФ следующих задач участия указанных специалистов: обеспечение защиты несовершеннолетних от психотравмирующего воздействия и установление психологического контакта для сбора доказательственной информации.

В-четвертых, непосредственный выбор специалиста в области конкретного направления психологии или психиатрии должен оставаться за самим правоприменителем на основании обстоятельств уголовного дела, отношения несовершеннолетнего к произошедшему событию и окружающим,

особенностей его развития, психологического состояния и наличия психических заболеваний.

В завершение отметим, что с учетом реализации предложенных изменений следующим этапом совершенствования данного направления регулирования могут стать корректировка и уточнение

прав специалистов в нормах гл. 50 УПК РФ — применительно к их привлечению при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних в целях полноценной реализации стоящих перед ними задач.

1. Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Участие потерпевшего в производстве следственных действий (дополнительное регулирование по Федеральному закону от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ) // Законодательство и практика. 2014. № 1. С. 9—16.

2. Шувалова М. А. Участие психолога и педагога в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2019. 252 с.

3. Зайцева Е. А. Спорные аспекты идентификации процессуального статуса педагога и психолога в уголовном судопроизводстве // Судебная экспертиза. 2019. № 1 (57). С. 8—17.

4. Демкина М. С. Педагог (психолог) как участник уголовного судопроизводства: досудебный этап: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2018. 242 с.

5. Миронова Г. А. Психолог как участник следственных действий с несовершеннолетним потерпевшим // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 18, № 2. С. 223—232.

6. Ключева Н. В. Психологическое и организационно-правовое сопровождение несовершеннолетних детей, участвующих в следственных действиях // Прикладная юридическая психология. 2016. № 2 (35). С. 33—40.

7. Фомина И. А., Горбачева Е. В. Отдельные аспекты участия педагога и психолога в тактике допроса несовершеннолетнего // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3. С. 94—99.

8. Балаева М. С. Участие психотерапевта на следственных действиях с участием несовершеннолетних (дискуссионные вопросы) // Молодой ученый. 2014. № 17.1 (76.1). С. 32—33.

1. Kalnitsky V. V., Larin E. G. Participation of the victim in the investigative actions (additional regulation under the Federal Law on 28 December 2013 No. 432-FZ). Legislation and practice, 9—16, 2014. (In Russ.).

2. Shuvalova M. A. Participation of a psychologist and teacher in criminal proceedings. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2019: 252. (In Russ.).

3. Zaitseva E. A. Controversial aspects of identifying the procedural status of a teacher and a psychologist in criminal proceedings. Forensic examination, 8—17, 2019. (In Russ.).

4. Demkina M. S. Teacher (psychologist) as a participant in criminal proceedings: pre-trial stage. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Samara; 2018: 242. (In Russ.).

5. Mironova G. A. Psychologist as a participant in investigative actions with a minor victim. Criministics: yesterday, today, tomorrow, 223—232, 2021. (In Russ.).

6. Klyueva N. V. Psychological and organizationally legal support of minor children participating in investigative actions. Applied legal psychology, 33—40, 2016. (In Russ.).

7. Fomina I. A., Gorbacheva E. V. Separate aspects of teacher and psychologist participation in the tactics of interrogating a minor. Siberian legal bulletin, 94—99, 2018. (In Russ.).

8. Balayeva M. S. Participation of a psychotherapist in investigative actions with the participation of minors (debatable issues). Young scientist, 32—33, 2014. (In Russ.).

Свежинцев Евгений Иванович,
доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
E.svezhintcev@yandex.ru

Svezhintsev Evgeniy Ivanovich,
associate professor at the department
of criminal procedure of the educational
and scientific complex for preliminary investigation
in the Internal Affairs Bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
E.svezhintcev@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 31.10.2022; одобрена после рецензирования 07.11.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 31.10.2022; approved after reviewing 07.11.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

УДК 343.132
doi: 10.25724/VAMVD.A057

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ
И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
ПРИ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ РЕШЕНИЙ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Владимир Юрьевич Стельмах

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, vlstelmah@mail.ru

Аннотация. В работе анализируется сложившийся в Российской Федерации алгоритм имплементации решений Конституционного Суда в Уголовно-процессуальный кодекс. Как правило, текст решения Конституционного Суда механически встраивается в уголовно-процессуальный закон. В то же время не принимается во внимание, что Конституционный Суд, формулируя правовые позиции, интерпретирует термины в конституционно-правовом, а не отраслевом смысле, при этом конституционно-правовой смысл намного шире уголовно-процессуального. Вследствие такого подхода в Уголовно-процессуальном кодексе появились нормы, применение которых вызывает значительные затруднения в силу того, что в законе стало смешиваться конституционное и отраслевое понимание терминов. Примерами служат некоторые положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующие момент начала участия защитника в уголовном деле, а также отмену постановления следователя о его прекращении. Аргументируется, что правовая позиция Конституционного Суда является лишь исходной точкой, не подлежащей механическому переносу в текст Уголовно-процессуального кодекса, а требующей разработки правового алгоритма, позволяющего воплотить решения Конституционного Суда в отраслевом законодательстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальный закон, Конституционный Суд Российской Федерации, правовая позиция, подозреваемый, защитник, прекращение уголовного дела

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Некоторые аспекты соотношения конституционно-правовой и уголовно-процессуальной терминологии при имплементации решений Конституционного Суда Российской Федерации в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 73—80. doi: 10.25724/VAMVD.A057

**SOME ASPECTS OF CORRELATION
BETWEEN CONSTITUTIONAL-LEGAL
AND CRIMINAL-PROCEDURAL TERMINOLOGY
IN THE IMPLEMENTATION OF DECISIONS
OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN THE CRIMINAL PROCEDURE CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Vladimir Yuryevich Stelmakh

Ural Law Institute of the Ministry of Interior Affairs of the Russian Federation, Ekaterinburg, Russia, vlstelmah@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the algorithm for the implementation of decisions of the Constitutional Court in the Criminal Procedure Code that has been developed in the Russian Federation. As a rule, the text of the decision of the Constitutional Court is mechanically embedded in the criminal procedure law. At the same time, it is not taken into account that the Constitutional Court, formulating legal positions, interprets terms in the constitutional and legal, and not in the sectoral sense. In this case, the constitutional and legal meaning is much wider than the

criminal procedure. The result of this approach was the emergence of norms in the Criminal Procedure Code, the application of which causes significant difficulties due to the fact that the constitutional and sectoral understanding of terms began to mix up in the law. Examples are some provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which regulate the moment when the defender began to participate in a criminal case, as well as the cancellation of the investigator's decision to dismiss the case. It is argued that the legal position of the Constitutional Court is only a starting point is, not subjected to mechanical transfer to the text of the Criminal Procedure Code, but requiring the development of a legal algorithm that allows translating the decisions of the Constitutional Court into sectoral legislation.

Keywords: criminal proceeding, criminal procedure law, Constitutional Court of the Russian Federation, legal position, suspect, defender, termination of criminal case

For citation: Stelmakh V. Yu. Some aspects of correlation between constitutional-legal and criminal-procedural terminology in the implementation of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 73—80, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A057

Уголовно-процессуальный закон (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, далее — УПК РФ) должен соответствовать Конституции Российской Федерации, ее смыслу и буквальному тексту положений.

На протяжении всего времени действия УПК РФ в него вносились изменения, в том числе связанные с приведением данного кодекса в соответствие с Конституцией Российской Федерации. Немаловажным направлением корректировки УПК РФ является учет правовых позиций и решений Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам, связанным с уголовным судопроизводством, включение соответствующих положений в уголовно-процессуальный закон [1, с. 117].

Вместе с тем приходится констатировать, что законодатель в ряде случаев применяет сугубо механический подход, буквально перенося текст решения Конституционного Суда в УПК РФ. Такой путь, на первый взгляд, имеет определенные преимущества, поскольку исключает импровизацию и обеспечивает точное выполнение решений Конституционного Суда. Однако на самом деле все гораздо сложнее. К сожалению, в некоторых случаях названный способ «пополнения» текста УПК РФ выглядит весьма упрощенным, очевидно, что законодатель идет по линии наименьшего сопротивления, занимая вроде бы безошибочную позицию, которая априори остается вне зоны критики: решение Конституционного Суда выполнено, причем абсолютно буквально. Однако буквальное воплощение решений Конституционного Суда в текст отраслевого закона, если это не сопровождается трансформацией такого закона в соответствии с логикой решения Конституционного Суда, скорее, свидетельствует об обратном: о том, что суть данного решения не достигнута.

Во-первых, следует учитывать характер Конституции как Основного Закона государства. В силу этого Конституция содержит наиболее общие формулировки, смысл которых должен быть понятен и очевиден всем гражданам. Разумеется, требование ясности и понятности применимо и к текущим отраслевым законам, однако для Конституции оно имеет особое преломление. Во-вторых, действующая Конституция характеризуется жестким порядком изменения, который гарантирует фундаментальность и стабильность действия Основного Закона. Употребленные в Конституции формулировки носят широкий универсальный характер и продолжают не только действовать, но и иметь приоритет над нормами отраслевых законов, даже если их буквальный смысл несколько отстает от современных реалий. Не случайно в ряде решений Конституционного Суда применяется понятие «конституционный смысл», которое в известной мере противопоставляется отраслевому смыслу.

Так, в ст. 51 Конституции Российской Федерации говорится о праве лица «не свидетельствовать против самого себя и своих близких родственников»¹. Очевидно, что значение термина «свидетельствование» не может сводиться к даче показаний на допросе в качестве свидетеля, а включает в себя все случаи сообщения лицом сведений в рамках деятельности, направленной на выявление, раскрытие и расследование преступлений (получение объяснений в ходе оперативно-разыскных мероприятий и доследственной проверки, явка с повинной, допросы не только в качестве свидетеля, но и потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого, очная ставка, проверка показаний на месте, следственный эксперимент, предъявление для

¹ Здесь и далее: доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

опознания и т. п.¹). Методологически неверно при этом толковать содержание ст. 51 Конституции Российской Федерации через УПК РФ. Напротив, положения уголовно-процессуального закона подлежат толкованию (как правило, расширительному) исходя из содержания ст. 51 Конституции Российской Федерации. А. А. Уваров справедливо отмечает, что, «рассматривая, казалось бы, далекие от конституционных норм отношения в сфере уголовного, гражданского, налогового, земельного и других отраслей права, Конституционный Суд РФ находит нужные и невидимые на первый взгляд нити, которые связывают нормы этих отраслей права с конституционными принципами и ценностями» [2, с. 56].

Кроме того, в ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации гарантируется тайна «переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений». Очевидно, что современное состояние средств коммуникации (Интернета, мобильной связи и т. д.), конвергенция возможностей различных средств электросвязи предполагают гораздо большее число способов коммуникации, чем переписка и телефонные переговоры, чем обусловлено употребление в Федеральном законе «О связи» от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ термина «тайна связи», а не «тайна переписки». Однако нет никаких оснований говорить о том, что Конституция гарантирует данную тайну не в полной мере, а лишь в части почтовой переписки и общения по телефону. Несмотря на то что термин «тайна переписки» несколько уже по буквальному содержанию, чем «тайна связи», с учетом предмета конституционного регулирования необходимо исходить из того, что в Конституции термин употребляется таким образом, что охватывает все существующие на сегодня виды коммуникации, обеспечивает тайну пользования ими и запрещает нарушения этой тайны.

Иными словами, конституционные термины не должны «подстраиваться» под текущее отраслевое законодательство, напротив, терминология отраслевых законов всегда должна интерпретиро-

ваться как вторичная по отношению к конституционной.

Применительно к уголовно-процессуальному законодательству важно учитывать следующие моменты.

Во-первых, вряд ли необходимо неоднократно дублировать в тексте УПК РФ права человека и гражданина, непосредственно закрепленные в Конституции Российской Федерации (например, не свидетельствовать против самого себя и своих близких родственников, получать квалифицированную юридическую помощь, иметь переводчика, право на рассмотрение дела тем судом, к подсудности которого оно отнесено). Следует исходить из того, что эти права имеют универсальный характер и априори распространяются на уголовно-процессуальную деятельность [3, с. 43—45]. Разумеется, они должны найти свое отражение в тексте УПК РФ, но желательно однократно и, скорее всего, среди принципов уголовного судопроизводства либо в общих положениях, касающихся правомочий участников уголовного процесса. Методологически неверно механически повторять эти права раз за разом в нормах, регулирующих отдельные стадии судопроизводства, конкретные меры принуждения и следственные действия. Такой подход, как «чем больше, тем лучше», в данном случае категорически не подходит. Тиражирование в законе одинаковых слов и выражений никак не повышает уровень защиты прав личности и не обеспечивает оптимизацию нормативной регламентации. Это экстенсивный путь развития законодательства, который лишь создает иллюзию улучшения положения личности по принципу «если упоминание о наличии права сделано один раз, это неплохо, если оно повторено два раза, то это в два раза лучше, а если оно повторяется много раз, то это совсем хорошо». Напротив, от такого многократного дублирования содержание конституционных норм откровенно обесценивается. Кодифицированный закон предполагает, что даже разовое употребление в его тексте какого-либо правила достигает своей цели, если это правило четко и непротиворечиво сформулировано, ясен его предмет и конкретизирован механизм реализации.

Во-вторых, в ряде случаев недопустимо отождествлять терминологию Конституции и УПК РФ. Недопустим механический перенос фраз, употребленных в Конституции (либо в решениях Конституционного Суда, в которых выявлен смысл конституционных норм), в текст уголовно-процес-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2005 г. № 473-О // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision31255.pdf> (дата обращения: 12.10.2022).

суального закона. Более того, требуется четко осознавать жесткое требование юридической техники. С одной стороны, смысл конституционной и отраслевой терминологии может, а во многих случаях даже должен различаться. С другой стороны, «внутри» отраслевого закона один термин, как правило, подлежит употреблению в одном значении. Разумеется, из этого общего правила могут быть определенные исключения (например, в Уголовном кодексе Российской Федерации термин «крупный размер» применительно к разным группам преступлений имеет различное значение), однако такие моменты должны четко формулироваться в тексте закона. Должный уровень юридической техники для уголовно-процессуального права особенно актуален в связи с высокой степенью ограничения прав и свобод граждан, применением к ним мер государственного принуждения, на что справедливо обращается внимание в научной литературе [4, с. 123].

К сожалению, отмеченные обстоятельства не всегда учитываются при имплементации решений Конституционного Суда в УПК РФ. Так, в 2013 г. был введен п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, который, на первый взгляд, расширил круг лиц, которым гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи в связи с осуществлением уголовного преследования. В соответствии с данной нормой защитник предоставляется лицу «с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном»¹ ст. 144 УПК РФ. Сама идея наделять лицо правом на защитника во время проведения доследственной проверки, безусловно, здравая и логичная [5, с. 33—37; 6, с. 56—61]. Однако ее реальное воплощение в законе вызывает вопросы прежде всего с позиций юридической техники. Так, ч. 3 ст. 49 УПК РФ начинается со слов «защитник участвует в уголовном деле». Под уголовным делом в отраслевом понимании, безусловно, понимается деятельность, осуществляемая после возбуждения дела, но никак не в ходе доследственной проверки. В данном случае термин «уголовное дело» нельзя уравнивать по смыслу с уголовным судопроизводством, включающим и стадию возбуждения уголовного дела, а значит, и доследственную проверку. Очевидно, что, вводя п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ и преследуя при этом позитивные цели, законода-

тель просто не обратил внимания на начальные слова этой нормы. Получается, что п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ является в этой норме как бы «инородным телом», выходя за предмет ее правовой регламентации.

Вызывает вопросы п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, устанавливающий другой момент начала участия защитника в деле — «начало осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления».

Конституционный Суд сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой «право на получение юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу независимо от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если управомоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, — удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность»².

Когда Конституционный Суд говорил о подозреваемом, он, совершенно очевидно, истолковывал этот термин в конституционном смысле, в рамках которого понятие подозреваемого не сводится к основаниям, установленным в данный момент УПК РФ для возникновения у лица статуса такого участника уголовного судопроизводства (возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, задержание в порядке ст. 91 УПК РФ, избрание меры пресечения до предъявления обвинения, объявление уведомления о подозрении).

Вместе с тем в п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ употреблен термин «подозреваемый», который в рамках отраслевой регламентации понимается совершенно однозначно. Большой ошибкой стал механический перенос в УПК РФ положений, дословно взя-

¹ Здесь и далее: доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30320.pdf> (дата обращения: 12.10.2022).

тых из решения Конституционного Суда, несмотря на прямое указание в нем на то, что в Конституции термин «подозреваемый» употребляется не в отраслевом, а в более широком конституционном смысле.

Иными словами, Конституция не обязана учитывать отраслевые конструкции, напротив, в УПК РФ должны быть предусмотрены такие механизмы, которые в полной мере обеспечивают реализацию конституционных положений. Конституционный Суд не просто требует придавать лицу статус подозреваемого, если фактически в отношении именно этого лица собираются сведения о его причастности к совершению преступления (как раз такого требования в тексте решения Конституционного Суда не содержится, он лишь обязывает предоставлять лицу защитника). Конституционный Суд, по смыслу своего решения, говорит о том, что лицу должен предоставляться защитник, если в отношении этого лица имеются сведения о причастности к совершению преступления. Данное требование — предел сферы конституционно-правовой регламентации, далее законодатель в отраслевых законах, т. е. в УПК РФ, должен разработать механизм, обеспечивающий выполнение требования Конституционного Суда, причем, каким именно этот механизм должен быть, Конституционный Суд отнюдь не предопределяет. Например, это может достигаться принципиальным изменением подходов к статусу подозреваемого [7, с. 11—12], законодательным закреплением каких-либо новых участников уголовно-процессуальной деятельности либо иными способами, но решение вопроса о том, каковы будут эти способы, относится к сфере компетенций законодателя, а не Конституционного Суда. И не следует искать в решениях судебного органа готовые ответы на эти вопросы и процессуальные алгоритмы.

Законодатель же пошел по сугубо формальному пути, просто повторив в тексте УПК РФ формулировку решения Конституционного Суда. Это создало определенные проблемы. С. Б. Россинский справедливо отмечает: «практика любит четкие и конкретные законодательные формулировки, исключаящие правовую неопределенность, особенно в части регламентации полномочий государственных органов» [8, с. 61].

Не совсем ясно, что понимается под затрагиванием прав конкретного лица производством процессуальных действий. По смыслу закона, речь идет не просто об организационных неудобствах, таких как необходимость явки в орган дознания или предварительного следствия, вызванных

этим материальных расходах и т. п. Совершенно очевидно, что «затрагивание прав» означает проведение следственного (или иного процессуального) действия для получения информации о причастности данного лица к совершению преступления.

По сути, для оценки того, затрагиваются ли права лица следственным действием, необходимо учитывать психологический момент — не только сам факт вызова для производства допроса, но и то, с какой целью это сделано, что именно органы расследования хотят выяснить в ходе этого допроса. Можно привести классический пример. В многоквартирном доме совершено преступление в условиях неочевидности. Все жильцы дома подлежат допросу в качестве свидетелей, а не подозреваемых, поскольку основания для придания этого статуса явно отсутствуют. В ходе допроса при этом устанавливаются два блока сведений: а) что лицо слышало и видело в момент совершения преступления; б) где лицо находилось и чем занималось в это время. Сведения первой группы характеризуют лицо как потенциального свидетеля, а второй группы — как потенциального подозреваемого. Таким образом, на данном этапе расследования допрос каждого лица производится для выяснения и тех, и других сведений и практически невозможно сказать, кем допрошенное лицо окажется после установления этих данных.

Кроме того, необходимо учитывать психологическое отношение самого допрашиваемого (что практически невозможно зафиксировать), как он относится к допросу и как воспринимает его содержание (как получение информации о событии преступления или о собственной причастности к нему). Вместе с тем в психологическом отношении следователя и допрашиваемого к допросу бывают различия. Следователь может и не предполагать, что конкретное лицо причастно к преступному деянию, и планирует допросить его в качестве свидетеля, однако сам допрашиваемый знает, что совершил преступление, и внутренне ожидает вопросов, направленных на его изобличение. Из чего исходить в данной ситуации для определения того, затрагивает ли следственное действие права допрашиваемого и в каком именно аспекте?

Разумеется, признать изначально всех допрашиваемых лиц подозреваемыми невозможно и незаконно, выборочное наделение кого-либо из них этим статусом также не представляется возможным, поскольку противоречит закону и всем правилам методики расследования преступлений.

Очевидно, что в УПК РФ следовало не переносить дословно извлечение из текста решения Конституционного Суда, а необходимо было разработать механизм, учитывающий, как именно проведение следственного действия затрагивает права лица и каким образом это коррелирует с нормами об основаниях возникновения процессуального статуса подозреваемого.

Нельзя назвать оптимальной конструкцию ч. 1¹ ст. 214 и ст. 214¹ УПК РФ, принятие которых также было обусловлено наличием правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, касающейся сроков возможной отмены постановления органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела. До принятия этих норм постановление о прекращении дела могло быть отменено в любой момент, что создавало угрозу правовой стабильности, поскольку лицу, в отношении которого прекращалось уголовное преследование, не было гарантировано сохранение его положения. Конституционный Суд справедливо обратил внимание на то, что «отсутствие в уголовно-процессуальном законе срока для отмены постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования, вынесенного на досудебной стадии уголовного судопроизводства, умаляет гарантии защиты от необоснованного возобновления прекращенного уголовного преследования, создает для лица постоянную угрозу привлечения к уголовной ответственности, что в любой момент может воспрепятствовать (хотя это лишь одно из многих и не самое значимое неблагоприятное последствие возвращения лица в состояние претерпевания уголовного преследования) разрешению судом вопроса о размере причиненного в связи с уголовным преследованием вреда»¹.

Во исполнение решения Конституционного Суда были приняты ч. 1¹ ст. 214 и ст. 214¹ УПК РФ, в соответствии с которыми отмена постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении одного года со дня его вынесения допускается на основании судебного решения.

В то же время ч. 1¹ ст. 214 и ст. 214¹ УПК РФ распространяют свое действие даже на те случаи, когда по делу не осуществлялось уголовное преследование в отношении конкретного лица. Получается, что и в таких ситуациях для отмены постановления о прекращении уголовного дела требуется судебное решение, хотя проблема, решаемая Конституционным Судом, касалась исключительно уголовного преследования конкретных лиц, на что обращено внимание в научной литературе [9, с. 67—68]. На первый взгляд, можно сказать, что законодатель предусмотрел более масштабный уровень гарантий даже в сравнении с позицией Конституционного Суда, что, разумеется, не запрещено, однако в действительности это не совсем так. Фактически такая конструкция не содержит дополнительных гарантий для каких-либо лиц, но способна в ряде случаев затруднить процесс возобновления производства по делу, в силу чего она представляется не вполне оправданной. Это также подтверждает, что буквальный перенос текста решений Конституционного Суда в УПК РФ далеко не всегда является допустимым.

Подводя итог, уместно сделать вывод, что решение Конституционного Суда — это не готовый текст уголовно-процессуальной нормы, это вектор, двигаясь по которому законодатель должен разработать оптимальный отраслевой нормативный механизм реализации конституционных положений, чей смысл выявлен Конституционным Судом.

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision299608.pdf> (дата обращения: 12.10.2022).

1. Зайцева Е. А. О влиянии решений Конституционного Суда Российской Федерации на нормативное регулирование уголовно-процессуальной деятельности // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса: сб. материалов междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: Петрополис, 2010. С. 117—124.

2. Уваров А. А. О типологии правопонимания в решениях Конституционного Суда РФ // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 5. С. 55—59.

3. Шафиров В. М. Человеческое измерение и уголовное законодательство // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 43—45.

4. Зайцева Е. А. Дефекты юридической техники при разработке и модернизации УПК РФ как отражение уровня правовой культуры субъектов законодательной инициативы // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 123—129.

5. Макашова Т. П. Полномочия адвоката-представителя на доследственной проверке // Адвокатская практика. 2020. № 2. С. 33—37.

6. Химичева О. В., Шаров Д. В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 56—61.

7. Победкин А. В. Показания как источник доказательств: обеспечить системность // Российский следователь. 2019. № 7. С. 9—14.

8. Россинский С. Б. Защитник с момента фактического задержания (в контексте конституционно-межотраслевого подхода) // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 60—63.

9. Радкович С. Н., Спиринов А. В. Новый порядок отмены постановлений о прекращении уголовного дела: закон принят, проблемы остались // Законность. 2020. № 5 (1027). С. 67—70.

1. Zaitseva E. A. On the influence of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the statutory regulation of criminal procedure activities. Constitutional and legal problems of criminal law and the process. A collection of materials from the International Scientific Conference. Saint Petersburg: Petropolis; 2010: 117—124. (In Russ.).

2. Uvarov A. A. On the typology of legal understanding in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Constitutional and municipal law, 55—59, 2019. (In Russ.).

3. Shafirov V. M. Human dimension and criminal law. Russian justice, 43—45, 2019. (In Russ.).

4. Zaitseva E. A. Defects in legal technology during the development and modernization of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation as a reflection of the level of legal culture of subjects of legislative initiative. Legal technology, 123—129, 2016. (In Russ.).

5. Makashova T. P. Powers of the lawyer-representative on the pre-investigation check. Law practice, 33—37, 2020. (In Russ.).

6. Khimicheva O. V., Sharov D. V. Some aspects of ensuring the rights of a person when detained on suspicion of committing a crime. Laws of Russia: experience, analysis, practice, 56—61, 2018. (In Russ.).

7. Pobedkin A. V. Testimony as a source of evidence: to ensure consistency. Russian investigator, 9—14, 2019. (In Russ.).

8. Rossinsky S. B. Defender from the moment of actual detention (in the context of the constitutional-intersectoral approach). Russian Justice, 60—63, 2018. (In Russ.).

9. Radkovich S. N., Spirin A. V. New procedure for canceling decisions to terminate a criminal case: the law was adopted, the problems remained. Legality, 67—70, 2020. (In Russ.).

Стельмах Владимир Юрьевич,
профессор кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института
МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
vlstelmah@mail.ru

Stelmakh Vladimir Yuryevich,
professor at the department
of criminal proceedings
of the Ural Law Institute
of the Ministry of Interior Affairs
of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, docent;
vlstelmah@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.10.2022; одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 21.10.2022; approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

УДК 343.132
doi: 10.25724/VAMVD.A058

**ПОЛУЧЕНИЕ ОБРАЗЦОВ
ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ**

Николай Васильевич Шувалов

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, dimsh7777@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе анализа научной литературы, мнений ученых, следственной практики и нормативных правовых актов исследованы организационно-тактические особенности получения образцов для сравнительного исследования у участников уголовного судопроизводства. Определена сущность и выявлены проблемы получения образцов у лиц, которые не желают добровольно их выдать, проанализирован порядок принудительного изъятия образцов для сравнительного исследования, предложены меры совершенствования принудительного порядка их изъятия в целях признания впоследствии допустимыми доказательствами по уголовному делу, а также рекомендовано внести дополнения в законодательство, где четко определить порядок изъятия образцов у лиц, отказывающихся их передать органам расследования. По мнению автора, обозначенная проблема должна быть освещена и в материалах Пленума Верховного Суда Российской Федерации, где должно быть разъяснение по принудительному порядку получения следователем рассматриваемых в настоящей статье образцов.

Ключевые слова: образцы, сравнительное исследование, участники уголовного судопроизводства, допустимые доказательства, следователь, дознаватель, потерпевший, свидетель, подозреваемый, обвиняемый

Для цитирования: Шувалов Н. В. Получение образцов для сравнительного исследования: проблемы и решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 81—86. doi: 10.25724/VAMVD.A058

**OBTAINING SAMPLES FOR COMPARATIVE STUDY:
PROBLEMS AND SOLUTIONS**

Nikolay Vasilyevich Shuvalov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, dimsh7777@rambler.ru

Abstract. In the article, on the basis of analysis of scientific literature, opinions of scientists, investigative practice and normative legal acts, organizational and tactical features of obtaining samples for comparative research from participants of criminal proceedings are studied. The essence has been determined and the problems of obtaining samples from persons who do not wish to voluntarily issue them have been identified, the procedure for the forced removal of samples for comparative research has been analyzed, proposed measures to improve the enforcement procedure for their removal in order to recognize subsequently admissible evidence in a criminal case, as well as recommended amendments to the legislation, which clearly define the procedure for removing samples from persons, refusing to hand them over to the investigating authorities. In addition, according to the author, the identified problem should be covered in the materials of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, where an explanation of the compulsory procedure for collecting the samples discussed in this article should be provided.

Keywords: samples, comparative study, participants of the criminal proceedings, admissible evidence, an investigator, an interrogator, a victim, a witness, a suspect, accused

For citation: Shuvalov N. V. Obtaining samples for comparative study: problems and solutions. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 81—86, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A058

Деятельность правоохранительных органов в сфере предварительного расследования заключается в полном и всестороннем рассмотрении и исследовании всех обстоятельств уголовного дела и принятии обоснованного решения о причастности либо непричастности конкретного лица к совершению преступления, о его вине в совершении данного деяния либо ее отсутствии. Для этого следователь либо дознаватель собирают определенные виды доказательств, которые говорят о вышеуказанных фактах. Однако часто случается так, что названным должностным лицам, производящим предварительное расследование, необходимы специальные знания в какой-либо области, не связанной с юриспруденцией. Для этого органом расследования назначаются различного вида экспертизы, чтобы лицо, обладающее такими познаниями в указанных областях, могло осуществить соответствующее исследование и установить разнообразные обстоятельства по уголовному делу.

Вместе с тем для назначения отдельных экспертных исследований требуется получение необходимых образцов, которые отбираются у участников уголовного судопроизводства и сравниваются с объектами и следами, предоставленными сотрудниками органов предварительного расследования эксперту на исследование. Осуществление получения названных образцов регламентировано Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ). Однако в правоприменительной практике имеют место факты отказа участников уголовного процесса от дачи образцов для сравнительного исследования. Согласно законодательству следователь или дознаватель имеют полное право получать такие образцы, однако одни участники не отказываются, а другие, такие как подозреваемый, обвиняемый и иные лица, препятствуют этому из-за боязни быть изобличенными в преступлении. В связи с названной ситуацией возникает ряд вопросов: как следователю получать образцы, если некоторые лица могут отказаться их давать; каким образом следователю в принудительном порядке производить получение образцов для сравнительного исследования и нужно ли это делать? Мы попытаемся далее рассмотреть обозначенные проблемные аспекты, связанные с производством данного следственного действия.

Отметим, что назначение экспертизы в работе следователя — это крайне важное и довольно частое и необходимое процессуальное действие, которое требует тщательной подготовки.

Как было отмечено ранее, для проведения ряда экспертиз требуются соответствующие образцы, получение которых должны обеспечить сотрудники органа предварительного расследования. Если попытаться разъяснить, что же, собственно, такое «получение образцов для сравнительного исследования», то это процессуальное действие, заключающееся в получении у любого участника уголовного судопроизводства различных объектов жизнедеятельности человека или же продуктов его жизнедеятельности, а также иных объектов, которые необходимы для проведения сравнительного анализа их и уже имеющихся вещественных доказательств, следов и объектов. Регламентируется данное действие ст. 202 УПК РФ, в которой обозначено, что следователь имеет право получать данные образцы у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и потерпевшего, а также у иных физических или юридических лиц, если в этом есть необходимость. Получение образцов возможно также на этапе доследственной проверки, т. е. до возбуждения уголовного дела.

В то же время в следственной практике имеют место ситуации, когда подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель или иное лицо отказываются добровольно представлять необходимые органам следствия образцы. Мотив такого отказа — как правило, попытка увести следствие «по ложному следу», чтобы впоследствии избежать наказания за содеянное, или иные причины.

Вместе с тем в УПК РФ не регламентирован порядок изъятия образцов принудительно, в том числе с помощью применения физического или психологического воздействия. Более того, законодатель подчеркнул в п. 2 ст. 202 УПК РФ, что при их получении не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека.

Кроме того, в соответствии с п. 4 ст. 21 УПК РФ постановление следователя о получении образцов у конкретного лица является обязательным, однако за невыполнение данного требования не предусмотрено никаких санкций в отношении участников уголовного судопроизводства (за исключением потерпевшего), которые отказываются добровольно дать свои образцы.

Названная ситуация представляется нам классическим пробелом в праве, когда законодатель наделил следователя определенным правомочием, однако в полной мере не предусмотрел механизма его реализации.

Некоторые ученые полагают, что в условиях развития современного демократического общества и правового государства невозможно осуществление

принудительного изъятия образцов для сравнительного исследования. Одним из таких авторов является А. А. Хайдаров, который полагает, что «...в случае отказа подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и других участников предоставлять образцы почерка следователь (дознатель), имея в арсенале весь комплекс мер процессуального принуждения, не способен заставить это сделать» [1, с. 154].

Аналогичную позицию поддерживает, по сути, и О. А. Соколова. По ее мнению, в уголовно-процессуальном праве не урегулированы положения, касающиеся принудительного получения образцов, а из этого можно заключить, что такого права у следователя нет [2].

Разделяет вышеназванные точки зрения и Д. К. Брагер, который указывает, что принудительное изъятие образцов с применением в том числе физической силы будет нарушать положения гл. 2 УПК РФ [3].

Действительно, необходимо отметить, что Конституция Российской Федерации, а вслед за ней и УПК РФ, закрепляя признанные мировым сообществом права человека, гарантирует их ему.

Вместе с тем, на наш взгляд, данная позиция указанных авторов является весьма спорной.

Так, одновременно в науке и практике существуют диаметрально противоположные точки зрения относительно получения образцов для сравнительного исследования у лиц, которые не желают давать их добровольно. Одним из них выступает известный криминалист А. Г. Филиппов, утверждая, что применение физической силы для принудительного получения образцов все же возможно (так как постановления следователя обязательны для исполнения всеми лицами), но «...только тогда, когда сам характер образцов позволяет осуществить их получение без добровольных действий (например, получить принудительно экспериментальные образцы почерка невозможно)» [4, с. 342]. Точку зрения А. Г. Филиппова разделяет автор комментариев к УПК РФ А. П. Рыжаков, который выступает как за добровольное, так и принудительное получение образцов¹.

По нашему мнению, слово «невозможно» в данном контексте необходимо понимать не как фактическую невозможность получить вышеуказанные образцы, а как юридическую «преграду» в связи с тем, что, используя определенные ме-

ханизмы принуждения, все же можно «выбить» экспериментальный образец голоса, но в таком случае в действиях следователя или иного лица, выполняющего данное следственное действие, будет содержаться состав уголовно наказуемого деяния.

Отказ от добровольной выдачи экспериментальных образцов голоса для фоноскопической экспертизы может быть выражен полным отсутствием вербального контакта со стороны подозреваемого (или иного лица) со следователем на основании ст. 51 Конституции Российской Федерации при помощи защитника.

В таком случае необходимо признать, что получить ряд образцов для сравнительного исследования силой невозможно. В данной ситуации следователю или дознавателю придется прибегнуть к определенным криминалистическим приемам, комбинациям, даче поручения органу дознания и т. д. В то же время задержание подозреваемого или обвиняемого, заключение под стражу названных лиц также предполагают применение принуждения (заметим, при обязательном и неукоснительном соблюдении общих принципов уголовного судопроизводства).

Итак, если рассмотреть процесс получения образцов для биологической экспертизы с точки зрения А. Г. Филиппова, то можно прийти к выводу, что при применении определенной физической силы к подозреваемому (ограничение свободы движения) становится возможно принудительно отобрать у него образцы крови в необходимом количестве. Автор комментариев к УПК РФ А. П. Рыжаков придерживается аналогичной точки зрения².

В свете сказанного нам представляется весьма любопытным постановление Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) по делу «Саундерс против Соединенного Королевства», вынесенное 17 декабря 1996 г. В пунктах 68, 69 вышеназванного постановления сформирована позиция, истолковывающая положения ст. 6 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (далее — Конвенция). По мнению ЕСПЧ, норму, закрепленную в ст. 6 Конвенции, необходимо толковать в расширительном понимании.

Согласно п. 68 постановления ЕСПЧ право хранить молчание хотя и специально не закреплено в ст. 6 Конвенции, однако является общепризнанной международной нормой и соответствует общему смыслу правового режима, регулируемого указанной статьей (данной международно-правовой

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. П. Рыжакова. 9-е изд., перераб. 2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

норме корреспондирует норма, закрепленная в ст. 51 Конституции Российской Федерации).

В соответствии с п. 69 постановления ЕСПЧ «право не свидетельствовать против себя — это в первую очередь право обвиняемого хранить молчание. Как принято считать в правовых системах государств — участников Конвенции, данное право не распространяется на использование в уголовном процессе материалов, которые могут быть получены от обвиняемого независимо от его воли принудительным путем, как то *inter alia*: изъятие по предписанию документов, получение образцов крови, мочи и кожного покрова для проведения анализа ДНК»¹.

Таким образом, ЕСПЧ фактически признал право уполномоченных лиц, осуществляющих в установленном законом порядке уголовное преследование, на принудительное получение образцов для сравнительного исследования.

В соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные международные нормы являются составной частью российского законодательства.

В соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» правовые позиции, сформированные в судебной практике ЕСПЧ, учитываются судами в процессе осуществления правосудия.

Следовательно, исходя из буквального толкования вышеуказанных норм, суды не должны признавать результаты экспертизы, полученные на основании принудительного изъятия образцов, недопустимым доказательством (в том случае, когда характер судебной экспертизы это позволяет). Результаты таких судебных экспертиз должны быть отражены в описательно-мотивировочной части оправдательного (обвинительного) приговора².

¹ Саундерс против Соединенного Королевства: постановление Европейского Суда по правам человека от 17 декабря 1996 г. (жалоба № 19187/91). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2013 г. № 21 // Бюллетень Верховного суда. 2013. № 8.

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации подтвердил, что получение образцов для сравнительного исследования в некоторых случаях возможно принудительным путем с помощью применения адекватной физической силы.

Примером сформулированного выше толкования может служить кассационное определение Пермского краевого суда от 7 июля 2011 г. по делу № 22-4856.

Согласно материалам дела, следователем было вынесено постановление о получении у обвиняемого образцов крови для проведения генетической экспертизы. В соответствии с протоколом получения образцов для сравнительного исследования у обвиняемого фельдшером-лаборантом в больнице были получены и изъяты образцы крови.

Обвиняемый обжаловал действия следователя, считая, что образцы крови у него взяли принудительно в нарушение требования уголовно-процессуального закона, так как он не был согласен с этим следственным действием. Он также пояснил, что в отношении него было применено физическое насилие: на руки сзади были надеты наручники, при производстве данного действия не присутствовал защитник (адвокат).

Судебная коллегия отказала обвиняемому в его жалобе и определила, что действия следователя были абсолютно законны. Суд обосновал это тем, что постановление о получении образцов крови вынесено следователем в установленном законом порядке, обвиняемым был дан отказ от его подписания, что надлежало зафиксировано. Поскольку обвиняемый активно отказывался от исполнения обязательного для него в силу ч. 4 ст. 21 УПК РФ постановления, к нему была применена адекватная физическая сила, исключающая возможность нанесения вреда жизни или здоровья либо унижения его чести и достоинства. Нарушений УПК РФ в действиях следователя не обнаружено³.

Считаем, что в целях создания единообразного подхода к исследуемой проблеме следует прежде всего редактировать ст. 202 УПК РФ и ст. 29 УПК РФ по модели, сформулированной Д. К. Брагером, а именно: наделить на законодательном уровне следователя правом на принудительное изъятие образцов для сравнительного исследования только в том случае, когда характер самих образцов позволяет это сделать. Вместе с тем мы не видим

³ Кассационное определение Пермского краевого суда от 7 июля 2011 г. по делу № 22-4856. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

необходимости получения санкции судебных органов для названного следственного действия, так как оно фактически закреплено в законе и разрешено для применения следователем, что мы уже отмечали ранее.

Мы также солидарны с мнением В. А. Гороховского и В. В. Власова, которые предлагают законодательно ввести и урегулировать процедуру, согласно которой врач при необходимости будет предварительно проверять состояние здоровья лица, у которого планируется проводить изъятие биологических образцов. Вместе с тем нужно, как указывают данные авторы, установить обязательное правило, согласно которому весь процесс

и результат изъятия названных образцов будут сопровождаться аудио- и видеозаписью [9].

В заключение отметим, что во избежание различных толкований и возможных негативных последствий для правоприменителя, кроме внесения соответствующих дополнений в ст. 202 УПК РФ, в которой нужно регламентировать порядок и условия получения образцов (в том числе при отказе лиц добровольно их передать), рассматриваемую проблему требуется осветить в материалах Пленума Верховного Суда Российской Федерации, где должно быть четкое разъяснение о порядке и условиях процедуры получения образцов.

1. Хайдаров А. А. О понятии «согласие» в уголовном процессе России // Журнал Российского права. 2016. № 10. С. 151—157.

2. Соколова О. А. Соблюдение конституционных норм при получении образцов рук и босых ног человека для сравнительного исследования // Известия Тульского Государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 364—369.

3. Брагер Д. К. Вопросы тактико-правового характера при принудительном получении образцов для сравнительного исследования // Социогуманитарный вестник. 2012. № 1. С. 115—121.

4. Криминалистика: учебник / под ред. А. Г. Филиппова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Спарк, 2015. 750 с.

5. Власов В. В., Гороховский О. А. О некоторых проблемных вопросах принудительного получения образцов для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве // Наука и практика. 2015. № 4 (65). С. 36—39.

1. Khaidarov A. A. On the concept of «consent» in the criminal procedure of Russia. Journal of Russian law, 151—157, 2016. (In Russ.).

2. Sokolova O. A. Observing constitutional norms while obtaining samples of hands and bare feet of a person for a comparative study. Bulletin of the Tula State University. Economic and Legal Sciences, 364—369, 2013. (In Russ.).

3. Brager D. K. Issues of a tactical and legal nature while forced obtaining of samples for a comparative study. Socio-humanitarian vestnik, 115—121, 2012. (In Russ.).

4. Criminalistics. Textbook. Ed. by A. G. Filippov. 3rd ed., rev. and add. Moscow: Spark; 2015: 750. (In Russ.).

5. Vlasov V. V., Gorokhovskiy O. A. On some issues of forced obtaining samples for comparative study in criminal proceedings. Science and practice, 36—39, 2015. (In Russ.).

Шувалов Николай Васильевич,
профессор кафедры
предварительного расследования
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
dimsh7777@rambler.ru

Shuvalov Nikolay Vasilyevich,
professor at the department
of preliminary investigation
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the Internal Affairs Bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
dimsh7777@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 18.10.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 18.10.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

УДК 343.985.7
doi: 10.25724/VAMVD.A059

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Яна Александровна Климова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, aya3008@yandex.ru

Аннотация. Стремительная цифровизация всех сфер общества вызвала повышенный спрос на информационные технологии, что повлекло резкое возрастание количества преступлений, совершенных посредством информационно-телекоммуникационных технологий. Перспективность использования в цифровой криминалистике цифрового профиля человека обусловлена тем, что в рамках национального проекта «Цифровая экономика» планируется создание баз единой системы идентификации и аутентификации, включающих биометрическую идентификацию, облачную квалифицированную электронную подпись, цифровые профили физических и юридических лиц. В ходе становления цифровой экономики в Российской Федерации актуализировался поиск эффективных средств и методик выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере IT-технологий.

Автор приводит статистические данные, примеры из правоприменительной и судебной практики, подчеркивающие недостаточную степень использования возможностей цифровой криминалистики для расследования преступлений. Отмечается значимость производства экспертизы, которая заключается в том, что эксперт при помощи специального программного обеспечения может извлечь физический образ устройства, составить графы взаимодействия, восстановить удаленные записи из баз данных различных мобильных приложений, сформировать отчет о работе приложений в удобном для просмотра виде и выгрузить контент, в том числе ранее удаленный. Рассматриваются перспективы применения цифровой криминалистики для установления обстоятельств совершенных преступлений и их эффективного расследования.

Ключевые слова: цифровая криминалистика, цифровые доказательства, информационно-телекоммуникационные технологии, расследование преступлений, IT-технологии, Интернет, цифровизация

Для цитирования: Климова Я. А. Перспективы применения цифровой криминалистики для оптимизации расследования преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 87—93. doi: 10.25724/VAMVD.A059

PROSPECTS OF DIGITAL FORENSICS APPLICATION TO OPTIMIZE THE INVESTIGATION OF CRIMES

Yana Aleksandrovna Klimova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, aya3008@yandex.ru

Abstract. The rapid digitalization of all sectors of society had created an increased demand for information technology, which had led to a sharp increase in the number of crimes committed through information and telecommunications technologies. The prospect of using digital profile in digital forensics is due to the fact that within the framework of the national project «Digital Economy» it is planned to create bases of a unified system of identification and authentication, including biometric identification, cloud qualified electronic signature, digital profiles of individuals and legal entities. In the course of the establishment of the digital economy in the Russian Federation, the search for effective means and methods of detecting, uncovering and investigating crimes in the field of IT-technologies has been updated.

The author provides statistics, examples from law enforcement and judicial practice, highlighting the underutilization of digital forensics to investigate crimes. It emphasizes the importance of expertise production, which

is that an expert with the help of special software can extract the physical image of the device, make interaction graphs, recover deleted records from databases of various mobile applications, generate a performance report of applications in a user-friendly view and upload content, including previously deleted. The prospects of using digital forensics to establish the circumstances of the crimes committed and to investigate them effectively are being considered.

Keywords: digital forensics, digital evidences, information telecommunication technologies, solution of crimes, IT-technologies, Internet, digitalization

For citation: Klimova Ya. A. Prospects of digital forensics application to optimize the investigation of crimes. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 87—93, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A059

В настоящее время одними из приоритетных направлений стратегического развития внутренней политики России являются цифровизация, совершенствование информационно-телекоммуникационных технологий и, как следствие, создание соответствующей нормативно-правовой базы, регламентирующей и охраняющей рассматриваемую сферу общественных отношений, являющихся для современного общества относительно новым явлением. Сложившаяся ситуация в обществе обусловила повышенный спрос на информационные технологии, что повлекло также увеличение числа преступлений в этой сфере.

Современные технологии проникли практически во все сферы нашей жизни, особенно в условиях пандемии. Увеличилась популярность различных информационных систем, технологий, стали более востребованными интернет-магазины и онлайн-оплата, электронные способы получения государственных и муниципальных услуг, использование виртуального пространства и IT-технологий стало массовым. Указанные факторы в целом обуславливают тенденцию к увеличению количества преступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий.

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2018 г. правоохранительные органы Российской Федерации зарегистрировали 174 674 преступления, связанных с использованием информационных систем. С января по декабрь 2019 г. зарегистрировано уже 294 409 подобных преступлений. Условия пандемии вызвали резкий скачок роста преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: за 2020 г. зарегистрировано 510 400 преступлений рассматриваемой категории. В 2021 г. на данные деяния пришлось одно из четырех зарегистрированных преступлений (517 700), т. е. их удельный вес составил 25,8 % от общего количества. С января по июль 2022 г. зарегистрировано 290 000 преступлений. Сравнивая показате-

тели за аналогичный период прошлого года, следует подчеркнуть, что на рассматриваемые деяния по-прежнему приходится примерно четверть всех регистрируемых преступлений¹.

Данные статистики свидетельствуют о более чем значительном количестве преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Следует отметить, что способы совершения таких преступлений постоянно совершенствуются. В связи с этим в силу как объективных, так и субъективных причин уровень расследования таких дел достаточно низок.

Президент Российской Федерации Владимир Путин в своем обращении в рамках проведения ежегодного расширенного заседания коллегии МВД России 3 марта 2021 г. подчеркнул важность активной работы правоохранительных органов по борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий, поскольку их количество выросло более чем в десять раз за последние шесть лет². Кроме этого, на расширенном заседании коллегии МВД России, состоявшемся 17 февраля 2022 г., глава государства снова обратил внимание на непрекращающийся рост числа преступлений в сфере информационных технологий и телекоммуникаций и, учитывая стремительное развитие кибертехнологий, призвал правоохранительные органы действовать на опережение путем обновления нормативной базы и укрепления технических возможностей МВД, чтобы не позволять преступникам паразитировать на технологическом прогрессе³.

¹ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 08.09.2022).

² Путин отметил рост числа преступлений в IT-сфере. URL: <https://ria.ru/20210303/prestupleniya-1599747056.html> (дата обращения: 01.09.2022).

³ Расширенное заседание коллегии МВД России в 2022 году. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения: 27.09.2022).

В условиях складывающихся мировых тенденций и продолжающегося реформирования российского уголовного судопроизводства все более актуальной становится проблема использования возможностей цифровой криминалистики при разработке криминалистических рекомендаций, способствующих эффективному и качественному расследованию преступлений, совершенных с применением современных информационно-телекоммуникационных технологий (например, краж и мошенничества при помощи сети Интернет и сотовой связи, сбыта наркотических средств бесконтактным способом, киберпреступлений, склонения к совершению самоубийства, к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства, призывов к участию в массовых беспорядках, терроризму и экстремизму и др.).

Проблемы расследования преступлений в условиях информационно-технологического развития общества рассматриваются в работах ученых-криминалистов А. А. Бессонова, В. Б. Вехова, Е. П. Ищенко, П. С. Пастухова, Е. Р. Россинской, А. Б. Смушкина и др. [1]

Однако, несмотря на уже имеющиеся методические рекомендации по организации и методике расследования как традиционных преступлений, совершенных с применением современных технологий, так и новых, пока не широко распространенных их видов, исследование вопросов, касающихся возможностей цифровой криминалистики при расследовании преступлений, становится все более актуальным и будет способствовать повышению качества предварительного расследования.

В настоящее время возникает объективная необходимость рассмотрения вопроса об использовании возможностей цифровой криминалистики для эффективного расследования таких преступлений, а также для оказания методической помощи практическим работникам.

На данный момент одной из основных проблем становится качественное производство следственных действий. Так, при расследовании преступления, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в ходе осмотра места происшествия, обыска или выемки помимо материальных следов преступления необходимо изымать и цифровые следы, содержащие электронную информацию, которая впоследствии может быть использована в качестве доказательств (далее по тексту — цифровые доказательства).

Следует отметить, что понятие цифровых доказательств нормативно не закреплено, поэтому среди ученых и практиков наблюдается терминологический плюрализм мнений относительно содержания рассматриваемой дефиниции. Учитывая положения ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), под цифровыми доказательствами предлагаем понимать любые сведения в электронном виде, устанавливающие наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, зафиксированные на носителях электронной информации либо хранящиеся или передаваемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Таким образом, цифровые доказательства могут как содержаться на материальном носителе электронной информации (девайсах и гаджетах: ноутбуках, мобильных телефонах, планшетах, внешних съемных запоминающих устройствах, роутерах, видеорегистраторах, беспилотных летательных аппаратах (дронах), GPS-навигаторах, «умных вещах» и т. д.), так и существовать исключительно в виртуальном пространстве (это так называемая интернет-тень — информация о посещении различных ресурсов сети Интернет, веб-страниц (сайтов, социальных сетей), данные об электронных транзакциях, данные, хранящиеся в облачных сервисах, на серверах и т. д.). Разнообразие способов совершения преступлений обуславливает возможность возникновения широкого спектра цифровых следов.

Приведем пример из судебной практики. В целях тайного хищения чужого имущества Р. А. Натаров взял во временное пользование банковскую карту ПАО «Сбербанк», принадлежащую его знакомой Е. С. Лавровой. Находясь у устройства самообслуживания (банкомата) ПАО «Сбербанк России» АТМ № 1, он инициировал операцию по внесению наличных денежных средств через вышеуказанное устройство в размере 5 000 рублей, препятствуя при этом корректному захвату купюр банкоматом, чем вызвал сбой в его работе. В результате автоматизированная система банка в соответствии со штатным алгоритмом работы, без участия сотрудника банка, реализовала операцию по зачислению на счет банковской карты ПАО «Сбербанк» денежных средств в размере 5 000 рублей в режиме активированного после сбоя диалога на устройстве. В ходе данной банковской операции произошло ложное начисление денежных средств на вышеуказанную карту. После этого Р. А. Натаров с помощью приложения «Мобильный банк» со смартфона Е. С. Лавровой осуществил опера-

цию по переводу 5 000 рублей с ее счета на счет своей банковской карты ПАО «Сбербанк»¹.

Данный пример подтверждает, что при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, особое внимание следует обратить на исследование цифровых доказательств. Однако существенным пробелом в процессе доказывания таких преступлений является неиспользование всех возможностей цифровой криминалистики, в частности специальных познаний, следствием чего является утрата цифровых доказательств. Это подтверждается многочисленными примерами из правоприменительной и судебной практики.

Так, А. О. Насонов, располагая информацией о возможности незаконного сбыта наркотических средств через тайники, осуществлял сбыт наркотических средств на территории г. Челябинска бесконтактным способом путем осуществления закладок, о месте нахождения которых он посредством Telegram сообщал не установленному следствием лицу. В ходе производства по уголовному делу у Насонова был обнаружен и изъят мобильный телефон, в результате осмотра которого было установлено наличие в памяти телефона фотографических снимков мест нахождения тайников, где он оставлял пакетики с наркотическими средствами, и СМС-переписка с лицом, зарегистрированным под ник-неймом «***». Мобильный телефон был признан вещественным доказательством. Однако в ходе расследования личность и местонахождение соучастника установлены не были, уголовное дело выделено в отдельное производство².

В приведенном примере не использовались возможности цифровой криминалистики (о ней мы излагали свое мнение ранее, см.: [2]), вследствие чего не обнаружены цифровые следы, позволившие бы установить личность соучастника А. О. Насонова. В подобных случаях следователи ограничиваются осмотром мобильных телефонов, подтверждая только сам факт переписки с неустановленными лицами и наличие единого умысла на сбыт наркотических средств бесконтактным способом. Полагаем, что изучение цифровых следов

было бы более информативным, если бы к осмотру телефонов был привлечен специалист, назначены и проведены соответствующие судебные экспертизы.

В частности, использование в ходе осмотра и исследования цифровых доказательств современных криминалистических программных комплексов, таких как «Мобильный криминалист», UFED, Belkasoft Evidence Center, позволяет не только получить данные из установленных приложений, программ обмена сообщениями, электронной почты, но и извлечь сведения о геолокации, временных маркерах и восстановить удаленную информацию.

О востребованности таких специальных знаний свидетельствует увеличение количества произведенных компьютерно-технических экспертиз. Так, согласно анализу статистических данных по организации производства компьютерно-технической экспертизы в ЭКЦ ГУ МВД России по Волгоградской области, в 2018 г. было произведено 396 экспертиз, а с января по июль 2022 г. — уже 681³.

Особая значимость производства экспертизы заключается в том, что в ходе исследования эксперт при помощи специального программного обеспечения может извлечь физический образ устройства, составить графы взаимодействия, восстановить удаленные записи из баз данных различных мобильных приложений, сформировать отчет о работе приложений в удобном для просмотра виде и выгрузить контент, в том числе ранее удаленный.

Это способствует установлению совокупности данных о времени осуществления звонка или отправки сообщения, о месте нахождения, скорости и траектории движения лица в этот момент. При исследовании фотоснимков и видеозаписей механизмы временного маркирования и геотегирования позволяют установить точное время и место, где и когда был сделан конкретный фотоснимок, установить лиц, которые находятся на фотоснимках, установить круг общения.

При сопоставлении указанной информации с данными о совершении преступления, зафиксированными с помощью аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» с различных камер видеонаблюдения, видеорегистраторов; данными, хранящимися на «умных» гаджетах (скорость дви-

¹ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/c6TXLz4tcLH4/> (дата обращения: 13.09.2022).

² Приговор Курчатовского районного суда г. Челябинска (Челябинская область) от 29 июня 2017 г. № 1-276/2017 по делу № 1-276/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YNbSf9WITGJ4/> (дата обращения: 12.10.2022).

³ Анализ статистических данных по организации производства компьютерно-технической экспертизы в ЭКЦ ГУ МВД России по Волгоградской области (на основании материалов уголовных дел).

жения, пульс и т. д.); данными присоединений устройств к роутерам по сети wi-fi с анализом биллингов операторов сотовой связи можно не только установить соучастников преступления, свидетелей, потерпевших, но и получить сведения о возможном местонахождении вещественных доказательств, подтвердить или опровергнуть различные следственные версии, а также достаточно полно реконструировать картину совершения преступления.

Интересным примером может послужить зарубежный опыт использования информации, сохраненной в памяти гаджетов, для раскрытия преступления. Так, в США в феврале 2021 г. мужчина сообщил правоохранительным органам, что лег спать около 22:30, а позже ночью его жена скончалась. Он утверждал, что жена могла умереть из-за несчастного случая, якобы она была пьяна и, вероятно, неудачно упала. Однако данные из фитнес-приложения Health, к которым получили доступ правоохранительные органы, противоречили версии мужчины. Согласно этим данным момент смерти жены наступил примерно в 22:00, также было установлено, что в это время мужчина бодрствовал и совершил несколько шагов около тела жены. В другом случае полиция США, полагаясь на данные Apple Watch, которые принадлежали жертве, опровергла версию обвиняемого. Он утверждал, что убийство было совершено другими людьми. Однако следствие установило, что реальное время смерти жертвы достаточно сильно расходилось с тем, которое фигурировало в версии убийцы. В 2017 г. был похожий инцидент — тогда информация с фитнес-трекера Fitbit была использована для опровержения версии обвиняемого мужчины о смерти его жены¹. Также с помощью информации, сохранившейся в фитнес-браслете Fitbit, в Германии было раскрыто убийство отчимом своей падчерицы у нее дома. Данные, полученные из браслета, подтвердили, что сердце жертвы остановилось, когда отчим был еще рядом с ней в доме, хотя он утверждал обратное².

Перспективным направлением при расследовании преступлений, совершенных с использованием современных информационно-телекоммуни-

кационных технологий, является рецепция различных сквозных IT-технологий: big data (большие данные), Internet of things («Интернет вещей»), нейротехнологии, искусственный интеллект, системы распределенного реестра (блокчейн), сенсорика, создание цифрового профиля человека (digital identity).

Рассмотрим некоторые возможности их использования в криминалистике. В настоящее время разрабатывается программное обеспечение Crime-serieslinkage, которое призвано помогать выявлять серийные преступления и преступников³. Планируется, что система, используя большие данные и нейронные сети, позволит сделать вывод о личности преступника (его пол, возраст, социальный статус, наличие судимости и т. д.), основываясь на сведениях о лицах, совершивших свыше одной тысячи серийных преступлений.

Перспективность использования в цифровой криминалистике цифрового профиля человека обусловлена тем, что в рамках национального проекта «Цифровая экономика» планируется создание баз единой системы идентификации и аутентификации, включающих биометрическую идентификацию, облачную квалифицированную электронную подпись, цифровые профили физических и юридических лиц. В соответствии с положениями закона о создании единой государственной системы данных единая биометрическая система будет переведена в статус государственной информационной системы. Таким образом, использование данных такой системы и применение Internet of things позволит обеспечить в криминалистических целях прослеживаемость объекта как в пространстве, так и во времени.

Согласно положениям ч. 2 ст. 195 УПК РФ судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями. В связи с этим отдельно следует сказать о возможностях других современных экспертиз, исследующих цифровые доказательства, выполняемых в Минюсте России.

К относительно новым видам экспертиз относится экспертное исследование видеозаписей в целях установления эмоционального состояния лица. Объектом исследования является видеоматериал, содержащий общие психологические

¹ Он не спал: фитнес-приложение раскрыло убийство. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2021/02/10/13473764/criminal_apps.shtml?updated (дата обращения: 10.08.2022).

² Умные браслеты. URL: <https://www.oxygensoftware.ru/news/articles/141-fitness-kriminalistika-kak-umnye-braslety-pomogayut-raskryvat-prestupleniya> (дата обращения: 15.09.2022).

³ В СК рассказали, как искусственный интеллект помогает вычислить преступника. URL: <https://ria.ru/20210802/prestupnik-1743932613.html> (дата обращения: 02.09.2022).

сведения о лице, особенностях его состояния и поведения в период, представляющий интерес для следствия. В рамках экспертизы исследуется вопрос: имеются ли на предъявленной видеозаписи признаки оказываемого на лицо психологического воздействия?

Обращают на себя внимание особенности использования специальных знаний при назначении судебных психолого-лингвистических экспертиз. Так, экспертиза по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, исследует аудио- и видеозаписи, видеоролики, зафиксированное содержание интернет-страницы, интернет-форума, страницы персонального пользователя социальной сети и др. Рекомендуемый вопрос эксперту: содержатся ли в тексте лингвистические и психологические признаки побуждения (в том числе в форме призыва) к каким-либо действиям (в том числе насильственным, дискриминационным) против какой-либо группы, выделенной по национальному, религиозному, социальному и другим признакам, или ее представителей?

Экспертиза информационных материалов по делам о побуждении к самоубийству исследует направленность информационного материала или коммуникативной деятельности субъекта на побуждение детей к самоповреждающему либо суицидальному поведению. Объектами исследования могут являться переписка в социальных сетях и различного рода сообществах, личная переписка, а также иная письменная и изобразительная продукция лица, совершившего суицидальные действия.

В рамках этого рода исследований решаются следующие задачи: установление наличия / отсут-

ствия направленности на формирование готовности адресата к причинению себе вреда и / или лишению себя жизни; средств формирования готовности; информации о способах самоубийства. Рекомендуемый вопрос: содержатся ли в материале психологические и лингвистические признаки побуждения к совершению самоубийства?

Таким образом, использование возможностей цифровой криминалистики и специальных знаний, позволяющих исследовать цифровые доказательства, является перспективным для эффективного расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Решение указанной проблемы нам видится в совершенствовании законодательного регулирования рассматриваемых общественных отношений, использовании инновационных технологий для выявления «виртуальных» мест преступлений и исследования цифровых доказательств, применения сквозных IT-технологий, привлечения специалистов в сфере IT-технологий к проведению следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий в целях эффективного расследования преступлений, совершенных с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий.

Таким образом, инструментарий цифровой криминалистики, постепенно занимая лидирующие позиции, способен оптимизировать процесс расследования преступлений, поскольку способствует переосмыслению существующих традиционных и разработке новых эффективных методик расследования преступлений.

1. Бессонов А. А. О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 3 (55). С. 46—52; Вехов В. Б., Пастухов П. С. Формирование стратегий расследования преступлений на основе положений электронной криминалистики // *Ex iure*. 2019. № 4. С. 129—141; Ищенко Е. П. У истоков цифровой криминалистики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 3 (55). С. 15—28; Россинская Е. Р. К вопросу об инновационном развитии криминалистической науки в эпоху цифровизации // Юридический вестник Самарского университета. 2019. № 4. С. 144—151; Смушкин А. Б. О природе электронной цифровой криминалистики // *Lex Russica*. 2020. № 6 (163). С. 110—121; Его же. Электронная цифровая информация как центральный

1. Bessonov A. A. On certain possibilities of the contemporary forensics while dealing with electronic traces. *Bulletin of O. E. Kutafin University*, 46—52, 2019. (In Russ.); Vekhov V. B., Pastukhov P. S. Development of strategies for investigation of crimes based on the electronic forensics. *Ex iure*, 129—141, 2019. (In Russ.); Ishchenko E. P. At the origins of digital forensics. *Bulletin of O. E. Kutafin University*, 15—28, 2019. (In Russ.); Rossinskaya E. R. On innovation-driven development of forensic science in the age of digitalization. *Law bulletin of the Samara University*, 144—151, 2019. (In Russ.); Smushkin A. B. On the nature of electronic digital forensics. *Lex Russica*, 2020, 110—121. (In Russ.); Idem. Electronic digital information as a core object of electronic digital forensics. *Forensics: past, now, future*, 142—154, 2022. (In Russ.).

объект электронной цифровой криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1 (21). С. 142—154.

2. Климова Я. А. Цифровая криминалистика: перспективы развития // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 128—133.

Климова Яна Александровна,

доцент кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
aya3008@yandex.ru

2. Klimova Ya. A. Digital forensics: Prospects for the development. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 128—133, 2020. (In Russ.).

Klimova Yana Aleksandrovna,

associate professor
at the criminalistics department
of the educational and scientific complex
for preliminary investigations
in the Internal Affairs Bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
aya3008@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 08.11.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

УДК 343.982.33(574)
doi: 10.25724/VAMVD.A060

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ,
РЕШАЕМЫЕ ОПЕРАТИВНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИМИ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ МВД РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ**

Азамат Бекетович Кокушев

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, azamatkokusev@gmail.com

Аннотация. Современные направления цифровизации деятельности правоохранительных органов обуславливают внедрение в повседневную работу всех подразделений информационно-телекоммуникационных технологий, обеспечивающих автоматизацию процессов получения установочной, достоверной и иной криминалистически значимой информации. В процессе информационного обеспечения выявления, раскрытия и расследования преступлений предусматривается сопоставление сведений встречных потоков информации — новой и ранее занесенной в учетно-регистрационные массивы. Оперативно-криминалистические подразделения Республики Казахстан являются основным субъектом обеспечения технико-криминалистического сопровождения противодействия преступности, предусматривающего эффективное использование современных информационных систем, программно-аппаратных комплексов, информационных банков и баз данных. В статье представлен перечень требований, которым должны соответствовать информационно-коммуникационные технологии, стоящие на вооружении подразделений, а также информация, заносимая и обрабатываемая с их использованием. Анализ функциональных задач оперативно-криминалистических подразделений, реализуемых с применением цифровых технических средств и методов работы с информацией, позволил структурировать направления их практического использования в ходе осуществления исследовательской, учетно-регистрационной, коллекционной, справочной, методической, аналитической и управленческой деятельности.

Ключевые слова: информационные системы, оперативно-криминалистические подразделения, учетно-регистрационная деятельность, информационное обеспечение

Для цитирования: Кокушев А. Б. Функциональные задачи, решаемые оперативно-криминалистическими подразделениями МВД Республики Казахстан посредством использования информационных систем // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 94—99. doi: 10.25724/VAMVD.A060

**FUNCTIONAL TASKS
SOLVED BY THE OPERATIONAL-CRIMINALISTIC UNIT
OF THE MIA OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
THROUGH THE USE OF INFORMATION SYSTEMS**

Azamat Beketovich Kokushev

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, azamatkokusev@gmail.com

Abstract. Modern trends in the digitalization of the activities of law enforcement agencies determine the introduction into the daily work of all departments of information and telecommunication technologies that automate the processes of obtaining installation, authentication and other forensically significant information. In the process of information support for detecting, disclosing and investigating crimes, it is envisaged to compare the information of oncoming flows of information — new and previously entered into the registration files. The operational and forensic divisions of the Republic of Kazakhstan are the main subject of providing technical and forensic support for combating crime, which provides for the effective use of modern information systems, software and hardware systems, information banks and databases. The article presents a list of requirements that must

be met by information and communication technologies that are in service with units, as well as information entered and processed using them. An analysis of the functional tasks of operational and forensic units, implemented using digital technical means and methods of working with information, made it possible to structure the directions of their practical use in the course of research, registration, collection, reference, methodological, analytical and management activities.

Keywords: information systems, operational-forensic divisions, accounting and registration activities, information support

For citation: Kokushev A. B. Functional tasks solved by the operational-criminalistic unit of the MIA of the Republic of Kazakhstan through the use of information systems. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 94—99, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A060

Современные условия эффективного осуществления любых видов функциональной деятельности (организационно-управленческой, аналитической, методической и т. д.) предусматривают обязательное использование электронных систем хранения информации, обеспечивающих ее ввод, размещение, поиск и предоставление конечному пользователю. Стремительное развитие цифровых технологий, влекущее устаревание отдельных ИТ-решений, требует осуществления непрерывных процессов мониторинга новых технологий и их внедрения в практическую повседневную деятельность в целях сохранения актуальности и соответствия современным требованиям пользователей.

С 2017 г. в Республике Казахстан (далее — РК) действует государственная программа «Цифровой Казахстан» (далее — Программа), которая в качестве одной из основных задач ставит повышение действующей позиции страны в ключевом мировом рейтинге развития информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ), рассчитываемом под эгидой ООН — ICT Development Index, и занятие в нем к 2025 г. 25-го места, а к 2050 г. — 15-го места. В качестве ключевого направления реализации Программы предусматривается переход на цифровое государство, в рамках которого должны быть преобразованы его функции в ходе трансформации инфраструктуры предоставления услуг населению и бизнесу, предвосхищающим его потребности¹.

В целях реализации задач в сфере цифровизации внутренней деятельности госорганов в план мероприятий по реализации Программы среди

прочих были включены целевые индикаторы «Создание и внедрение автоматизированной информационной системы для деятельности следователей и участковых инспекторов полиции органов внутренних дел Республики Казахстан» и «Создание и внедрение проекта «Электронное дело» («Электронное уголовное дело», «Единый реестр административных производств», «Единый реестр субъектов и объектов проверок», «Аналитический центр» и «Электронные обращения»).

В соответствии с государственными задачами в ведомственных нормативных правовых актах МВД РК нашли отражение основные положения, регламентирующие использование правоохранительными органами современных ИКТ². Следует отметить, что в настоящее время в деятельность подразделений МВД РК с учетом реализуемых конкретными подразделениями функциональных задач успешно внедрены информационные системы, информационно-коммуникационные и телекоммуникационные сети, а также комплекс сетей связи.

Применение научно-технических средств и методов в целях информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений в РК предусматривает получение искомых сведений на основе результатов экспертных исследований; проверки по информационно-справочным и розыскным учетам; автоматизированным информационно (идентификационно)-поисковым системам и автоматизированным учетам административной полиции. В частности, за 2021 г. в ходе раскрытия и расследования преступлений научно-технические

¹ Об утверждении государственной программы «Цифровой Казахстан»: постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827 (с изменениями, внесенными постановлением Правительства РК от 20.12.2019 № 949) // Официальный интернет-ресурс АО «Национальный инфокоммуникационный холдинг „Зерде“». URL: zerde.gov.kz (дата обращения: 18.09.2022).

² Об утверждении Правил создания, использования и совершенствования информационных систем, информационно-коммуникационных и телекоммуникационных сетей, сетей связи: приказ министра внутренних дел Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 410. № 9693 (в ред. приказа министра внутренних дел РК от 26.11.2019 № 1013) // Информ. система «ПАРАГРАФ». URL: <https://www.prg.kz> (дата обращения: 18.09.2022).

средства и методы были задействованы в 36 534 случаях, из которых на долю информационно-справочных и розыскных учетов пришлось 15 546 обращений, автоматизированные информационно-поисковые системы были востребованы 26 760 раз. Следует подчеркнуть, что наиболее часто проверочные действия с использованием автоматизированных дактилоскопических идентификационных систем были реализованы при раскрытии и расследовании краж (ст. 188 УК РК) — 9 444 случая и мошенничеств (ст. 190 УК РК) — 4 698¹.

Однако, несмотря на достаточно высокие показатели использования правоохранительными органами современных ИКТ, общая эффективность учетно-регистрационной деятельности предусматривает необходимость активизировать работу по цифровизации органов внутренних дел². Отдельным вопросом, требующим скорейшего разрешения, является оснащение всех районных подразделений средствами автоматизации, применяемыми при решении задач, стоящих перед органами обеспечения правопорядка в стране.

Оперативно-криминалистическими подразделениями МВД РК при непосредственном использовании ИКТ реализуется комплекс функциональных задач в сфере технико-криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства, формирования и ведения криминалистических учетов, производства криминалистических исследований по уголовным делам, делам об административных правонарушениях, а также по оперативно-розыскным материалам³. Непосредственный процесс формирования, ведения и использования как самих массивов криминалистических учетов, так

и справочно-информационных фондов может быть автоматизирован путем обращения к электронным базам данных и информационным (идентификационным) системам, функционирующим в порядке, установленном министром внутренних дел РК.

Ведомственный подход МВД РК рассматривает применяемые подразделениями информационные системы в качестве совокупности информационных технологий, технических средств, вычислительного и коммуникационного оборудования, программного обеспечения, а также системного персонала, имеющих доступ к работе с техническими средствами, которые обеспечивают хранение, обработку, поиск, распространение, передачу и предоставление разнородной информации, получаемой посредством использования аппаратно-программных комплексов⁴. В связи с этим ИКТ, применяемые оперативно-криминалистическими подразделениями РК, должны отвечать таким требованиям, как:

— законность использования. Данное требование предусматривает прохождение техническими средствами, программно-аппаратными комплексами, средствами связи процедуры апробирования, внедрения и централизованной поставки в конкретные подразделения. Процедура применения данных технических и программных средств, а также допуска сотрудников оперативно-криминалистических подразделений к работе на ней регламентирована ведомственными нормативными правовыми актами, методическими рекомендациями, инструкциями;

— решение технических задач по единообразному занесению в массивы преобразованной опосредованной информации об объекте регистрации, ее кодировке, систематизации по установленным критериям, соблюдению условий идентификации объектов и получению перечня выводных данных, содействующих установлению объекта или информации о нем;

— обеспечение возможности пополнения информационных массивов базами данных, формируемыми на иных уровнях оперативно-криминалистических подразделений;

— исключение несанкционированного доступа к сведениям, дислоцированным в массиве. Это

¹ Сведения о силах и средствах, способствующих раскрытию уголовных правонарушений в Республике Казахстан за 2021 год // Интернет-портал правовой статистики Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. URL: <https://www.qamqor.gom.kz/crimestat> (дата обращения: 20.09.2022).

² Выход на новый уровень обеспечения безопасности в стране — основная задача МВД // POLISIA.KZ. URL: <https://polisia.kz/ru/vyход-na-novyy-uroven-obespecheniya-bezopasnosti-v-strane-osnovnaya-zadacha-mvd> (дата обращения: 10.09.2022).

³ Положение об Оперативно-криминалистическом департаменте Министерства внутренних дел Республики Казахстан (приложение 10): приказ министра внутренних дел Республики Казахстан от 29 июля 2014 г. № 477 // Информ. система «ПАРАГРАФ». URL: <https://www.prg.kz> (дата обращения: 18.09.2022).

⁴ Об утверждении Правил создания, использования и совершенствования ведомственных и оперативных учетов: приказ министра внутренних дел Республики Казахстан от 8 сентября 2014 г. № 577. // Информ. система «ПАРАГРАФ». URL: <https://www.prg.kz> (дата обращения: 18.09.2022).

позволит предотвратить произвольное удаление, корректировку, полную или частичную замену ранее занесенных данных, а также осуществление не зарегистрированных в установленном порядке проверочных мероприятий.

К сведениям, размещаемым в информационных системах, также предъявляются требования, обеспечивающие информационное сопровождение выявления, раскрытия и расследования преступлений:

— полномасштабность регистрируемых данных, отвечающих требованиям обязательности, относимости и достоверности сведений, размещаемых в системе;

— актуальность данных, содержащихся в информационных массивах, предусматривающих занесение в учеты сведений, предусмотренных конкретным положением, регламентирующим основание, объекты, виды и формы систематизации исходных данных; исключение случаев регистрации объектов, не отвечающих требованиям информативности и значимости (непригодные для идентификации и не имеющие индивидуализирующих особенностей), а также осуществление процедуры своевременной чистки массивов в целях исключения объектов, подлежащих снятию с учета в установленном порядке;

— соответствие данных установочного характера, а также качественного и количественного состава сведений о свойствах, признаках, размерах, форме и иных характеристиках веществ и предметов — объектов регистрации той информации, которая содержится в документах, являющихся основанием для постановки на учет, а также отражена в материалах экспертных исследований, произведенных в отношении регистрируемых объектов.

Таким образом, информационное обеспечение выявления, раскрытия и расследования преступлений находится в определенной зависимости от ряда факторов:

— соответствия материально-технического обеспечения деятельности по формированию, ведению и использованию оперативно-криминалистических учетов и справочно-информационных фондов установленным требованиям;

— соблюдения сотрудниками оперативно-криминалистических подразделений РК инструкций по работе с информационными системами, поставленными на вооружение профильных подразделений;

— организации ведомственного контроля и анализа результативности ведения оперативно-криминалистических учетов и справочно-информационных фондов.

Информационное сопровождение раскрытия и расследования преступлений предусматривает получение необходимых оперативных и криминалистически значимых сведений. Они могут быть представлены фактическими данными, находящимися в причинно-следственной связи с событием преступления и характеризующими способ его совершения, лиц, причастных к нему, предметы преступного посягательства, орудия преступления и тому подобные обстоятельства [1, с. 224], а также справочной информацией, не имеющей причинно-следственной связи с событием преступлений, но способствующей решению поставленных идентификационных, ситуационных, классификационных и диагностических задач.

Рассматривая основные сферы предназначения информационных массивов, применяемых в деятельности оперативно-криминалистических подразделений МВД РК, следует выделить прежде всего решение идентификационных задач, в рамках которых:

— устанавливается лицо, оставившее на месте происшествия дактилоскопические, геномные, одорологические, голосовые следы, фото- или видеоизображения;

— отождествляется личность неизвестных граждан или неопознанных трупов;

— выявляются факты совершения разных преступлений одним и тем же неустановленным лицом. Кроме того, могут быть идентифицированы иные следы, предметы, вещества и отображения, изъятые в непосредственной или опосредованной форме с мест совершения преступлений в качестве вещественных доказательств, а также объекты, полученные при проведении оперативно-разыскных мероприятий. К возможностям получения диагностических данных посредством применения информационных систем можно отнести установление однородности качественно-количественного состава микрообъектов, типажного сходства субъективных портретов, единого источника происхождения по конструктивным и технологическим особенностям самодельных взрывных устройств, а также по способу изготовления поддельных денежных билетов, бланков ценных бумаг и бланков документов.

В рамках данной статьи нами будут рассмотрены основные виды функциональных задач, стоящих перед оперативно-криминалистическими подразделениями МВД РК, решаемых посредством применения ИКТ, которые находятся на вооружении рассматриваемых подразделений согласно установленным ведомством натуральным нормам

положенности обеспечения технико-криминалистическими средствами¹.

Реализация сотрудниками оперативно-криминалистических подразделений МВД РК основных и дополнительных видов деятельности обеспечивает научное, техническое, информационное и иное сопровождение процессов противодействия преступлениям и правонарушениям. В ряде научно-исследовательских работ функциональные задачи рассматриваемых подразделений представлены в качестве модели функциональной деятельности сотрудников, осуществляющих такие основные виды работы, как консультационная, справочная, поисковая, исследовательская, учетно-регистрационная и коллекционная. К дополнительным функциям криминалистических подразделений могут быть отнесены научные, информационные, методические, аналитические, прогностические и организационные направления работы [2, с. 69].

Преломляя данный подход по отношению к деятельности оперативно-криминалистических подразделений МВД РК, в рамках которой могут быть применены ИКТ, можно выделить следующие виды функциональных задач:

— получение необходимых информационных, установочных, удостоверительных и иных данных в условиях проведения следственного действия или оперативного мероприятия в ходе реализации консультационной, справочной, поисковой, учетно-регистрационной деятельности. К разновидностям ИКТ, обеспечивающих данные задачи, относятся мобильные комплексы для производства проверки следов рук по дактилоскопическому учету, мобильные лаборатории для оперативного исследования документов, мобильные комплексы спутниковой связи для работы на месте происшествия, а также оборудование, обеспечивающее получение данных из справочно-информационных фондов;

— формирование и ведение криминалистических учетов, проверку изъятых с мест происшествий объектов по информационным массивам.

¹ Об утверждении натуральных норм положенности технико-криминалистическими средствами, оборудованием, реактивами и расходными материалами оперативно-криминалистических подразделений и организаций образования Министерства внутренних дел Республики Казахстан: приказ министра внутренних дел Республики Казахстан от 26 апреля 2021 г. № 239. Доступ из информационно-правовой системы нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://www.adilet.zan.kz/rus/docs/V2100022639> (дата обращения: 18.09.2022).

В рамках реализации данной задачи осуществляется исследовательская, учетно-регистрационная, коллекционная, аналитическая и прогностическая деятельность. Вместе с тем с использованием элементов ИКТ оценивается наличие у объекта регистрации свойств и признаков, потенциально позволяющих получить криминалистически значимую информацию, производится получение вторичного отображения материально фиксируемых признаков и их кодировка, осуществляется проверка и получение результатов. К числу наиболее востребованных информационных систем относятся: программно-технический комплекс «Автоматизированная дактилоскопическая информационно-поисковая система», «Комплекс баллистический программно-аппаратный идентификационный», «Информационно-поисковая система по созданию базы данных испытанной продукции», «Программно-аппаратный комплекс учета следов обуви, взлома и транспортных средств», «Автоматизированный комплекс по учету поддельных денег», «Автоматизированный программный комплекс идентификации человека по внешности», «Комплекс криминалистического исследования и учета фонограмм речи», «Аппаратно-программный комплекс для геномной регистрации» и т. д. Кроме того, специалистами применяются автоматизированные рабочие места администратора (оператора) автоматизированных систем, позволяющих в режиме удаленного доступа осуществить проверки объектов по локальным базам данных;

— формирование и использование справочно-информационных фондов, справочных натуральных коллекций и картотек, структура которых определяется уровнем их ведения, наличием в оперативно-криминалистических подразделениях соответствующих лабораторий и имеющихся в них криминалистических учетов. В рамках консультационной, коллекционной, методической и профилактической деятельности изучаются, оцениваются и систематизируются данные о свойствах, размерах, форме и иных характеристиках веществ и предметов, что обеспечивает процесс формирования единых банков данных в регионе и получение полноценной справочной информации о таких объектах криминалистических исследований, как огнестрельное оружие и боеприпасы, орудия взлома, фарные рассеиватели, защитные средства денежных купюр, документов государственного образца, а также способов их имитаций [3, с. 12] и т. д. Среди таких информационных систем могут быть выделены «Программные информационные системы по бое-

припасам, оружию, клеймам, охотничьим ружьям», «Справочно-информационная система по исследованию документов» и т. д.;

— подготовку аналитических, методических, справочных и иных материалов по организации деятельности оперативно-криминалистических подразделений посредством задействования функциональных возможностей программного обеспечения. Это позволяет эффективно осуществлять заполнение форм статистической отчетности по результатам деятельности криминалистических подразделений, контролировать своевременность выполнения, полноту и результативность ведения исследовательской и учетно-регистрационной деятельности подразделений, выявлять методические и процедурные нарушения.

1. Россинская Е. Р. Криминалистика: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности и направлению подготовки «Юриспруденция». Москва: Норма: ИНФРА-М, 2012. 463 с.

2. Дронова О. Б., Сидоренко Д. Н. Функциональная модель экспертно-криминалистической деятельности, реализуемая в системе МВД России // Судебная экспертиза. 2021. № 2 (66). С. 67—76.

3. Дронова О. Б., Веселин В. В. Оформление учетно-регистрационных документов экспертно-криминалистических учетов МВД России: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2021. 112 с.

4. Меретуков Г. М., Данильян С. А., Гусев А. В. Экспертно-криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел России: учеб. пособие / под ред. Е. П. Ищенко. Краснодар: Куб. ГАУ, 2008. 104 с.

Слаженная организация деятельности оперативно-криминалистических подразделений МВД РК, их мобильность при осуществлении своих основных функциональных задач позволят эффективно использовать научно-технический потенциал данных подразделений [4, с. 8] в целях полноценного технико-криминалистического обеспечения выявления, раскрытия и расследования преступлений. Кроме того, применение ИКТ обеспечивает единую контролируемую организацию управления централизованным функционированием всех уровней оперативно-криминалистических подразделений на основе использования единообразных стандартизированных ресурсов.

1. Rossinskaya E. R. Criminalistics. Textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty and direction of training "Jurisprudence". Moscow: Norma: INFRA-M; 2012: 463. (In Russ.).

2. Dronova O. B., Sidorenko D. N. Functional model of forensic activity implemented in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Forensic examination, 67—76, 2021. (In Russ.).

3. Dronova O. B., Veselin V. V. Registration of accounting and registration documents for forensic records of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Textbook. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2021: 112. (In Russ.).

4. Meretukov G. M., Danilyan S. A., Gusev A. V. Forensic support of the activities of the internal affairs bodies of Russia. Textbook. Ed. by E. P. Ishchenko. Krasnodar: Kuban State Agrarian University; 2008: 104. (In Russ.).

Кокушев Азамат Бекетович,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
azamatkokusev@gmail.com

Kokushev Azamat Beketovich,
associate adjunct
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
azamatkokusev@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.10.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 20.10.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

УДК 343.985.7:343.347.2
doi: 10.25724/VAMVD.A061

**ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ
ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ
САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВИЛ,
НАПРАВЛЕННЫХ НА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ COVID-19**

Ольга Александровна Попова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, opopova57@mvd.ru

Аннотация. В статье рассмотрены типичные следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе расследования преступлений, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических правил, которые направлены на предупреждение распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. В ходе проведенного автором исследования выявлены и описаны в статье следственные ситуации: нарушение гражданином режима изоляции или самоизоляции, повлекшее заражение или угрозу массового заражения людей новой коронавирусной инфекцией COVID-19; массовое заболевание людей новой коронавирусной инфекцией COVID-19, вызванное нарушением санитарно-эпидемиологических правил, установленных для юридических лиц; организация массовых мероприятий с очным присутствием людей в период действия запретов на проведение таких мероприятий в связи с угрозой распространения на территории данного региона новой коронавирусной инфекции. Проанализированы поводы для возбуждения уголовных дел по признакам преступлений, предусмотренных ст. 236 УК РФ, характерные для каждой из перечисленных следственных ситуаций. Разработан алгоритм действий следователя в указанных следственных ситуациях.

Ключевые слова: типичные следственные ситуации, первоначальный этап расследования, нарушение санитарно-эпидемиологических правил, массовое заражение, угроза массового заражения, новая коронавирусная инфекция, COVID-19

Для цитирования: Попова О. А. Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования преступлений, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических правил, направленных на предупреждение распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 100—105. doi: 10.25724/VAMVD.A061

**TYPICAL INVESTIGATIVE CASES
OF THE INITIAL STAGE OF INVESTIGATION
OF THE CRIMES INVOLVING VIOLATION
OF SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL RULES
AIMED AT PREVENTING SPREAD
OF NEW CORONAVIRUS INFECTION COVID-19**

Olga Aleksandrovna Popova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, opopova57@mvd.ru

Abstract. The article deals with typical investigative cases evolving at the initial stage of investigation of crimes related to violation of sanitary and epidemiological rules aimed at preventing spread of new coronavirus infection COVID-19. In the course of the research made by the author the following investigative cases were revealed and described in the article: violation of isolation or self-isolation mode by a person resulting in infection or a threat

of mass infection of people with new COVID-19 coronavirus infection; mass infection of people with new COVID-19 coronavirus infection caused by violation of sanitary and epidemiological rules established for legal entities; organizing mass events with face-to-face presence of people during the prohibition period set up due to the threat of new coronavirus infection spread in the region. The author has analyzed the reasons for initiation of criminal cases into an offence under Article 236 of the Criminal Code of the Russian Federation, typical for each of the above-mentioned investigative cases. An algorithm of investigator's actions in these investigative cases has been developed.

Keywords: typical investigative case, initial investigation stage, violation of sanitary and epidemiological rule, mass infection, threat of mass infection, new coronavirus infection, COVID-19

For citation: Popova O. A. Typical investigative cases of the initial stage of investigation of the crimes involving violation of sanitary and epidemiological rules aimed at preventing spread of new coronavirus infection COVID-19. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 100—105, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A061

Пандемия, вызванная коронавирусом тяжелого острого респираторного синдрома SARS-CoV-2, потребовала от мирового сообщества решительных мер, направленных на стабилизацию санитарно-эпидемиологической ситуации. В Российской Федерации в их число, в частности, вошли включение в список последствий, предусмотренных ст. 236 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), угрозы массового заражения людей, а также ужесточение уголовной ответственности за совершение данного преступления¹.

С января 2020 г. по март 2022 г. следственными подразделениями, подчиненными тридцати двум территориальным органам МВД России на региональном уровне, было возбуждено 75 уголовных дел по признакам преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ, материалы которых послужили основой проведенного нами исследования.

В ходе изучения материалов данных уголовных дел были выявлены типичные следственные ситуации, которые характерны для первоначального этапа расследования преступлений, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических правил, повлекшим по неосторожности массовое заболевание или отравление людей либо создавшим угрозу наступления таких последствий (см. рис.):

— нарушение гражданином режима изоляции или самоизоляции, повлекшее заражение или угрозу массового заражения людей новой коронавирусной инфекцией COVID-19 (24 уголовных дела; 36 %);

— массовое заболевание людей новой коронавирусной инфекцией COVID-19, вызванное нару-

шением санитарно-эпидемиологических правил, установленных для юридических лиц (35 уголовных дел; 53 %);

— организация массовых мероприятий с очным присутствием людей в период действия запретов на проведение таких мероприятий в связи с угрозой распространения на территории данного региона новой коронавирусной инфекции (7 уголовных дел; 11 %).

Комплекс следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, проводимых в каждой из названных следственных ситуаций, имеет специфику, которая определяет особенности планирования и организации первоначального этапа расследования.

В первой из рассматриваемых следственных ситуаций сообщение о нарушении гражданином режима изоляции поступает, как правило, из лечебных учреждений, органов Роспотребнадзора, органов самоуправления, от родственников инфицированного COVID-19 лица, или преступление выявляется сотрудниками патрульно-постовой службы, участковыми уполномоченными полиции.

Первоначальными мероприятиями, направленными на пресечение преступной деятельности гражданина и предупреждение наступления последствий в виде массового заражения людей, являются:

1) *установление местонахождения лица, его изоляция*, для чего в зависимости от следственной ситуации могут быть привлечены силы ГИБДД, ФСБ России, ОМОН Росгвардии, МЧС России, Роспотребнадзора, скорой медицинской помощи и др.;

2) *выявление круга контактных с ним лиц, проведение в отношении них профилактических мероприятий*: установление факта заражения их новой коронавирусной инфекцией (COVID-19) или отсутствия такового (взятие проб / анализов, проведение

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ // Российская газета. 2020. 3 апреля. URL: rg.ru/documents/2020/04/03/uk100fz-dok.html.

лабораторных исследований), обеспечение изоляции данных лиц до получения результатов исследований;

3) *принятие мер, направленных на дезинфекцию помещений, транспортных средств, в которых пребывало лицо, нарушившее режим изоляции.*

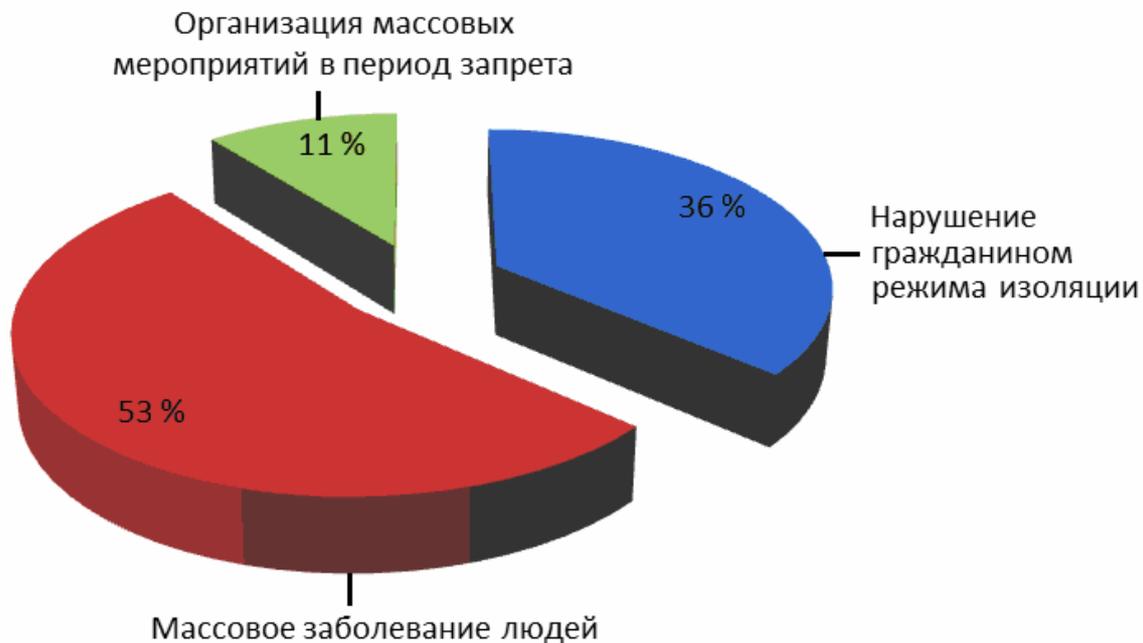

Рис. Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования преступлений, предусмотренных ст. 236 УК РФ

Так, для остановки рейсового автобуса, в котором следовало лицо, нарушившее изоляцию, и задержания данного лица начальник полиции межмуниципального отдела, командир и заместитель командира роты ППС и экипаж патрульного автомобиля ГИБДД в составе двух человек выдвинулись на маршрут движения автобуса, остановили его. На место остановки автобуса также были вызваны сотрудники Роспотребнадзора и бригада скорой медицинской помощи, прилегающая территория оцеплена. В автобусе находилось всего 15 человек, из них водитель и 14 пассажиров, в числе которых был и самовольно покинувший лечебное учреждение гражданин, имеющий подтвержденный диагноз «Новая коронавирусная инфекция COVID-19». Сотрудниками Роспотребнадзора автобус был дезинфицирован, а пассажирам и водителю выписаны постановления о нахождении в режиме изоляции¹.

Таким образом, при получении сообщения о преступлении важна слаженная работа государственных органов, направленная на пресечение преступления и недопущения массового заражения людей.

Исходя из анализа изученных уголовных дел можно предложить для рассматриваемой следственной ситуации алгоритм действий:

1) осмотреть место происшествия, в качестве которого могут выступать оставленное заболевшим медицинское учреждение или жилище, а также посещенные им места и место задержания лица. Так, в подтверждение показаний свидетелей о самовольном оставлении больным, имеющим подтвержденный диагноз COVID-2019, лечебного учреждения через окно, следователем произведен осмотр места происшествия — здания инфекционного отделения МБУЗ, в ходе которого на первом этаже обнаружено приоткрытым третье окно слева, на окне имелась москитная сетка, закрепленная металлическими скобами только с верхней и левой сторон окна. Факт проникновения гр. С. из помещения больницы во двор, нахождения его в обще-

¹ Уголовное дело № <данные изъяты> по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 236 УК РФ, расследованное СУ МУ МВД России «Новочеркасское» в 2020 г.

ственных местах также зафиксирован камерами видеонаблюдения¹;

2) изучить санитарно-эпидемиологические правила, которые были нарушены подозреваемым, соотнося даты их принятия и отмены со временем совершения преступления, а также территорию, на которой они действовали, — с местом совершения преступления. Так, гражданка Е. 15 марта 2020 г. прибыла из Объединенных Арабских Эмиратов в тот момент, когда действовало постановление Главного санитарного врача Российской Федерации «О дополнительных мерах по снижению рисков завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)» от 2 марта 2020 г. № 5. В данном документе Объединенные Арабские Эмираты в списке территорий, по прибытии из которых необходимо соблюдение карантинных мер, не значились, а новое постановление было принято позже, 18 марта 2020 г. Данный факт не был установлен на первоначальном этапе, что повлекло прекращение уголовного дела²;

3) изъять и осмотреть документы, свидетельствующие о наличии у подозреваемого подтвержденного диагноза «новая коронавирусная инфекция COVID-19» (медицинская документация: выписной эпикриз, результаты лабораторных вирусологических исследований, истории болезни или амбулаторные карты больных, заключения судебно-медицинских экспертиз) и об информированности данного лица о наличии у него данного заболевания (например, вынесенные Роспотребнадзором предписания о самоизоляции);

4) допросить потерпевших — лиц, заболевших вследствие нарушения подозреваемым санитарно-эпидемиологических правил, или лиц, контактировавших с ним и подвергшихся угрозе заражения;

5) допросить свидетелей, в качестве которых выступают представители Роспотребнадзора, санитарные врачи, врачи-инфекционисты, медперсонал, осуществлявший наблюдение и уход за больным, родственники, соседи, лица, участвовавшие в пресечении нарушений санитарно-эпидемиологических правил и водворении больного в медицинское учреждение;

6) изъять иные документы (как в электронной форме, так и на бумажных носителях), свидетельствующие об оставлении заболевшим лицом места изоляции и о его контактах с иными лицами, о посещении им общественных мест, в которых оно создало угрозу заражения неограниченного круга лиц:

— видеозаписи с камер видеонаблюдения, установленных в общественных местах;

— материалы любительской видеосъемки совместного пребывания (так, в ходе расследования была изъята запись репетиции ансамбля, на которую явилась гр. З. с признаками заболевания COVID-19, где контактировала с участниками фольклорного коллектива, касаясь руками их рук, не защищенных перчатками, и не используя медицинской маски для защиты органов дыхания³);

— аудиозаписи сообщений в экстренные службы о нарушении лицом режима изоляции;

— полученные от операторов сотовой связи сведения о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами с привязкой к базовым станциям, подтверждающие перемещение инфицированного лица;

— данные аппаратно-программных комплексов «Поток» о пути следования заболевшего;

— отчетные формы Роспотребнадзора (оперативный мониторинг, формы федерального статистического наблюдения, свидетельствующие о контактах больного);

— экстренные извещения медицинских организаций о фактах контакта заболевшего лица с иными лицами.

Если в первой следственной ситуации лицо, совершившее преступление, известно, то вторая характеризуется наличием очага массового заболевания, источник и причины которого требуется установить.

Поводами для возбуждения уголовного дела в данной следственной ситуации выступают:

— заявления граждан о смерти родственников вследствие болезни, вызванной коронавирусом, — тяжелого острого респираторного синдрома SARS-CoV-2;

— постановления прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования;

— рапорты об обнаружении признаков преступления, составленные как вследствие непосредственного их выявления сотрудниками полиции в ходе

¹ Уголовное дело № <данные изъяты> по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 236 УК РФ, расследованное СУ МУ МВД России «Новочеркаское» в 2020 г.

² Постановление о прекращении уголовного дела № <данные изъяты> от 30 декабря 2020 г., вынесенное следователем СЧ СУ УМВД России по Еврейской автономной области.

³ Постановление о прекращении уголовного дела № <данные изъяты> от 21 марта 2021 г. (Забайкальский край).

профилактических и контрольных мероприятий, так и по результатам проверки сведений о массовом заболевании, распространенных в социальных сетях, а также по фактам коллективных обращений граждан в органы власти.

В данной следственной ситуации, как правило, в распоряжение следователя предоставляются материалы проверки сообщений о преступлении, содержащие достаточные данные для возбуждения уголовного дела. На первоначальном этапе следователю необходимо:

1) изучить материалы проверки, уделив особое внимание акту санитарно-эпидемиологического расследования, содержащего сведения о нарушенных санитарно-эпидемиологических правилах, лицах, ответственных за их соблюдение, о последствиях выявленных нарушений, причинно-следственной связи между допущенными нарушениями и возникновением массового заболевания и / или смерти людей;

2) в организации, в которой возникло массовое заболевание, произвести осмотр места происшествия, а также:

— изъять учредительные документы (устав, свидетельство о постановке в налоговом органе, выписку из ЕГРЮЛ, лицензию на осуществление определенного вида деятельности);

— трудовые договоры и приказы о назначении на должности лиц, ответственных за обеспечение соблюдения санитарно-эпидемиологических правил, должностные инструкции указанных лиц;

— санитарно-эпидемиологические предписания и правила, в том числе разработанные в самой организации (например, приказы о введении карантина, режима самоизоляции), а также документацию, отражающую ход их выполнения (журналы термометрии, учета посещений, графики уборки, чеки на приобретение средств дезинфекции и пр.);

— документы о приеме в данную организацию на работу, попечение, обучение, лечение или проживание лиц, впоследствии заболевших в результате нарушения санитарно-эпидемиологических правил;

3) медицинскую документацию заболевших лиц и назначить судебно-медицинские экспертизы;

4) допросить потерпевших и свидетелей, круг которых существенно не отличается от рассмотренного в первой следственной ситуации, но может быть дополнен представителями органов, осуществляющих контрольные и надзорные функции за отдельными направлениями деятельности учреждения, в котором произошло массовое заболевание.

Третья следственная ситуация характеризуется повышенным вниманием со стороны средств массовой информации к расследованию, необоснованно называющих уголовные дела, возбужденные по фактам организации массовых мероприятий в период действия режима изоляции, «инструментом политического давления»¹.

Поводами для возбуждения данных уголовных дел послужили работы сотрудников полиции об обнаружении ими признаков преступления: массового скопления людей в нарушение санитарно-эпидемиологических правил, а также размещения в сети Интернет призывов к участию в публичных мероприятиях.

Учитывая изложенное, на первоначальном этапе расследования необходимо:

1) произвести выемку и осмотр переписки пользователей социальных сетей и мессенджеров (в изученных уголовных делах организаторы мероприятий использовали «ВКонтакте» и Telegram);

2) назначить лингвистические судебные экспертизы по переписке пользователей на предмет наличия в их коммуникативных действиях лингвистических и психологических признаков побуждения (в форме призыва) к участию в массовых мероприятиях;

3) направить запросы в социальные сети для получения сведений по IP- и MAC-адресам о лицах, зарегистрированных в группе, распространявшей призывы к участию в массовых мероприятиях, ведущих ее администрирование и иные действия, связанные с активностью данной группы;

4) произвести комплекс мероприятий по установлению граждан, которые, имея заболевание, вызванное COVID-19, находились на митинге и своим присутствием создавали угрозу массового заражения людей этой инфекцией:

— изъять и изучить видеозапись публичного мероприятия (она может быть как сделана отдельными его участниками, так и осуществлена организаторами, операторами средств массовой информации либо вестись в автоматическом режиме установленными в различных местах камерами видеонаблюдения);

— истребовать у операторов сотовой связи сведения о лицах, находившихся в определенное время в районе проведения митинга, а в Роспотребнад-

¹ Старикова М., Веретенникова К., Черных А. Санпротестация. Правозащитники проверили статью 236 УК на причастность к митингам // Коммерсантъ. 2021. 4 сент. URL: <https://kommersant.ru/amp/4974633> (дата обращения: 19.09.2022).

зоре — списки лиц, имевших диагноз COVID-19, и тех, кто находился с ними в контакте; соотнести персональные данные лиц из указанных списков;

5) при выявлении лиц с диагнозом COVID-19 провести комплекс мероприятий, описанный в первой следственной ситуации;

6) допросить организаторов, участников массового мероприятия, лиц, участвовавших в пресечении противоправных действий, участников групп социальных сетей, которые знали о планирующемся мероприятии, но не приняли в нем участие;

7) назначить санитарно-эпидемиологическую экспертизу с целью установления наличия или отсутствия угрозы массового заболевания, в распоряжение которой предоставить изъятые видеозаписи массовых мероприятий, копии протоколов допроса и иные материалы уголовного дела. Для выяснения тех же вопросов могут быть допрошены эксперты: представители Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, врачи-эпидемиологи;

8) запросить детализацию телефонных переговоров организаторов публичного мероприятия;

9) организовать контроль и запись телефонных переговоров организаторов мероприятия.

Ввиду необходимости производства значительного объема процессуальных действий по уголовному делу, а также вызываемого фактом его возбуждения общественного резонанса целесообразно использовать групповые методы расследования.

Предложенные алгоритмы действий в описанных типичных следственных ситуациях, основанные на изучении положительного опыта расследования преступлений рассматриваемого вида, могут способствовать повышению эффективности деятельности следователя на первоначальном этапе работы по уголовным делам о нарушении санитарно-эпидемиологических правил, направленных на предупреждение распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Попова Ольга Александровна,
доцент кафедры организации
следственной работы
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
opopova57@mvd.ru

Popova Olga Aleksandrovna,
associate professor
at the department of criminology
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
opopova57@mvd.ru

Статья поступила в редакцию 12.10.2022; одобрена после рецензирования 25.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 12.10.2022; approved after reviewing 25.10.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

УДК 343.982.33
doi: 10.25724/VAMVD.A062

**ЭКСПЕРТНОЕ УСМОТРЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ОРГАНИЗАЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
НАТУРНЫХ СПРАВОЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ФОНДОВ**

Иван Викторович Рыжков

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, van-astra.net@list.ru

Аннотация. Отдельные направления экспертно-криминалистической деятельности, такие как организация функционирования справочно-информационных натуральных фондов, достаточно вариативны и ситуативны, вследствие чего не поддаются строгому нормативному регламентированию. Данное обстоятельство обуславливает необходимость проявления сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений определенной степени самостоятельности при решении вопросов, не имеющих однозначного правильного решения либо требующих применения нетипичных подходов, как, например, выбор источника получения или способа систематизации объектов натуральных коллекций. Между тем в работах отечественных ученых-криминалистов данной проблеме не уделяется должного внимания, и экстраполяция подходов и содержания самостоятельных действий иных должностных лиц (судей, оперативных сотрудников полиции и др.), получивших достаточное освещение в юридических науках, не окажет существенного влияния на сложившуюся проблему по причине наличия специфических особенностей экспертно-криминалистической деятельности. Учитывая данное обстоятельство, автор предпринял попытку структурировать проявление самостоятельности сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений в ходе реализации непроцессуальных форм применения специальных знаний, что позволило сформулировать предложение по внедрению новой правовой категории — экспертное усмотрение.

Ключевые слова: экспертно-криминалистическая деятельность, натурные коллекции, справочно-информационные фонды, натуральный объект, экспертное усмотрение, непроцессуальные формы применения специальных знаний, информационное обеспечение, самостоятельность

Для цитирования: Рыжков И. В. Экспертное усмотрение сквозь призму организации функционирования натуральных справочно-информационных фондов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 106—111. doi: 10.25724/VAMVD.A062

**EXPERT DISCRETION THROUGH A PRISM
ORGANIZATION OF THE FUNCTIONING
OF FULL-SCALE REFERENCE AND INFORMATION FUNDS**

Ivan Viktorovich Ryzhkov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, van-astra.net@list.ru

Abstract. Separate areas of forensic activities, such as the organization of the functioning of reference and information full-scale funds, are quite variable and situational, as a result of which they are not amenable to strict regulatory regulation. This circumstance necessitates the employees of the forensic departments to show a certain degree of independence in solving issues that do not have an unambiguous correct solution or require the use of atypical approaches, such as: choosing a source for obtaining or a method for systematizing objects of natural collections. Meanwhile, in the works of domestic forensic scientists, this problem is not given due attention. At the same time, extrapolation of the approaches and content of independent actions of other officials, for example, judges and police officers who have received sufficient coverage in the juridical sciences, will not have a significant impact on the current problem, due to the presence of specific features of forensic activities. Given this circumstance, the author attempted to structure the manifestation of independence by the staff of the

forensic units in the course of the implementation of unprocessed forms of application of expertise, which enabled the proposal to introduce a new legal category — expert discretion.

Keywords: forensic activity, full-scale collections, reference and information funds, full-scale object, expert discretion, non-procedural forms of application of special knowledge, information support, independence

For citation: Ryzhkov I. V. Expert discretion through a prism organization of the functioning of full-scale reference and information funds. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 106—111, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A062

Процесс реализации непроцессуальных форм применения специальных знаний сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений (далее — ЭКП) в ходе экспертно-криминалистической деятельности (далее — ЭКД) преимущественно ситуативен и часто предполагает самостоятельные действия указанных лиц. Вместе с тем наличие определенной свободы в ходе реализации сотрудниками ЭКП непосредственных профессиональных функций обуславливается преобладанием диспозитивных правовых норм над императивными, а также недостаточным нормативным и методическим регламентированием отдельных аспектов и направлений ЭКД.

Рассматривая данную проблему с точки зрения функционирования натуральных справочно-информационных фондов ЭКП, отметим, что при решении вопросов формирования, систематизации, хранения, пополнения и обновления натуральных коллекций сотрудники ЭКП достаточно часто руководствуются собственными убеждениями, опытом и познаниями в области криминалистики вследствие отсутствия строгой формализации указанных действий.

Учитывая данное обстоятельство, отметим, что, несмотря на достаточно подробное изучение отечественными криминалистами вопросов организации информационно-справочных фондов, личностному аспекту деятельности сотрудников ЭКП, вовлеченных в процесс создания и ведения коллекций объектов, представленных в натурной форме, не уделялось должного внимания. Наряду с этим уровень квалификации лица, осуществляющего организацию и ведение натуральных фондов, его мотивированность и опыт работы напрямую влияют на содержание и качество функционирующих коллекций. Например, принятие сотрудником ЭКП решения о включении конкретных предметов и веществ в состав натуральных фондов во многом обусловлено результатами анализа экспертной практики структурного подразделения, собственным опытом исследования подобных объектов, владением необходимыми специальными знаниями и навыками, наличием потенциальных источников получения данных объектов и т. д.

Анализируя ЭКД, отметим, что в ходе своей профессиональной деятельности сотрудник ЭКП часто принимает самостоятельные решения, ряд которых получили всестороннее освещение в криминалистической литературе научно-практического характера, например «экспертная инициатива» и «внутреннее убеждение эксперта».

Под экспертной инициативой в ЭКД традиционно понимается предусмотренное действующим законодательством право эксперта на установление по собственному усмотрению обстоятельств, имеющих значение для дела, но не предусмотренных поставленными вопросами [1, с. 42]. Вместе с тем, по мнению Е. А. Зайцевой, инициатива эксперта в широком смысле представлена совокупностью прав, реализуемых им при проявлении процессуальной активности и самостоятельности [2, с. 244]. Исходя из сформировавшегося в криминалистической науке понимания экспертной инициативы, отметим, что данная правовая категория является неотъемлемым и достаточно значимым элементом правового статуса судебного эксперта, способствующим достижению объективности истины при раскрытии и расследовании преступлений.

Внутреннее убеждение эксперта, в свою очередь, раскрывает интеллектуально-эмоциональное состояние судебного эксперта как результат его оценочной деятельности, направленной на осуществление последующих действий и операций в рамках производства судебной экспертизы [3, с. 13].

В совокупности внутреннее убеждение и экспертная инициатива обуславливают возможность проявления экспертом процессуальной самостоятельности, учитывающей положения законодательной, нормативно-правовой и методической базы, регламентирующей в том числе требования (обоснованность, достоверность, воспроизводимость) к полученным в рамках исследований выводам.

Вместе с тем в криминалистике отсутствует правовая категория, раскрывающая проявление самостоятельности сотрудниками ЭКП в ходе реализации непроцессуальных форм применения специальных знаний. В частности, выбор источников

получения объектов натуральных коллекций, установление ряда предметов и веществ, необходимых для их формирования, определение способа систематизации и сроков актуализации информации, содержащейся в натуральных фондах, а также иные действия сотрудников ЭКП предполагают проявление ими личного усмотрения, содержание которого в настоящее время не получило должного отражения в работах научно-практического характера.

Рассматривая возможность расширения границы экспертной инициативы на процессуальный статус специалиста, следует отметить предложения отдельных криминалистов, предлагающих в качестве самостоятельных форм реализации экспертной инициативы следующие виды деятельности: проведение предварительных экспертных исследований, выдвижение версий о механизме совершения преступлений и постановка вопросов о расширении границ осмотра места происшествия [4]. Выражая несогласие с данной точкой зрения, отметим, что экспертная инициатива в соответствии с национальным законодательством Российской Федерации формирует исключительно правовой статус судебного эксперта, а нарушение пределов экспертной инициативы, кроме прочего, неминуемо отразится на его процессуальном статусе [5, с. 10].

Учитывая данное обстоятельство, считаем целесообразным введение новой правовой категории — экспертное усмотрение, раскрывающей сущность и содержание самостоятельных действий лица, осуществляющего непроцессуальные направления ЭКД. По аналогии с профессиональной деятельностью иных должностных лиц (судей, оперативных сотрудников и т. д.) введение данной категории позволит упорядочить и раскрыть тактические аспекты реализации многообразия форм применения специальных знаний в ходе предупреждения, раскрытия и расследования преступлений.

В общем виде под усмотрением принято понимать выбор должностным лицом способов достижения поставленной цели и возможность принимать независимые от чужой воли решения [6, с. 102]. Относительно ЭКД усмотрение, по нашему мнению, выражается *в основанном на внутреннем убеждении самостоятельном выборе сотрудника ЭКП правомерного и непроцессуального способа реализации своих прав и обязанностей.*

Учитывая ситуативность ЭКД и наличие определенной свободы при реализации сотрудником ЭКП своих прав, приходим к выводу, что осуществление экспертного усмотрения направлено:

— на разрешение нетипичных ситуаций, а также задач, имеющих несколько верных решений, в пределах действующей законодательной и нормативно-правовой базы;

— выбор наиболее эффективной тактики применения специальных знаний;

— экономию затрат трудового времени и материально-технических средств, имеющихся в распоряжении экспертного подразделения.

Отметим, что, реализация сотрудником ЭКП своих прав и обязанностей посредством проявления экспертного усмотрения также влияет на уровень информационного обеспечения правоохранительных органов в целом. В частности, основываясь на положениях ведомственной нормативно-правовой и методической базы, сотрудник ЭКП на свое усмотрение принимает решение о формировании новой натурной коллекции, о целесообразности направления предметов и веществ для их включения в натурные фонды нижестоящих структурных подразделений, о сроках хранения и обновления входящих в данные фонды натуральных объектов.

При дальнейшем анализе сущности экспертного усмотрения необходимо определить случаи ее осуществления. В юриспруденции ситуации реализации усмотрения достаточно часто дифференцируют на основании их регламентирования правовыми нормами, а именно на контролируемое усмотрение и пробелы (коллизии) права. Применительно к ЭКД считаем целесообразным конкретизировать случаи, требующие реализации экспертного усмотрения:

— диспозитивность правовых норм или недостаточное нормативное регламентирование действий сотрудников ЭКП в ходе реализации ЭКД;

— вариативность и широкий спектр возможных действий при осуществлении непроцессуальных форм применения специальных знаний;

— необходимость применения нестандартных методов и подходов для решения поставленных задач, например при ведении натуральных фондов, осуществлении предварительных исследований, направленных на получение ориентирующей и разыскной информации, и т. д.

В то же время, несмотря на возможность проявления сотрудниками ЭКП определенной свободы выбора при осуществлении своей профессиональной деятельности, экспертное усмотрение не является правовым произволом, поскольку имеет границы, установленные действующими нормативными актами, требованиями к служебной деятельности и положениями методической базы.

Как правило, решение, не выходящее за указанные границы, принято относить к позитивным случаям проявления усмотрения. В противном случае усмотрение считают негативным.

Учитывая особенности ЭКД, полагаем, что позитивное экспертное усмотрение проявляется при соблюдении принципов законности, целесообразности и научности. Так, в ходе организации инициативной натурной коллекции сотруднику ЭКП необходимо соотносить с указанными принципами каждый этап ее формирования.

Принцип законности является наиболее строгой и четкой границей позитивного проявления экспертного усмотрения, поскольку его соблюдение выражается в соответствии решений и действий положениям нормативных документов, регламентирующих законность получения необходимых для формирования коллекций предметов и веществ, особенности их хранения, требования к наличию определенных технических и сопроводительных документов и т. д. Таким образом, соотнесение принятых решений в ходе организации натурной коллекции с принципом законности предопределяет легитимность ее дальнейшего использования в ЭКД.

Реализация в ходе экспертного усмотрения принципа целесообразности, в свою очередь, требует более детального анализа особенностей организации ЭКД. В частности, при формировании коллекции имеет целесообразность не только определение возможности замены входящих в нее натуральных объектов источниками вторичной информации и установление максимальных сроков сохранения указанными объектами криминалистически значимых свойств и признаков, но и соотнесение принимаемого решения с материальными и организационными возможностями конкретного структурного подразделения. Например, организация баллистического натурного фонда (по основаниям, предусмотренным приказом МВД России «О Порядке функционирования криминалистических коллекций оружия и патронов в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» от 4 февраля 2016 г. № 53) в большинстве случаев имеет целесообразность в ЭКП регионального и федерального уровня, поскольку поток баллистических исследований в данных подразделениях значительно выше, чем в ЭКП районного уровня.

Следующий критерий реализации экспертного усмотрения — принцип научности — заключается в том, что принимаемое решение должно быть основано на положениях, отражающих научные

данные. К такой информации помимо знаний, содержащихся в фундаментальных и прикладных науках, следует относить последние достижения науки и техники, возможности современных технико-криминалистических средств и методов, а также новые методики исследования вещественных доказательств и соответствующие методические рекомендации. Ярким проявлением соблюдения принципа научности в ходе формирования натурных коллекций является выбор способа систематизации входящих в них предметов и веществ. Например, при определении основания дифференциации материалов письма необходимо учитывать не только их функциональное предназначение, но и такие характеристики, как растворимость, люминесценция, спектральные свойства и т. д.

Вместе с тем научность, как один из основных принципов проявления экспертного усмотрения, обуславливает целесообразность при формировании и ведении натуральных фондов использования возможностей информационно-поисковых систем. В связи с этим полагаем, что процесс организации натурных коллекций следует дополнить этапом определения не изменяемых в процессе цифровизации свойств и признаков объектов, а также их дальнейшей формализации, т. е. унифицированного представления в цифровом виде.

Следует отметить, что сущность и содержание указанных принципов (законность, целесообразность, научность) не зависят от воли сотрудников ЭКП и проявляются в нормативных правовых актах, научной литературе, методиках исследования вещественных доказательств, методических рекомендациях, статистических данных, соответствующих регламентах и т. д., что, в свою очередь, позволяет отнести их к объективной стороне экспертного усмотрения.

Принятие сотрудником ЭКП решения в порядке экспертного усмотрения зависит от его личностной интеллектуально-волевой деятельности. Осуществляя свои профессиональные функции, сотрудник ЭКП основывается в том числе на собственном опыте и имеющихся специальных знаниях. Например, при формировании натурной коллекции лицо, осуществляющее ЭКД, может ориентироваться на личный опыт и потенциальную возможность непосредственного использования в рамках проведения экспертных исследований конкретных предметов и веществ. Исходя из сказанного, полагаем, что субъективная сторона экспертного усмотрения формируется компетенцией сотрудника ЭКП, уровнем его ответственности и объективности.

Компетенция при проявлении экспертного усмотрения является одним из базовых компонентов, поскольку ее уровень определяет ту область специальных знаний, в рамках которой сотрудник ЭКП вправе принимать решения. Например, формирование и ведение баллистических коллекций может быть поручено лишь сотруднику экспертного подразделения, имеющего допуск к самостоятельному производству баллистических экспертиз. В то же время общее руководство за функционированием натуральных фондов осуществляет начальник ЭКП, поскольку уровень его компетенции позволяет решать более широкий круг организационных вопросов, таких как планирование бюджетной политики и анализ потребностей структурного подразделения.

Следующим компонентом субъективной стороны экспертного усмотрения выступает ответственность. При принятии решений лицо, осуществляющее ЭКД, несет личную ответственность за обоснованность и правомерность своих действий, а также достоверность полученных результатов. В связи с этим в целях повышения уровня личной ответственности сотрудников ЭКП, осуществляющих ведение натуральных фондов, считаем целесообразным издание локальных нормативных актов, закрепляющих конкретных должностных лиц из числа сотрудников структурного подразделения за функционированием определенной натурной коллекции. Кроме того, в данных нормативных документах представляется обоснованным отражение сведений о форме и сроках отчетной деятельности по эффективности ведения коллекций объектов, представленных в натурной форме. Указанные действия, по нашему мнению, способствуют вовлеченности сотрудников ЭКП в рассматриваемую деятельность, а также осуществлению ими более глубокого анализа факторов, влияющих на принятие в порядке усмотрения решений.

Объективность как элемент субъективной стороны экспертного усмотрения выражается в беспристрастности и исключении сотрудником ЭКП личной заинтересованности в исходе дела. Преобладание объективных методов оценки ситуаций, требующих проявления сотрудником ЭКП усмотрения, над субъективными в аспекте практической деятельности правоохранительных органов обуславливает принятие более эффективных решений, направленных на повышение уровня предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. Принимая во внимание то обстоятельство, что лицо, осуществляющее ЭКД, априори имеет заинтересованность в повышении уровня инфор-

мационного обеспечения своей деятельности и возможности использования при производстве экспертных исследований объектов из натуральных фондов, подчеркнем, что принимаемые решения, в свою очередь, должны быть основаны на объективном анализе и оценке потребностей как данного структурного подразделения, так и правоохранительных органов в целом.

Наряду с такими элементами экспертного усмотрения, как субъективная и объективная стороны, также представляют интерес средства осуществления предлагаемой правовой категории, к которым, по нашему мнению, следует относить:

— положения законодательных и нормативных правовых актов, а также соответствующих регламентов, инструкций и требований;

— одобренные ЭКЦ МВД России методики исследования вещественных доказательств и методические рекомендации;

— имеющиеся в распоряжении ЭКП технико-криминалистические средства;

— устоявшиеся в экспертной практике способы решения определенных задач, а также последние достижения науки и техники.

Указанные средства выступают способом установления соответствия принимаемых решений границам экспертного усмотрения и достижения поставленных целей. Иными словами, их реализация обуславливает возможность принятия сотрудниками ЭКП самостоятельных правомерных решений.

Подводя итог изучению сущности, содержания и предназначения экспертного усмотрения, отметим, что реализация данной правовой категории позволит упорядочить и активизировать деятельность сотрудников ЭКП при решении сложных и нетипичных ситуаций, возникающих в ходе ЭКД. Кроме того, определение особенностей проявления экспертного усмотрения позволяет сформировать структуру рассматриваемой категории:

— предмет: ситуации, возникающие в ходе ЭКД и не имеющие однозначного правильного решения;

— субъект: должностное лицо, осуществляющее ЭКД;

— объективная сторона: законность, целесообразность, научность;

— субъективная сторона: компетенция, ответственность, объективность;

— основания применения: широкий спектр выбора способов использования специальных знаний, недостаточная регламентация ЭКД законодательными и нормативными правовыми актами и т. д.;

— средства реализации: законодательные и нормативные правовые акты, технико-криминалистические средства, находящиеся в распоряжении ЭКП, и т. д.

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. Москва: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
2. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2008. 741 с.
3. Бушуев В. В. Внутреннее убеждение судебного эксперта в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 24 с.
4. Зорин Р. Г., Талецкий Н. С. Формы реализации экспертной инициативы в уголовном процессе // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 25 окт. 2019 г.). Минск: Белар. гос. ун-т, 2019. С. 184—186.
5. Гришина Е. П. Ошибки экспертной инициативы // Эксперт-криминалист. 2012. № 2. С. 9—10.
6. Малиновский А. А. Усмотрение в праве // Государство и право. 2006. № 4. С. 102—104.

Рыжков Иван Викторович,
преподаватель кафедры
криминалистической техники
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России;
van-astra.net@list.ru

Сформированные предложения представляют авторское видение решения проблем, требующих нестандартного подхода и самостоятельности сотрудников ЭКП, в том числе в ходе организации и ведения натуральных коллекций.

1. Belkin R. S. Forensic Encyclopedia. Moscow: Megatron XXI; 2000: 334. (In Russ.).
2. Zaitseva E. A. The concept of development of the institute of forensic examination in the context of adversarial criminal proceedings. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2008: 741. (In Russ.).
3. Bushuev V. V. Internal conviction of a forensic expert in criminal proceedings. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2008: 24. (In Russ.).
4. Zorin R. G., Taletsky N. S. Forms of implementation of the expert initiative in criminal proceedings. In: Conceptual foundations of modern forensic science: theory and practice. Proceedings of the International scientific and practical conference, 25 October 2019, Minsk. Minsk: Belarusian State University; 2019: 184—186. (In Russ.).
5. Grishina E. P. Mistakes of expert initiative. Forensic expert, 9—10, 2012. (In Russ.).
6. Malinovsky A. A. Discretion in law. State and law, 102—104, 2006. (In Russ.).

Ryzhkov Ivan Viktorovich,
lecturer at the department of forensic technology
of the educational and scientific complex
of forensic science activities
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
van-astra.net@list.ru

Статья поступила в редакцию 14.10.2022; одобрена после рецензирования 26.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 14.10.2022; approved after reviewing 26.10.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

УДК 343.148

doi: 10.25724/VAMVD.A063

**КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОГО ЭКСПЕРТА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
О ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ**

Ольга Витольдовна Сергеева*, **Андрей Борисович Соколов****, **Юлия Васильевна Зиненко*****

* Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, sov.ir@yandex.ru

** Омская академия МВД России, Омск, Россия, andrey.perm@mail.ru

*** Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, afrodit0601@mail.ru

Аннотация. В статье подчеркивается актуальность исследования преступлений, порожаемых непропорциональными действиями (бездействием) медицинских работников. Констатируется необходимость обращения к судебно-медицинскому эксперту при расследовании ятрогенных преступлений. Сделан вывод о том, что качество реализовываемой правоохранительными органами деятельности при расследовании рассматриваемой группы преступлений зависит от способности следователя правильно осуществить оценку представленного заключения судебно-медицинской экспертизы. На основе анализа материалов правоприменительной деятельности и мнений ученых определены критерии оценивания заключения судебно-медицинской экспертизы, сгруппированные по трем блокам: соответствие правовым нормам процедуры назначения судебно-медицинской экспертизы; содержательный аспект (компонент) заключения эксперта; соответствие требованиям, предъявляемым к оформлению заключения судебно-медицинской экспертизы. Рассмотрено сущностное понимание экспертных выводов, представлены их разновидности. Определены возможные варианты действий следователя в зависимости от результатов оценки заключения судебно-медицинской экспертизы. Сделан вывод о том, что деятельность по расследованию ятрогенных преступлений является сложным, трудоемким процессом, требующим от правоохранительных органов знаний в области судебной медицины, критериев оценивания заключений судебно-медицинской экспертизы, а также активного взаимодействия с судебно-медицинскими экспертами.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, расследование, заключение судебно-медицинского эксперта, судебно-медицинская экспертиза, оценка заключения эксперта

Для цитирования: Сергеева О. В., Соколов А. Б., Зиненко Ю. В. Критерии оценки следователем заключения судебно-медицинского эксперта по уголовным делам о ятрогенных преступлениях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 112—120. doi: 10.25724/VAMVD.A063

**CRITERIA FOR EVALUATION BY THE INVESTIGATOR
OF THE CONCLUSION OF A FORENSIC EXPERT
ON CRIMINAL CASES ON IATROGENIC CRIMES**

Olga Vitoldovna Sergeeva*, **Andrey Borisovich Sokolov****, **Yulia Vasilyevna Zinenko*****

* The East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, sov.ir@yandex.ru

** Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation, andrey.perm@mail.ru

*** Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation, afrodit0601@mail.ru

Abstract. The article emphasizes the relevance of the study of crimes generated by illegal actions (inaction) of medical workers. The necessity of contacting a forensic medical expert in the investigation of iatrogenic crimes is stated. It is concluded that the quality of the activities carried out by law enforcement agencies in the investigation of the group of crimes under consideration depends on the ability of the investigator to correctly assess the submitted conclusion of the forensic medical examination. Based on the analysis of law enforcement

materials and the opinions of scientists, the criteria for evaluating the conclusion of a forensic medical examination are determined, consisting of three blocks: compliance with the legal norms of the procedure for appointing a forensic medical examination; substantive aspect (component) of the expert's opinion; compliance with the requirements for the execution of an expert opinion. The essential understanding of the expert conclusions presented by their varieties is considered. Possible options for the investigator were identified, depending on the results of the evaluation of the forensic report. It is concluded that the activity of investigating iatrogenic crimes is complex, time-consuming process, requiring knowledge from law enforcement agencies in the field of forensic medicine, criteria for evaluating the conclusions of a forensic medical examination, as well as active interaction with forensic experts.

Keywords: iatrogenic crimes, investigation, forensic medical expert opinion, forensic medical examination, expert opinion assessment

For citation: Sergeeva O. V., Sokolov A. B., Zinenko Yu. V. Criteria for evaluation by the investigator of the conclusion of a forensic expert on criminal cases on iatrogenic crimes. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 112—120, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A063

Ятрогенные преступления¹ всегда вызывали большой интерес как в медицинской, так и в юридической науке. Указанная группа преступлений имеет специфику, выражающуюся в том, что без участия судебно-медицинского эксперта невозможно установить причинно-следственную связь между неправомерными действиями (бездействием) медицинских работников и наступлением соответствующих последствий (например, причинение тяжкого вреда здоровью либо наступление смерти человека), определить точную причину наступления смерти, сделать вывод о надлежащем (ненадлежащем) оказании пациенту медицинской помощи и др. Отсутствие соответствующего заключения эксперта не позволяет лицу, осуществляющему производство по уголовному делу, не только правильно квалифицировать противоправное деяние, но и сформировать обвинительный тезис.

Анализ материалов правоприменительной деятельности позволяет сделать вывод, что к числу основных статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), которые вменяются медицинским работникам, относятся ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности», ст. 238 УК РФ «Выполнение работ, оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», ст. 293 УК РФ «Халатность».

Одним из наиболее частых поводов для привлечения к уголовной ответственности медицин-

ских работников является халатное, небрежное отношение к своим служебным обязанностям (ст. 293 УК РФ), что может проявляться в разных действиях: поспешность; невнимательный сбор анамнеза, поверхностное, небрежное обследование больного, влекущие за собой определение ошибочного диагноза и выбор неправильного лечения [2].

Осознавая многогранность исследуемого явления, обратим внимание на то, что целью настоящей статьи является определение критериев оценивания следователем заключения судебно-медицинской экспертизы при расследовании ятрогенных преступлений, а также возможных вариантов его действий в зависимости от полученных результатов экспертизы.

Осуществляя производство по уголовным делам о противоправных деяниях рассматриваемой группы, правоприменитель изучает достаточно большой перечень специфической медицинской документации, анализу подвергается значительный массив медицинской информации. Сказанное особо подчеркивает важность и неизбежность обращения к субъекту, обладающему специальными знаниями в области медицинской науки, — судебно-медицинскому эксперту. Полагаем, что качество осуществляемой правоохранительными органами деятельности, особенно при расследовании ятрогенных преступлений, зависит, помимо иных немаловажных факторов, и от того, насколько хорошо следователь знает критерии оценки представленного экспертного заключения и способен правильно осуществить указанную деятельность.

В соответствии со ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) к числу доказательств по уголовному делу относится заключение эксперта — письменный

¹ Ятрогенные (от греч. *iatros* — врач, *genes* — происхождение) преступления — общественно опасные противоправные виновно совершаемые в процессе осуществления профессиональных обязанностей деяния (действия или бездействие) медицинских работников, т. е. преступления, порожденные неправомерными действиями (бездействием) медицинских работников [1, с. 17].

документ, в котором отражены ход проведенного экспертом исследования и полученные результаты.

Получив заключение эксперта, следователю надлежит оценить его достоверность (соответствие выводов эксперта объективной действительности), обоснованность (подтвержденность сделанных выводов результатами проведенного исследования, их аргументированность и убедительность), допустимость, а также определить формы его использования в судебном заседании. Решение таких задач осуществляется на основании внутреннего убеждения субъекта, проводящего расследование преступления, его объективной и всесторонней оценки, анализа доказательств (в том числе заключения эксперта).

Специфичность содержательного аспекта заключения судебно-медицинского эксперта по преступлениям, совершаемым медицинскими работниками, обуславливает наличие существенных трудностей при его оценке. Обозначенный тезис находит подтверждение среди ученых, указывающих на то, что расследование преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, обусловлено использованием судебно-медицинскими экспертами специальных медицинских знаний, которыми не всегда обладают следователь и суд [3, с. 37, 38]. Несколько предвосхищая полученный в ходе изучения результат, отметим, что исследовательская часть заключения эксперта должна быть доходчиво изложена и понятна лицу несведущему в области медицины [4, с. 37]. В этой части интересным представляется следующий пример.

Гражданин К., 1977 года рождения, находился на лечении в терапевтическом отделении медицинской организации с направительным диагнозом: «Полип полости носа. Хронический аллергический риносинусит в стадии обострения». Наблюдался по месту жительства у аллерголога с 2015 г. После удаления полипов по месту жительства находился на курсовой гормональной терапии преднизолоном. После окончания курса самостоятельно постоянно без врачебного контроля принимал преднизолон в течение четырех лет. Летом 2019 г. у К. наступило ухудшение состояния, и он был направлен на госпитализацию. Накануне поступления в стационар К. попал в ДТП, факт которого скрыл от медицинского персонала. В лечебном учреждении предъявлял жалобы на повышение температуры тела до 38°C, гнойное отделяемое из носовых ходов, боли в спине (со слов пациента — поскользнулся при выходе из автобуса).

При поступлении в стационар первоначально в качестве антибиотикотерапии был назначен амоксициллин перорально. Однако на следующий день, с учетом поражения придаточных пазух носа (пансинусит), длительности воспалительного процесса, гнойного отделяемого из носа, гипертермии, была произведена смена антибиотика: амоксициллин в таблетках заменен на цефтриаксон внутривенно капельно. В 11:59 начато внутривенное капельное введение цефтриаксона. Через 30 секунд от начала введения препарата самочувствие больного резко ухудшилось: появилась гиперемия кожных покровов, произошла остановка дыхания. Введение препарата было немедленно прекращено, вызван врач. На момент осмотра врачом в 12:00 сознание отсутствовало, самостоятельное дыхание отсутствовало, пульс на магистральных сосудах не определялся. Зафиксирована клиническая смерть пациента, начато проведение реанимационных мероприятий, которые включали непрямой массаж сердца, искусственную вентиляцию легких, электроимпульсную и медикаментозную терапию. Реанимационные мероприятия оказались неэффективными, и в 12:42 констатирована биологическая смерть человека.

Следователь вынес постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы трупа. На разрешение эксперта были поставлены следующие вопросы:

1. Какова причина смерти и время ее наступления?
2. Могли ли данные телесные повреждения образоваться от падения с высоты собственного роста?
3. Какие телесные повреждения имеются на трупе, какова их локализация, механизм образования, тяжесть?
4. Какое время прошло с момента нанесения повреждения до наступления смерти?
5. Какие заболевания обнаружены при вскрытии пострадавшего, какие операции и по поводу чего перенес?
6. Обнаружен ли в крови трупа алкоголь?

В качестве материалов для экспертного исследования были предоставлены:

- труп гражданина К.;
- медицинская карта стационарного больного;
- индивидуальная карта амбулаторного больного с места жительства.

В заключении экспертом были сделаны выводы о том, что смерть гражданина К. наступила от тупой травмы грудного отдела позвоночника в виде компрессионного перелома 7-го грудного позвонка,

кровоизлияний под оболочки спинного мозга, обширных кровоизлияний в компактном веществе кости, надкостницы, осложнившейся развитием восходящего отека спинного мозга, отеком головного мозга.

Анализ совокупности вопросов, поставленных на разрешение судебно-медицинского эксперта, позволяет указать на то, что речь шла лишь об установлении причины и механизма наступления смерти гражданина К. Вопросы о надлежащем (ненадлежащем) качестве оказания медицинской помощи были оставлены за рамками первоначальной судебно-медицинской экспертизы трупа.

Представленный в заключении судебно-медицинского эксперта вывод вызвал у правоприменителя определенные сомнения в его обоснованности, в связи с чем была назначена повторная судебно-медицинская экспертиза трупа. Местом производства экспертизы было определено бюро судебно-медицинской экспертизы другого субъекта Российской Федерации, а к ее проведению была привлечена комиссия соответствующих экспертов.

Помимо вопросов, сформулированных в первоначальной экспертизе, перед экспертами были поставлены вопросы о своевременности, правильности и соответствии оказанной медицинской помощи требованиям нормативных правовых документов.

В ходе повторной комиссионной судебно-медицинской экспертизы трупа было установлено следующее.

1. Смерть гражданина К., 1977 года рождения, наступила в результате анафилактического шока, имевшего злокачественное течение, во время внутривенного введения антибиотика — цефтриаксона.

Изложенный вывод о причине смерти подтверждается данными медицинской карты, секции трупа и гистологического исследования. При поступлении К. в терапевтическое отделение медицинской организации Х. на рентгенограмме грудного отдела позвоночника был выявлен компрессионный перелом 7-го грудного позвонка 2-й степени. При секции трупа также был установлен компрессионный перелом 7-го грудного позвонка с кровоизлиянием в мягкие ткани в зоне перелома; по данным гистологического исследования, обнаружены фрагментация костных балок с кровоизлияниями, фибрин, кровоизлияние в ткань межпозвоночного диска.

2. Медицинская помощь, оказанная гражданину К. в терапевтическом отделении медицинской организации Х. в период с 5 по 6 ноября, была оказана своевременно, правильно, в полном соот-

ветствии с состоянием здоровья пациента и включала в себя сбор жалоб и анамнеза, физикальный осмотр с измерением показателей жизненно важных органов, проведение лабораторно-инструментального обследования, консультаций узких специалистов, назначено адекватное медикаментозное лечение (антибактериальная терапия: цефтриаксон и иные препараты). При ухудшении состояния К. после внутривенного введения цефтриаксона незамедлительно начата противошоковая терапия и реанимационные мероприятия, включавшие в себя введение адреналина по схеме, непрямого массаж сердца, искусственную вентиляцию легких мешком Амбу, дефибрилляцию. Однако в связи со злокачественным течением анафилактического гемодинамического шока в полной мере проведенные мероприятия к положительному результату не привели.

3. Медицинская помощь, оказанная К. медицинскими работниками, полностью соответствовала требованиям нормативных правовых документов, действующих в области здравоохранения Российской Федерации.

Наступление смерти гражданина К. было обусловлено исключительно злокачественным характером течения анафилактического шока с острым началом и быстрым падением артериального давления, нарушением сознания, нарастанием симптомов дыхательной недостаточности. Такая форма характеризуется резистентностью к проводимой интенсивной терапии. Для данного течения анафилактического шока характерен неблагоприятный исход, что и имело место у гражданина К.

На основании изложенного приходим к выводу, что какого-либо вреда здоровью гражданина К. со стороны медицинских работников медицинской организации Х. причинено не было. Медицинская помощь, оказанная К. в медицинской организации Х. в период с 5 по 6 ноября, в причинной связи с наступлением смерти пациента не состоит, поскольку смерть его обусловлена исключительно характером и тяжестью развившегося анафилактического шока.

Обратим внимание на допущенную следователем неточность, связанную с отнесением, исходя из указанной ситуации, комиссионной судебно-медицинской экспертизы к повторной. Анализ ст. 207 УПК РФ показал, что, помимо иных, обязательным критерием, позволяющим отнести экспертизу к повторным, является тот же перечень вопросов, который был поставлен для разрешения в ходе первоначальной судебной экспертизы. Полагаем, что в данном случае правильным было

назначить две судебно-медицинских экспертизы. Первую — по тем же вопросам — повторную. Вторую — по вновь возникшим вопросам (о своевременности, правильности и соответствии оказанной медицинской помощи требованиям нормативных правовых документов) — дополнительную. Местом производства обеих судебно-медицинских экспертиз может быть бюро судебно-медицинской экспертизы другого субъекта Российской Федерации, а к их проведению привлечена комиссия соответствующих экспертов.

Анализ приведенной ситуации, а также заключений судебно-медицинских экспертиз по уголовным делам о преступлениях, относящихся к группе ятрогенных, позволяет определить следующие критерии оценивания заключения эксперта (комиссии экспертов).

1. Соответствие правовым нормам процедуры назначения судебно-медицинской экспертизы [5, с. 7]:

— определение отсутствия оснований для отвода эксперта;

— ознакомление подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя с постановлением о назначении судебной экспертизы и разъяснении им прав, предусмотренных ст. 198 УПК РФ;

— соответствие требованиям, установленным уголовно-процессуальным законом, получения материалов для производства экспертизы;

— соблюдение требований обеспечения надлежащего хранения и предоставления материалов для экспертного исследования.

2. Содержательный аспект (компонент) заключения эксперта:

— компетентность судебно-медицинского эксперта (экспертов). Она означает то, что эксперт при формулировании выводов использует имеющиеся у него соответствующие специальные знания. Вопросы, которые не требуют таких знаний и могут быть решены на основе жизненного опыта, не должны задаваться и решаться экспертом [6, с. 22]. Анализ мнений ученых и правоприменительной деятельности показал, что особое внимание при определении компетентности судебно-медицинского эксперта следует уделять при назначении судебной экспертизы в негосударственное экспертное учреждение, уже на этапе выбора конкретного эксперта, которому будет поручено производство исследования [7, с. 178];

— проверка наличия в заключении описания всех действий, необходимость совершения которых обязательна при проведении судебно-медицинской экспертизы;

— проверка соответствия используемых экспертом вещественных доказательств критериям подлинности и их достаточности для проведения экспертного исследования;

— оценка научной обоснованности проведенных экспертных исследований;

— оценка логической обоснованности экспертных выводов (отсутствие в них противоречивости, достаточная мотивировка, логическая связь между проведенными исследованиями и сделанными выводами), наличие аргументации;

— изложение экспертных выводов в доступной для понимания форме. При осуществлении доказывания могут быть использованы только такие выводы эксперта, которые не требуют для их интерпретации специальных знаний, являются доступными для понимания субъектом, назначившим экспертизу (следователем, судом);

— отсутствие противоречий между выводами эксперта и имеющейся совокупности доказательств [8, с. 37];

— анализ полноты заключения (оценка использованных методов исследования, полнота описания хода исследований, полнота ответов на поставленные перед экспертом вопросы). Не стоит исключать при оценке заключения эксперта положение, связанное с возможностью организации наиболее рациональной совместной работы правоохранительных органов с судебно-медицинским экспертом в целях исследования качества и полноты переданного на экспертизу материала, оценки логической очередности применения и правильности методов исследования [9, с. 86].

3. Соответствие требованиям, предъявляемым к оформлению заключения судебно-медицинской экспертизы. В документе должны найти отражение сведения:

— о дате, времени и месте проведения судебной экспертизы;

— основаниях производства судебной экспертизы;

— должностном лице, назначившем судебную экспертизу;

— экспертном учреждении, а также фамилии, имени и отчестве эксперта, которому поручено производство экспертного исследования, его образовании, специальности, стаже работы, ученой степени и (или) ученом звании, занимаемой им должности;

— предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;

— вопросах, поставленных на разрешение эксперта;

— объектах исследований и материалах, представленных для производства судебной экспертизы;

— лицах, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;

— содержании и результатах исследований с указанием примененных методик;

— выводах по поставленным перед экспертом вопросам и их обоснование.

В свете исследуемых проблем интересным представляется рассмотрение сущностного понимания экспертных выводов. Обратившись к мнениям ученых-криминалистов, отметим наиболее оптимальное, состоящее в том, что «выводы в заключении эксперта представляют собой ответы на поставленные вопросы отдельными субъектами уголовного судопроизводства (следователем, дознавателем, судьей, судом) в той логической последовательности, в которой они представлены в постановлении инициатора. Вывод является основным смыслом экспертного заключения, целью любого экспертного исследования. Вывод в логическом аспекте — это умозаключение эксперта, сделанное по результатам проведенных исследований на основе выявленных или представленных ему данных об исследуемом объекте, предмете и общего научного положения соответствующей отрасли познания» [10, с. 21].

Для облегчения понимания сущности экспертных выводов в теории криминалистики и судебной экспертологии выделяют различные их виды:

— категорические и вероятные; о возможности и действительности; однозначные и альтернативные; условные и безусловные; утвердительные и отрицательные [10, с. 21—22];

— однозначные (положительные и отрицающие); гипотетические (по совокупности признаков эксперт лишь предполагает, каков ответ на поставленный вопрос); устанавливающие невозможность разрешить поставленные вопросы [11, с. 37].

Неоспорим тот факт, что в ходе уголовного судопроизводства в качестве доказательства целесообразнее использовать заключение эксперта, содержащее только категорический вывод.

Учитывая сказанное, при осуществлении оценки заключения судебно-медицинского эксперта возможны следующие варианты развития событий.

1. Признание заключения полным и обоснованным. Такое заключение, без всякого сомнения, может быть использовано в доказывании и положено в основу предъявления обвинения.

2. Признание заключения не в полной мере (недостаточно) ясным и неполным. В данной

ситуации требуется проведение допроса эксперта и (или) не исключается возможность назначения дополнительной судебно-медицинской экспертизы.

3. Признание выводов в заключении эксперта необоснованными, вызывающими сомнения в их правильности. В данном случае целесообразно назначение повторной судебно-медицинской экспертизы.

Оптимальным способом разрешения второго и третьего варианта развития событий является проведение допроса эксперта. В ходе указанного следственного действия представляется возможным получить от эксперта разъяснения относительно данного им заключения [12, с. 291], касающиеся следующих вопросов:

— смысла и содержания отдельных терминов медицинского (биологического) характера;

— сведений о сути использованных методов и методик исследования;

— дополнительных сведений о компетентности эксперта;

— причин расхождения выводов эксперта с другими экспертами (в случае производства комиссионных или повторных экспертиз);

— несоответствия между исследовательской частью и выводами в заключении эксперта;

— критериев, которые использовались при построении выводов эксперта;

— иной дополнительной информации.

Отметим, что получение показаний от эксперта является разновидностью процессуальной формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

При возникновении недостаточной ясности в заключении эксперта, когда показаний судебно-медицинского эксперта недостаточно для разъяснения вопросов, следователю целесообразно назначить дополнительную судебно-медицинскую экспертизу [13, с. 128]. Дополнительными основаниями, позволяющими назначить дополнительную судебную экспертизу, могут быть:

— неполнота экспертного исследования (например, когда не все поставленные вопросы получили разрешение, не учтены обстоятельства, имеющие значение для разрешения поставленных вопросов);

— наличие неточностей в заключении и невозможность их устранения путем допроса эксперта;

— возникновение новых вопросов в отношении ранее исследованных объектов.

Как правило, дополнительная судебно-медицинская экспертиза поручается тому же эксперту,

который давал первоначальное экспертное заключение. Повторная же экспертиза назначается другому эксперту в следующих ситуациях:

- установление недостаточной квалификации эксперта;
- вероятный характер выводов эксперта;
- отсутствие обоснованности выводов эксперта;
- заключение эксперта противоречит другим доказательствам по уголовному делу;
- выводы эксперта противоречат иным частям заключения, например его исследовательской части.

Обращаясь к ранее приведенному примеру, отметим, что выводы двух судебно-медицинских экспертиз, хотя и сходились во мнении о правомерности действий медицинских работников (об оказании медицинской помощи надлежащего качества), в своих выводах разнились относительно причины наступления смерти. Так, в выводах первоначальной судебно-медицинской экспертизы причиной смерти был указан перелом позвонка и развитие впоследствии отека спинного мозга и головного мозга, комиссия экспертов в рамках повторной

судебно-медицинской экспертизы сделала вывод, что причиной смерти явилась тяжелая злокачественная форма анафилактического шока.

Таким образом, правоохранительные органы на основании двух проведенных судебно-медицинских экспертиз, одна из которых была комиссионной, пришли к выводам, что в данном случае медицинская помощь была оказана надлежащим образом, в возбуждении уголовного дела было отказано.

Разделяем мнения ученых, указывающих на то, что судебно-медицинские экспертизы по делам о ненадлежащем оказании медицинской помощи являются сложными комиссионными либо комплексными экспертизами [14, с. 87].

В заключение отметим, что деятельность по расследованию ятрогенных преступлений является сложным, трудоемким процессом, требующим от правоохранительных органов знаний в области судебной медицины, критериев оценивания заключений судебно-медицинской экспертизы, а также активного взаимодействия с судебно-медицинскими экспертами.

1. Пристансков В. Д. Особенности расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи: учеб. пособие. Санкт-Петербург, 2007. 60 с.

2. Стеценко С. Г. Дефекты оказания медицинской помощи: проблемы юридической квалификации и экспертизы // Российский следователь. 2002. № 5. С. 7—11.

3. Багмет А. М., Черкасова Л. И. Проведение проверки сообщения о совершении преступления по факту причинения смерти по неосторожности медицинскими работниками // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2014. № 4-2. С. 35—41.

4. Чаплыгина В. Н. Базовые проблемы назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз при расследовании ятрогенных преступлений // Юрист-Правовед. 2017. № 3 (82). С. 36—41.

5. Соколов А. Б., Едомский Е. А. Организация назначения и производства судебно-медицинской экспертизы живого лица по определению тяжести причиненного вреда здоровью // Законодательство и практика. 2018. № 2. С. 6—10.

6. Зиненко Ю. В., Картавский П. А. Основные проблемы формулирования вопросов при назначении комиссионных судебно-медицинских экспертиз // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 3 (44). С. 15—23.

1. Pristanskov V. D. Features of the investigation of iatrogenic crimes committed during the provision of medical care. Textbook. Saint Petersburg; 2007: 60. (In Russ.).

2. Stetsenko S. G. Defects in medical care: problems of legal qualification and expertise. Russian investigator, 7—11, 2002. (In Russ.).

3. Bagmet A.M., Cherkasova L. I. Carrying out verification of a report on the commission of a crime upon the fact of causing death by negligence by medical workers. Izvestiya TulSU. Economic and legal sciences, 35—41, 2014. (In Russ.).

4. Chaplygina V. N. Basic problems of appointment and conduct of forensic medical examinations in the investigation of iatrogenic crimes. Jurist-Pravoved, 36—41, 2017. (In Russ.).

5. Sokolov A. B., Edomsky E. A. Organization of appointment and production of a forensic medical examination of a living person to determine the severity of the harm caused to health. Legislation and practice, 6—10, 2018. (In Russ.).

6. Zinenko Yu. V., Kartavsky P. A. The main problems of formulating questions when appointing commission forensic medical examinations. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 15—23, 2021. (In Russ.).

7. Vasilchenko A. V., Nugaeva E. D. On the issue of evaluating the results of forensic medical

7. Васильченко А. В., Нугаева Э. Д. К вопросу об оценке результатов судебно-медицинской экспертизы по уголовным делам, связанных с ненадлежащим исполнением медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. №3 (94). С. 176—186.

8. Галюкова М. И. Заключение судебно-медицинского эксперта: теория и практика судебной оценки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2012. № 29. С. 35—39.

9. Меденцов А. А., Ручкин В. А., Захарья И. Т. Организационные и тактические аспекты взаимодействия следователя и эксперта при назначении и производстве судебно-медицинской экспертизы // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. № 2. С. 82—89.

10. Муленков Д. В., Соколов А. Б., Богданов Р. В. Виды экспертных выводов в судебной экспертизе // Законодательство и практика. 2016. № 1. С. 21—23.

11. Каменева К. Ю., Баринов Е. Х., Ромодановский П. О. Вопросы относимости, допустимости и достоверности заключения судебно-медицинского эксперта по врачебным делам // Проблемы экспертизы в медицине. 2015. № 1—2. С. 36—38.

12. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессах: монография. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. 576 с.

13. Огнерубов Н. А. Экспертное заключение по уголовным делам о ятрогенных преступлениях и его оценка следователем и судом // Аграрное и земельное право. 2019. № 7 (175). С. 126—128.

14. Васильченко А. В. Особенности назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз при расследовании ятрогенных преступлений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2 (84). С. 86—90.

examination in criminal cases related to improper performance by medical workers of their professional duties. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 176—186, 2020. (In Russ.).

8. Galyukova M. I. Conclusion of a forensic medical expert: theory and practice of judicial evaluation. Bulletin of South Ural State University. Series "Law", 35—39, 2012. (In Russ.).

9. Medentsov A. A., Ruchkin V. A., Zahariya I. T. Organizational and tactical aspects of interaction between an investigator and an expert in the appointment and production of a forensic medical examination. Legal Concept, 82—89, 2021. (In Russ.).

10. Mulyukov D. V., Sokolov A. B., Bogdanov R. V. Types of expert conclusions in forensic examination. Legislation and practice, 21—23, 2016. (In Russ.).

11. Kameneva K. Yu., Barinov E. H., Romodanovsky P. O. Questions of relevance, admissibility and reliability of the conclusion of a forensic medical expert on medical cases. Problems of expertise in medicine, 36—38, 2015. (In Russ.).

12. Rossinskaya E. R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. Monograph. 4th ed., repr. and add. Moscow: Norma: INFRA-M; 2018: 576. (In Russ.).

13. Ognerubov N. A. Expert opinion on criminal cases of iatrogenic crimes and its assessment by the investigator and the court. Agrarian and land law, 126—128, 2019. (In Russ.).

14. Vasilchenko A. V. Features of appointment and conduct of forensic medical examinations in the investigation of iatrogenic crimes. Bulletin of Ufa law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 86—90, 2019. (In Russ.).

Сергеева Ольга Витольдовна,
старший преподаватель кафедры
судебно-экспертной деятельности
Восточно-Сибирского института МВД России;
sov.ir@yandex.ru

Sergeeva Olga Vitoldovna,
senior lecturer at the department
of forensic expertise
of the East Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
sov.ir@yandex.ru

Соколов Андрей Борисович,
заместитель начальника
кафедры криминалистики
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
andrey.perm@mail.ru

Зиненко Юлия Васильевна,
доцент кафедры криминалистики
Сибирского юридического института
МВД России,
кандидат медицинских наук;
afrodita0601@mail.ru

Sokolov Andrey Borisovich,
deputy head of the department of criminalistics
of the Omsk Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
andrey.perm@mail.ru

Zinenko Yulia Vasilyevna,
associate professor at the department
of criminology,
of the Siberian Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of medical sciences;
afrodita0601@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.10.2022; одобрена после рецензирования 21.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 07.10.2022; approved after reviewing 21.10.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

УДК 343.982.35
doi: 10.25724/VAMVD.A064

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАБОТЫ С ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ СЛЕДОВОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ

Ольга Викторовна Сидоренко

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, olgasidorenko76@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ эффективности использования трасологической следовой информации при осуществлении учетно-регистрационной и судебно-экспертной деятельности сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений МВД России. На основе изучения ведомственных аналитических материалов, отражающих сведения по использованию экспертно-криминалистических средств и методов в раскрытии и расследовании преступлений, выделены типичные нарушения технического и методического характера, противоречащие требованиям, которые предъявляются к фиксации, обработке, систематизации и исследованию следов подошвенной части обуви, следов орудий взлома и следов протекторов шин транспортных средств. Анализ учетно-регистрационных документов, заполняемых экспертно-криминалистическими подразделениями МВД России на трасологическую следовую информацию, а также материалов соответствующих экспертных исследований, производимых по объектам, представленным в виде иллюстративного материала, позволил выявить ряд проблемных аспектов, требующих системной работы по модернизации технического оснащения и методического сопровождения деятельности подразделений, что будет способствовать повышению эффективности технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: технико-криминалистическое обеспечение, иллюстративный материал, судебная фотография, экспертно-криминалистические средства и методы

Для цитирования: Сидоренко О. В. Современные проблемы работы с трасологической следовой информацией // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 121—126. doi: 10.25724/VAMVD.A064

MODERN PROBLEMS OF DEALING WITH TRASOLOGICAL TRACE INFORMATION

Olga Viktorovna Sidorenko

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, olgasidorenko76@yandex.ru

Abstract. The article deals with an analysis of the effectiveness of using trasological trace information while implementing accounting and registration as well as forensic activity carried out by the employees of the forensic units of the Interior Ministry of Russia. Based on the study of the departmental analytical materials representing the data related to using forensic tools and methods while detecting and investigating crimes the author of the article identifies typical violations of a technical and methodological nature that contradict the requirements to fix, process, systematize and examine traces of the sole part of shoes and breaking tools as well as vehicle tire impressions. The analysis of accounting and registration documents filled out by the forensic units of the Interior Ministry of Russia to get trace information as well as the analysis of the materials of relevant expert studies carried out on objects presented in the illustrative form made it possible to identify a number of issues that require systematic work to modernize technical equipment and methodological support of the activity of the mentioned units that will improve the efficiency of technological and criminalistic support while detecting and investigating crimes.

Keywords: technological and criminalistic support, illustrative material, forensic photography, forensic tools and methods

For citation: Sidorenko O. V. Modern problems of dealing with trasological trace information. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 121—126, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A064

Эффективность раскрытия и расследования преступлений находится в определенной зависимости от правильного выбора методов и средств работы с материально фиксированной следовой информацией как в условиях производства следственных действий, так и в лабораториях. Совокупность собранной по делу криминалистически значимой информации должна использоваться для оценки сложившейся следственной ситуации, выдвижения версий и принятия соответствующих организационных решений [1, с. 327]. Применение специальных знаний и соответствующих технико-криминалистических средств предусматривает возможность дифференцирования элементов вещной обстановки места происшествия, выявление и оценку последовательности и механизма следообразования, определение причинно-следственных связей произошедших противоправных деяний и их последствий, решение диагностических и идентификационных задач, обеспечивающих установление территориальных, временных, пространственных и иных особенностей совершения преступления, которые в совокупности способствуют восстановлению целостного механизма преступного события.

Изучение практики технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений свидетельствует о стабильности показателей по обнаружению, фиксации и изъятию традиционных трасологических следов на местах происшествий. Так, согласно данным статистики, за шесть месяцев 2022 г. экспертно-криминалистическими подразделениями МВД России с 90 251 места происшествия были изъяты следы орудий взлома, с 25 710 — следы подошвенной части обуви. Все объекты в установленном порядке были подвергнуты проверке и постановке на соответствующие виды и уровни экспертно-криминалистических учетов, результативность которых составила 25,9 % соответственно. По данным объектам было произведено 30 268 исследований, 160 969 судебных трасологических экспертиз, которые в 67,5 % способствовали раскрытию и расследованию преступлений¹.

Несмотря на достаточно высокие показатели эффективности использования трасологических

следов при раскрытии и расследовании преступлений, следует констатировать наличие связанных с работой с данными группами объектов организационных, технических и методических проблем, с которыми сталкиваются сотрудники экспертно-криминалистических подразделений МВД России.

К числу ключевых проблемных аспектов можно отнести:

— пренебрежение участниками следственно-оперативных групп рекомендациями относительно приоритетного осмотра специалистом мест возможного расположения слабовидимой трасологической следовой информации (территории подходов, мест проникновения) с выделением «дорожки руководства»;

— отказ от практики производства в условиях осмотра предварительных исследований выявленной следовой информации с составлением ориентировок на следообразующие объекты и функционально-динамические признаки лиц, использовавших их;

— отсутствие в большинстве случаев в распоряжении сотрудника экспертно-криминалистических подразделений слепочного материала для изготовления копий следов;

— нарушение правил фиксации выявленной следовой информации как в процессе ее описания в протоколе следственного действия, в ходе которого не всегда отражаются сведения о местах обнаружения, форме и размерных характеристиках выявленных объектов, индивидуализирующие особенности выявленных следов-отображений, так и при изготовлении их узловых и детальных иллюстраций;

— применение сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений различных автоматизированных информационно-поисковых комплексов систематизации трасологической следовой информации, не позволяющих осуществлять взаимную интеграцию районных и региональных учетно-регистрационных данных;

— отсутствие актуальной методики (методических рекомендаций) по особенностям производства трасологических экспертных исследований по иллюстрациям;

— отказ от практики формирования и своевременной актуализации сведений справочных информационных фондов и натуральных коллекций типовых трасологических объектов и их отображений.

¹ Статистический отчет о деятельности ЭКЦ МВД России за 6 месяцев 2022 г. // ИМТС МВД России. Режим доступа: <http://mvd.10.5.0.16>.

В результате допускаемых нарушений происходит существенное снижение уровня технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. В частности, в ряде ведомственных аналитических материалов, отражающих сведения по использованию экспертно-криминалистических средств и методов в раскрытии и расследовании преступлений, отмечается, что «до 90 % трасологических следов (объемных и поверхностных) не изымаются, а только фиксируются с помощью фотосъемки» [2, с. 3]. Следствием такого подхода к работе со следовой информацией на месте происшествия становится направление для постановки на экспертно-криминалистические учеты, а также для последующего экспертного исследования копий изображений из иллюстрационных таблиц.

Учитывая наличие серьезных претензий со стороны Экспертно-криминалистического центра МВД России к качественным параметрам большинства цифровых иллюстрационных материалов, изготавливаемых по результатам участия специалиста в составе следственно-оперативной группы в следственных действиях, целесообразно подробно рассмотреть основные виды технических и методических нарушений.

К категории технических нарушений, допускаемых при фотографической фиксации следовой информации как следователями (дознавателями, оперативными сотрудниками), так и сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений, относятся:

— применение фотокамер личных мобильных гаджетов, использование которых не исключает возможность осуществления несанкционированного доступа к зафиксированной информации;

— использование штатного фотографического оборудования в автоматизированном режиме, который не обеспечивает получение материала, отвечающего системе требований к качественным параметрам (отсутствие перспективных, абберрационных искажений; достаточная глубина резко изображаемого пространства; отсутствие зон переэкспонирования или недоэкспонирования и т. д.);

— применение при формировании иллюстрационной таблицы текстовых редакторов, которые не поддерживают цифровые форматы (например, Microsoft Word) и предусматривают автоматический перевод изображений в растровый режим, что приводит к существенной потере качества передачи признаков объекта;

— использование для распечатывания изображений капельно-струйных, электрофотографиче-

ских и иных не предназначенных для печати фотоизображений принтеров.

Среди нарушений методического характера, возникающих вследствие игнорирования положений судебной фотографии, могут быть выделены:

— неиспользование или несоблюдение требований размещения метрического инструментария в процессе фотофиксации:

— отсутствие нивелирной рейки при фиксации следовой информации, имеющей значительную протяженность (следы протекторов шин, дорожка следов обуви) или использование обычной рулетки, шкалы которой не видны на иллюстрации;

— применение при изготовлении масштабной фотографии обычной (не угловой) линейки или осуществление данного процесса без нее;

— размещение линейки на самом следе или вне его плоскости [3, с. 143]. Данный факт частично или полностью исключает возможность определения размерных параметров объекта съемки и, как следствие, не позволяет использовать иллюстрацию при осуществлении учетно-регистрационной или судебно-экспертной деятельности;

— несоблюдение требований размещения объекта перпендикулярно плоскости следа, неправильное размещение следа в кадре (под углом, по диагонали), которые приводят к диспропорциональному искажению формы и размерных параметров исходного объекта фотосъемки;

— одностороннее размещение или несоразмерное яркостное соотношение источников направленного освещения, что вызывает образование теней, препятствующих фиксации отдельных фрагментов следа, его дна, особенностей боковых поверхностей, и обуславливает низкую степень отображения на иллюстрации индивидуализирующих признаков следов-отображений;

— несоблюдение требований масштаба, при котором объект фотосъемки должен в процессе фиксации занимать не менее $\frac{3}{4}$ кадра. Кадрирование изображения в процессе изготовления иллюстрационной таблицы приводит к снижению качественных параметров, что влечет утрату криминалистически значимых признаков.

Учитывая, что в распоряжении субъектов расследования в большинстве случаев остается лишь иллюстративный материал о выявленной трасологической следовой информации, который подлежит проверке и постановке на соответствующие виды экспертно-криминалистических учетов и предполагает возможность использования в качестве объектов исследования при производстве трасологических экспертиз, Экспертно-криминалистический

центр МВД России разработал систему требований к его получению и обработке [2, с. 74; 4, с. 6].

К числу ключевых технических критериев получения качественного иллюстративного материала, находящихся в прямой зависимости от качественных характеристик применяемых объективов, разрешительной возможности матрицы камеры и систем стабилизации изображения, отнесены параметры фокусного расстояния (не менее 55 мм), диафрагмы (не менее 8), выдержки (1/30 с), размера кадра (не менее 5 Мрix (2 500 × 2 000 пикселей)), коэффициента сжатия формата jpeg (не более 3); разрешения (не менее 240 ppi точек на дюйм) и т. д.

Дополнительную регламентацию получили и характеристики исходного графического файла, который должен быть предоставлен в распоряжение субъектов расследования, а впоследствии специалиста, осуществляющего учетно-регистрационную и исследовательскую функции. В частности, оговариваются возможные форматы такого материала (RAW или TIFF без сжатия), которые могут быть обработаны в целях компенсации первичных искажений иллюстрации в графических редакторах высокого уровня (Adobe Photoshop, Corel DRAW и т. д.). При сохранении графического файла в формате JPEG рекомендуется его сохранение с минимальной степенью сжатия (Fine).

Приведенная система требований направлена прежде всего на стандартизацию технико-криминалистической деятельности, предусматривающей единообразные требования к техническим средствам получения фотоизображений, программному обеспечению обработки и сохранения полученных изображений. Мы поддерживаем точку зрения ряда криминалистов, указывающих, что вопросы цифровой фотографии в контексте криминалистики следует рассматривать в плоскости отбора качественной фототехники, способной удовлетворить потребности судебной практики, особенностей ее использования и целесообразности обработки цифровых снимков с помощью специальных программ [5, с. 105].

Однако следует констатировать, что утвержденная система технических требований не всегда может быть реализована практическими сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений по причине того, что на вооружении отделов (отделений) находятся технические средства (фотоаппараты, программное обеспечение, принтеры), а также расходный материал (фотобумага), не обеспечивающие соблюдение отдельных критериев получаемых фотоизображений.

Изучение информационных карт ИК 1, составленных на трасологические объекты: поставленные на учет следы подошвенной части обуви, следы орудий взлома, следы протекторов шин автотранспортных средств, — показало, что при их изготовлении в 15 % были использованы иллюстрации, полученные в процессе фотографирования опосредованной следовой информации с дактилоскопических пленок и гипсовых слепков. Остальные учетно-регистрационные документы содержали снимки, предоставленные инициаторами формирования учетов в электронном и бумажном виде, последняя категория содержала иллюстрационные таблицы к протоколам осмотров мест происшествий.

Отдельно следует отметить, что в настоящее время для формирования и ведения трасологических учетов не выбраны единообразные автоматизированные информационно-поисковые системы, в которых могут быть интегрированы сведения из массивов, ведущихся в разных экспертно-криминалистических подразделениях. Среди многообразия программных средств формирования массивов трасологической информации могут быть выделены такие системы, как Footwear Traces 2 — «Экспертная система следов обуви», предназначенная для ведения в электронном виде следотек обуви; Tool Marks Traces — «Экспертная система следов орудий взлома», позволяющая в автоматизированном режиме осуществлять поиск необходимых информационных данных с учетом формы и размеров рабочей грани используемого орудия взлома; программного обеспечения Trunkwear Traces — «Экспертной системы следов шин» [6, с. 15, 22, 25]. Однако, несмотря на различные варианты применяемых в экспертно-криминалистических подразделениях автоматизированных программно-аппаратных комплексов, их формирование производится преимущественно посредством сканирования изображения бумажного варианта информационной карты, изготовленной путем размещения снимка, полученного при использовании текстовых редакторов, и распечатанной с применением электрографических (капельно-струйных) принтеров. Между тем качество изображения в данном случае играет ключевую роль в эффективности функционирования массивов трасологической информации, так как в основу непосредственного поиска по электронной картотеке следов заложен алгоритм сопоставления ключевых параметров исходного следа, его геометрической конфигурации, совокупности признаков, индивидуализирующих слеодообразующий объект. Соответственно,

в модернизации нуждаются и требования к иллюстративному материалу, являющемуся объектом систематизации трасологических учетно-регистрационных массивов.

Изучение материалов экспертных исследований, выполненных в отношении следов подошвенной части обуви, следов орудий взлома, следов протекторов шин автотранспортных средств в 2020—2021 гг., в которых в качестве объектов исследования выступали иллюстрационные таблицы как приложения к протоколам осмотров мест происшествий, позволили констатировать, что в 95 % случаев исследуемые материалы были представлены в бумажной форме и не сопровождались электронными графическими файлами, содержащими первичные (необработанные) изображения. Опрос экспертов позволил сделать вывод, что все подобные объекты исследования были выполнены в текстовом редакторе Microsoft Word, при этом не было соблюдено большинство технических требований, фигурирующих в методических рекомендациях Экспертно-криминалистического центра МВД России.

При изучении содержания экспертных заключений не были выявлены случаи описания метаданных предоставленных графических материалов, а также описания результатов оценки представленных объектов исследования с точки зрения их соответствия требованиям, предъявляемым к перспективным и абберационным искажениям (не более 1,5 %), глубине резко изображаемого пространства на всей протяженности следа, наличию зон переэкспонирования или недоэкспонирования и т. д.

Анализ результативности экспертных исследований позволяет констатировать, что в настоящее время более 30 % объектов, предоставляемых в виде фотоматериала по своим качественным параметрам, невозможно использовать для диагностических и идентификационных исследований. Сотрудники экспертно-криминалистических подразделений указывают, что по причине «низкого качества представленного иллюстративного мате-

риала», «малой информативности и фрагментарности следа», «слабовыраженной формы без четких границ» решить вопросы относительно групповой принадлежности слеодообразующих объектов, а также их пригодности для идентификации не представляется возможным. Более чем в 10 % изученных материалов вывод в аналогичной форме основывался на невозможности определения размерных параметров ввиду отсутствия на иллюстрации измерительных средств.

Полученные результаты свидетельствуют о низкой эффективности работы экспертно-криминалистических подразделений в рассматриваемой сфере и необходимости кардинального пересмотра методов и средств, применяемых в процессе фиксации, обработки, систематизации и исследования трасологической следовой информации.

Внедрение в деятельность экспертно-криминалистических подразделений стандартизированных технических требований, предъявляемых к процессу получения, обработки и использования фотоизображений, фиксирующих объекты трасологических исследований, должна предварять масштабная работа по оснащению подразделений районного уровня техническими средствами и программным обеспечением, позволяющими получить необходимые иллюстративные материалы. Повышение уровня информационного обеспечения субъектов расследования криминалистически значимой информацией, получаемой по результатам проверки по трасологическим учетно-регистрационным массивам, предусматривает необходимость применения единообразных автоматизированных информационно-поисковых систем, которые позволяют интегрировать типовую информацию, поступающую из районных и региональных подразделений ведения соответствующих учетов. В целях формирования методики производства трасологических экспертных исследований по фотоизображениям должны быть изучены и обобщены современная практика и положительный опыт данной деятельности, а также разработаны алгоритмы решения проблемных вопросов.

1. Грибунов О. П., Варданян А. В. Прикладные задачи и профилактические операции криминалистического предупреждения преступлений против собственности на транспорте // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. науч. тр. Иркутск: ВСИ МВД России, 2016. С. 326—331.

1. Gribunov O. P., Vardanyan A. V. Applied tasks and preventive measures related to expert preventing crimes against property in transport. In: Activity of law enforcement agencies at present. Collection of scientific researches. Irkutsk: Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation; 2016: 326—331. (In Russ.).

2. Отдельные аспекты производства трасологических экспертиз по фотоизображениям: информационное письмо. Москва: ЭКЦ МВД России, 2021. 8 с.

3. Сидоренко О. В. Оценка качественных характеристик иллюстративного материала, подготовленного по результатам осмотров мест происшествий по фактам краж // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 4 (59). С. 143—148.

4. Особенности трасологического исследования следов, зафиксированных на фотоизображениях: практ. рекомендации / В. Н. Шведко, С. В. Загоровский, А. П. Кудалин, В. В. Масленникова. Москва: ЭКЦ МВД России, 2017. 20 с.

5. Мальных А. В., Мальных Е. А. Цифровая фотография как эффективный способ современного технико-криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1 (17). С. 102—108.

6. Дронова О. Б., Веселин В. В. Оформление учетно-регистрационных документов экспертно-криминалистических учетов МВД России: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2021. 112 с.

2. Some aspects of production of trace examinations on photographic images. Information letter. Moscow: The Expert Center of the Interior Ministry of Russia; 2021: 8. (In Russ.).

3. Sidorenko O. V. Assessment of qualitative characteristics of illustrative material prepared on the basis on the results of crime scene search related to theft. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 143—148, 2021. (In Russ.).

4. Shvedko V. N., Zagorovsky S. V., Kudalin A. P., Maslennikova V. V. Specifics of traceological study of marks recorded on photographic images. Practical recommendations. Moscow: The Expert Center of the Interior Ministry of Russia; 2017: 20. (In Russ.).

5. Malykhin A. V., Malykhina Ye. A. Digital photography as an effective way of modern technical and expert support while detecting, investigating and preventing crimes. Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow, 102—108, 2021. (In Russ.).

6. Dronova O. B., Veselin V. V. Process of registration documentation to make expert accounting of the Interior Ministry of Russia. Work book. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2021: 112. (In Russ.).

Сидоренко Ольга Викторовна,

доцент кафедры основ
экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
olgasidorenko76@yandex.ru

Sidorenko Olga Viktorovna,

associate professor at the foundations
of the forensic activity department
of the educational and scientific complex
of the forensic science activity
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
olgasidorenko76@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

УДК 343.985.7:343.7
doi: 10.25724/VAMVD.A065

**О СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ
ПОСРЕДСТВОМ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
И МЕТОДАХ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ**

Анна Викторовна Сычева

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, anna002@yandex.ru

Аннотация. В статье проведен анализ статистических данных о количестве мошенничеств, совершенных посредством метода социальной инженерии в Российской Федерации за последние годы, который убедительно подтверждает актуальность данной темы исследования. Мошенники, используя актуальные новостные повестки, постоянно усложняют и развивают свои преступные схемы. Автором рассмотрены такие современные способы мошенничества методом социальной инженерии, как создание легенды о дефиците лекарственных препаратов, предложение «помощи» в оплате иностранных товаров и услуг, продажа поддельных автомобильных запчастей, обман клиентов онлайн-банков, страхование денежных средств потерпевшего, а также продажа «белых» военных билетов в связи с частичной мобилизацией в России. Автором исследованы и предложены некоторые рекомендации по предупреждению совершения рассматриваемой категории мошенничеств, в том числе проанализировано законодательство в этой части. При рассмотрении способов совершения указанных преступлений приведены примеры из практики расследования мошенничеств. В статье проанализированы перспективы оперативного взаимодействия МВД России с Центробанком России.

Ключевые слова: социальная инженерия, мошенничество, способ совершения преступления, предупреждение преступлений, частичная мобилизация

Для цитирования: Сычева А. В. О способах совершения мошенничеств посредством социальной инженерии в современных условиях и методах их предупреждения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 127—132. doi: 10.25724/VAMVD.A065

**ON THE WAYS OF COMMITTING FRAUD
THROUGH SOCIAL ENGINEERING IN MODERN CONDITIONS
AND METHODS OF THEIR PREVENTION**

Anna Viktorovna Sycheva

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia, anna002@yandex.ru

Abstract. The article analyzes statistical data on the number of frauds committed through the method of social engineering in the Russian Federation in recent years, which convincingly confirms the relevance of this research topic. Fraudsters, using current news agendas, constantly complicate and evolve their criminal schemes. The author considers such modern methods of social engineering fraud as creating a legend about a shortage of medicines, offering "help" in paying for foreign goods and services, selling fake car parts, defrauding online bank customers, insuring the victim's money, as well as selling "white" military tickets due to partial mobilization in Russia. The author has researched and proposed some recommendations to prevent the commission of the considered category of fraud, including the analysis of legislation in this part. When considering the methods of committing these crimes, examples from the practice of investigating fraud are given. The article analyzes the prospects for operational interaction between the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Central Bank of Russia.

Keywords: social engineering, fraud, method of committing a crime, crime prevention, partial mobilization

For citation: Sycheva A. V. On the ways of committing fraud through social engineering in modern conditions and methods of their prevention. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 127—132, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A065

События, происходящие в последние годы в России и мире, открывают новые возможности для самых разнообразных способов совершения мошенничества в отношении граждан. Активно отслеживая новостные ленты, преступники не стоят на месте, изобретая все новые способы обмана. На смену «ковидным» видам мошенничества пришли так называемые санкционные.

В последнее время острой проблемой мошенничества, связанного с осуществлением несанкционированных банковских операций, в том числе денежных переводов без согласия клиентов, стала добровольная передача потенциальными жертвами иным лицам личных сведений (паролей от банковских карт, номеров карт и т. д.) — социальная инженерия.

Президент Российской Федерации В. Путин на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека назвал защиту граждан от мошеннических схем одним из ключевых приоритетов¹.

По данным Центробанка, в первом полугодии 2022 г. у клиентов российских банков с помощью различных способов мошенничества преступники похитили 3,3 миллиарда рублей, что на 14 % больше аналогичного периода прошлого года².

Так, с середины марта 2022 г. доля мобильных пользователей в России, которым поступали звонки мошенников с неизвестных номеров, начала расти и достигла к концу мая 12,5 % от общего числа, т. е. есть каждый восьмой гражданин сталкивался с телефонным мошенничеством по меньшей мере раз в неделю. С декабря 2021 по февраль 2022 г. показатель составлял 9,5 %. В целом доля пользователей, столкнувшихся весной 2022 г. с различными нежелательными звонками, включая спам, превышает 70 %. В мае 2022 г. количество опасных

звонков выросло на 32 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года³.

Представитель поисковой системы «Яндекс» отметил кратный рост звонков спамеров в ряде регионов — например, в 1,6 раза в Магаданской области и в 1,4 раза в Волгоградской⁴. Таким образом, актуальность выбранной темы не вызывает сомнений.

Как сообщили представители ПАО «Вымпелком», количество методов мошенничества с применением социальной инженерии, к сожалению, не уменьшается. «Мы внедряем технологии искусственного интеллекта, чтобы процесс идентификации потенциального мошенника был быстрее»⁵. Представители компании «МТС» отметили, что у них тоже действует автоматизированная антифродовая система, пресекающая подобные нежелательные звонки. Российская телекоммуникационная компания Tele2, осуществляя сотрудничество с Тинькофф-банком и Сбербанком, также констатирует негативную тенденцию. Директор по предотвращению мошенничества и потерь доходов компании «Мегафон» Сергей Хренов сообщил, что их компания ежедневно блокирует около 500 тысяч звонков с подменных номеров⁶.

Старший юрист Digital Rights Center Владимир Ожерельев пояснил, что рост мошенничества связан с простотой использования широкого диапазона номеров и возможностью их быстрой замены, не говоря уже о технологиях подмены номера⁷.

Так, по данным интернет-опроса Ipsos, проведенного с 14 по 27 марта 2022 г. в городах с населением больше 100 тысяч человек, 62 % респондентов сразу сбрасывают звонки от роботов, среди людей в возрасте от 55 лет этот показатель достигает 70 %⁸.

¹ Путин назвал защиту граждан от мошенничества одним из главных приоритетов. URL: <https://iz.ru/1262080/2021-12-09/putin-nazval-zashchitu-grazhdan-ot-moshennichestva-odnim-iz-glavnykh-prioritetov> (дата обращения: 01.07.2022).

² Россиян начали обманывать через переадресацию СМС. URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/28/new/?ysclid=I4xyw9Hl6a160319887> (дата обращения: 02.07.2022).

³ Мошенники перезвонили. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5423301?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 01.07.2022).

⁴ Спамеры обзвонились. Вал нежелательных звонков захватывает регионы. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5421730?from=doc_vrez (дата обращения: 01.07.2022).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что мошенничество, совершаемое методом социальной инженерии, представляет наибольшую опасность в связи с большим распространением и высокой долей латентности. Главная опасность социальной инженерии состоит в том, что она построена на человеческих слабостях, страхах, переживаниях за свое благополучие, заботе о своих близких.

Рассмотрим некоторые способы совершения такого мошенничества.

1. Дефицит лекарств. В марте 2022 г. в МВД России фиксировали случаи совершения мошенничества, связанного с возможным дефицитом иностранных лекарственных средств. Мошенники, представляясь сотрудниками региональных медицинских учреждений, начали звонить потенциальным жертвам и предлагать приобрести впрок необходимые лекарственные препараты. Чаще всего такие звонки поступали лицам, имеющим хронические заболевания (сахарный диабет, гипертония, онкологические заболевания). Целью таких преступлений является продажа «пустышек», сомнительных БАДов, подделок под видом дорогостоящих иностранных лекарств.

Так, 12 мая 2022 г. в Москве были задержаны шестеро лиц, которые посредством рекламы на телевидении, расклейки листовок на подъездах жилых домов и остановках общественного транспорта продавали «пустышки» под видом дорогостоящих высококачественных иностранных лекарств лицам пожилого возраста. Допрошенная в качестве потерпевшей П. пояснила, что потратила все накопленные средства на «таблетки от головной боли». В ходе предварительного расследования было установлено, что П. страдала хронической гипертонией и мигренями. Продавцы пояснили ей, что данные препараты стоимостью 12 тысяч рублей за одну упаковку избавят ее от головной боли навсегда. Мошенники брали в аренду на несколько часов здания библиотек или небольших торговых предприятий, где осуществляли продажу низкокачественных БАДов и поддельных лекарственных средств¹.

В качестве мер предупреждения такого способа совершения мошенничества следует отметить необходимость приобретения гражданами лекарственных средств только в аптеках. Естественно, региональные минздравы не будут обзванивать

граждан России с предложением «закупиться лекарствами впрок». Гражданам необходимо проверять такую информацию в официальных представительствах медицинских организаций и никогда не покупать медицинские товары «с рук» у непонятных личностей, кем бы они ни представлялись².

2. В связи с запретами, вводимыми странами Евросоюза в отношении России, в частности в отношении оплаты товаров и услуг зарубежных компаний, стали появляться сайты и «сервисы», которые предлагают помощь в таких ситуациях. Так, в Турции, Вьетнаме, Казахстане перестали обслуживать российские карты с платежной системой «Мир»³. Многие из них предлагают потенциальным потерпевшим оформить карту Visa или MasterCard, способную работать за рубежом.

Кроме этого, мошенники после начала специальной военной операции на Украине стали распространять в социальных сетях информацию о том, что банки в ближайшем будущем перестанут выдавать евро и доллары. Поэтому преступники стали предлагать потенциальным потерпевшим купить валюту, часто даже выгоднее по курсу, чем в банках. Естественно, жертва в данном случае приобретает фальшивые купюры.

3. В связи с вышеуказанными санкциями, принятыми странами Запада в отношении России, мошенники успешно используют тот факт, что большинство иностранных компаний, выпускающих автомобили, запасные части к ним и иную электронику, приостановили свою деятельность в России. В сети Интернет появилось множество «специалистов», «менеджеров», уверяющих потенциальных потерпевших, что они быстро и недорого смогут компенсировать такого рода неудобства, например предложат жертве видеокарту или запчасти для иномарки по выгодной цене. Такие предложения распространились в социальных сетях,

² Мошенничество 2022: как защититься от новых разводов. URL: <https://badbed.ru/information/1301-moshennichestvo-2022-kak-zashchititsya-ot-novykh-razvodov.html?ysclid=I4y0e7yian409183715> (дата обращения: 01.07.2022).

³ Карты «Мир» перестали работать в некоторых банках Казахстана и Вьетнама. URL: <https://www.m24.ru/videos/ehkonomika/21092022/503705> (дата обращения: 21.09.2022); Банки Турции перестали принимать карты «Мир». URL: <https://ircity.ru/text/economics/2022/09/21/71669609/> (дата обращения: 21.09.2022).

¹ Материалы следственной практики СЧ ГСУ ГУ МВД России по Московской области.

в каналах мессенджеров, а также на сайтах-одностраничниках.

В качестве мер предупреждения совершения такого рода преступлений необходимо отметить, что приобретение гражданами запчастей и электроники должно происходить только в проверенных официальных магазинах, в случае с запчастями — через автосервисы и салоны.

4. Обман клиентов онлайн-банков для получения доступа к СМС-сообщениям клиента и возможности вывода средств с банковских счетов. Так, допрошенный в качестве подозреваемого В. показал, что он позвонил потерпевшему К. и представился сотрудником одного из российских сотовых операторов, который во время разговора сообщил о взломе личного кабинета потерпевшего. В целях недопущения утечки личных данных В. предложил потерпевшему набрать специальную USSD-команду, состоящую из комбинации цифр и символов, которые вводятся при звонке, а после этого набрать номер телефона. В то же время В. уверил потерпевшего о том, что все эти действия направлены якобы на предотвращение распространения личных данных, но в действительности К. самостоятельно установил переадресацию СМС-сообщений и звонков на номер мошенника. Для того чтобы выиграть время, В. позвонил жертве и сообщил о том, что денежные средства собеседника надежно защищены. Далее В. совместно с А., Н., Г. с помощью кодов из банковских сообщений получили доступ к личному кабинету банка К. и вывели денежные средства, подтверждая операции.

В целях сокращения количества хищений денежных средств клиентов банков, совершаемых путем взлома их личного кабинета, 1 января 2022 г. вступило в силу положение Банка России 719-П¹, обязавшее финансовые организации проходить проверку информационных систем на соответствие определенным требованиям безопасности.

¹ См.: О требованиях к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств и о порядке осуществления Банком России контроля за соблюдением требований к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств: положение ЦБ РФ от 4 июня 2020 г. № 719-П. URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/23897?ysclid=i4y6n5foab344375490> (дата обращения: 12.07.2022).

5. Летом 2022 г. кредитные организации Российской Федерации зафиксировали новый способ совершения рассматриваемой категории преступлений. Мошенники предлагают потенциальным потерпевшим якобы застраховать денежные средства, которые хранятся у собеседника на «едином межбанковском счете в Центральном банке». С потенциальным потерпевшим работают несколько мошенников. Сначала они звонят своим жертвам, представляясь сотрудниками полиции, сообщая о «заявлении от Центрального банка» и о том, что персональные данные человека скомпрометировали. Преступники при этом уточняют, что списания производились не с конкретного счета того или иного банка, а по некоему единому внутрибанковскому счету, доступ к которому есть у сотрудников банков, подозреваемых в совершении мошенничества. После этого с потенциальной жертвой начинает работать якобы сотрудник департамента безопасности Центрального банка Российской Федерации, который уточняет, в каком именно банке обслуживается клиент, какими продуктами он пользуется, проверяет остатки на счетах и даже размер заработной платы последнего. Далее преступники предлагают жертве застраховать имеющиеся у нее денежные средства на едином счете, который позволит вернуть все деньги в случае хищения их мошенниками. Успешно применяя методы убеждения, мошенники уговаривают потенциальную жертву перевести все денежные средства на якобы безопасный счет.

6. Продажа «белых» военных билетов. В связи с объявленной 21 сентября 2022 г. Президентом Российской Федерации частичной мобилизацией в социальных сетях стали появляться объявления о продаже военных билетов о непригодности к военной службе. В день объявления частичной мобилизации мошенники реанимировали созданные еще пару лет назад (в период пандемии коронавируса COVID-19) паблики² и сразу начали предлагать свои услуги потенциальным потерпевшим. В среднем за один «белый» военный билет, якобы освобождающий от мобилизационных мероприятий, преступники требуют около 1 000 долларов.

² Паблик — это публичная страница. Как правило, слово употребляется в контексте, связанном с социальными сетями. URL: <https://vdoh.ru/chto-takoe/public> (дата обращения: 23.09.2022).

В Минцифры отметили, что всплеск таких рассылок и появление фишинговых сайтов, как правило, наблюдается в течение суток с момента любой значимой информационной волны. Во время пандемии коронавируса преступники продавали поддельные сертификаты о вакцинации. Когда с российского рынка начали уходить иностранные компании, такие как IKEA, мошенники начали распродавать товары этого бренда. И вот теперь новая возможность быстро заработать — частичная мобилизация. Мошенники при этом требуют фотографию приписного удостоверения, собирая, таким образом, огромные базы данных с чужими контактами и адресами. В личной переписке преступники, обладая прекрасными знаниями в области психологии, играют на страхе и переживаниях людей. Они утверждают, что через день цены на «белые» военные билеты резко возрастут и предлагают срочно «решить вопрос», ни в коем случае не обращаясь в военкомат.

Классические же мошенники сами выходят на потенциальных жертв. Так, известному столичному адвокату Сергею Жорину позвонили мошенники и сообщили: «Юрий Александрович, Вы оказались в списках первичной мобилизации. У меня есть доступ к Вашему делу, и я могу убрать из списков первичной мобилизации во вторую очередь. Цена вопроса — 120 тысяч рублей»¹.

Безусловно, рассмотренные нами способы совершения мошенничества посредством социальной инженерии не являются исчерпывающими. С учетом изменяющейся экономической ситуации в стране, внешнеполитических обстоятельств мошенники изобретают все новые способы обмана людей.

Представляется, что одной из перспективных мер предупреждения указанной категории преступлений должно стать принятие закона о возмещении банками ущерба, причиненного злоумышленниками.

Более половины банков, не имевших к началу 2020 г. систем по предотвращению утечек и мониторингу событий безопасности, внедрили их к концу 2021 г. В перспективе это позволит даже небольшим финансовым организациям лучше защищать клиентские данные и денежные средства.

¹ Мошенники делают деньги на паникующих из-за мобилизации. URL: <https://www.vesti.ru/article/2957527> (дата обращения: 23.09.2022).

Как утверждают эксперты, внешним хакерам будет все сложнее попасть в банк, число проникновений снизится по сравнению с 2020 г. минимум на 75 %, и актуальными останутся только описанные выше методы социальной инженерии и внутренние нарушения в банках².

В целях предупреждения совершения мошенничеств банки рекомендовали своим клиентам устанавливать определитель номера, чтобы отличать мошеннические звонки от настоящих, либо не отвечать на звонки с незнакомых номеров. При малейшем сомнении необходимо немедленно прекратить разговор.

Банк России ведет базу данных о случаях и попытках перевода денежных средств без согласия клиента. В ней аккумулируется информация от банков, в том числе о мошеннических счетах. Регулятор предлагает обязать банк-плательщик на два дня приостанавливать зачисление денег на такие счета³. Таким образом, у потенциальной жертвы появляется время обдумать и оценить совершаемые ей действия.

Минфин России внес в правительство законопроект о том, что Банк России и МВД России наладят оперативный обмен информацией по финансовым мошенникам, которые осуществляют переводы денежных средств без согласия клиента. Документ вносит изменения в Федеральные законы «О национальной платежной системе» от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ и «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 395-1⁴. Цель данных изменений — совершенствование информационного взаимодействия Банка России и МВД России по вопросам, связанным с возбуждением уголовных дел и расследованием преступлений по фактам мошенничества при осуществлении переводов денежных средств.

² Подставные лица. Эксперт по информационной безопасности Евгений Царев — о новых финансовых угрозах, с которыми россияне могут столкнуться в 2022 году. URL: <https://iz.ru/1269080/evgenii-tcarev/podstavnyye-litca> (дата обращения: 05.07.2022).

³ Какие методы борьбы с мошенничеством предлагает внедрить Банк России. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10971533> (дата обращения: 23.09.2022).

⁴ Банк России и МВД наладят оперативный обмен информацией по мошенникам. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2022/06/03/925072-bank-rossii-i-mvd-naladyat-operativnii-obmen-informatsiei-po-moshennikam> (дата обращения: 12.07.2022).

Эффективным способом профилактики, пресечения и раскрытия преступлений в сфере финансового мошенничества с платежными банковскими картами, по мнению разработчика поправок, могло бы стать оперативное взаимодействие МВД России с Центробанком.

Проблема заключается в том, что уголовно-процессуальный закон четко определяет сроки возбуждения уголовного дела и требует незамедлительного принятия решения по материалу проверки. А кредитные организации могут исполнять запросы сотрудников правоохранительных органов в течение 30 дней, что часто препятствует проведению неотложных следственных действий, оперативно-разыскных мероприятий и иных процессуальных действий. В связи с этим происходит затягивание принятия решения по материалам проверок до 3—4 месяцев, что существенно снижает раскрываемость преступлений.

Для повышения эффективности борьбы с мошенничеством с банковскими картами Министерство финансов Российской Федерации предлагает внести в ст. 27 (Обеспечение защиты информации в платежной системе) Федерального закона «О национальной платежной системе» от 27 июня

2011 г. № 161-ФЗ дополнения в части, касающейся передачи органами предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве, в Банк России сведений о возбуждении уголовных дел, связанных со случаями и попытками осуществления переводов денежных средств без согласия клиента, а также в части права указанных органов получать от Банка России информацию, содержащуюся в базе данных о случаях и попытках осуществления переводов денежных средств без согласия клиента¹.

Информационный обмен между МВД России и Центральным банком Российской Федерации будет осуществляться на основе двусторонних соглашений, которые определяют форму и порядок взаимодействия. Предполагается, что оперативный обмен данными будет осуществляться посредством технологической инфраструктуры Банка России².

Таким образом, информация о способах совершения мошенничества методом социальной инженерии в современных условиях может помочь следователю в выдвижении следственных версий, планировании расследования, установлении личности преступника и его розыске, что будет способствовать полному, всестороннему и объективному расследованию преступления.

Сычева Анна Викторовна,
старший преподаватель
кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
anna002@yandex.ru

Sycheva Anna Viktorovna,
senior lecturer at the department
of criminalistics
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
anna002@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 06.10.2022; одобрена после рецензирования 18.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 06.10.2022; approved after reviewing 18.10.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

¹ Банк России и МВД России наладят информационный обмен для раскрытия схем мошенничества с банковскими картами: проект. URL: <https://www.garant.ru/news/1484926/> (дата обращения 20.07.2022).

² Там же.

УДК 343.102

doi: 10.25724/VAMVD.A066

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ДИСКРЕДИТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Наталья Геннадьевна Корнаухова*, Павел Геннадьевич Новичихин**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

* nkornaukhova@mvd.ru

** p_chih@mail.ru

Аннотация. Сотрудники органов внутренних дел постоянно находятся под пристальным вниманием средств массовой информации и общественности, целенаправленные действия которых по подрыву авторитета и доверия путем распространения в медиапространстве недостоверных сведений об их деятельности могут квалифицироваться как дискредитация правоохранительных органов. Авторами перечислены наиболее частые формы такой дискредитации, рассмотрены основные задачи по защите чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел, исследованы трудности, возникающие у сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел, по противодействию такой дискредитации. Освещены вопросы правового регулирования организации защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел в связи с осуществлением ими служебной деятельности, а также деловой репутации подразделений системы МВД России. Проведен подробный анализ ведомственного нормативного правового акта, регулирующего правоотношения в рассматриваемой сфере, на основе которого авторами сделан вывод о том, что с целью повышения уровня доверия населения к органам правопорядка необходима переработка его отдельных положений.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, средства массовой информации, видеохостинг, защита чести, достоинства и деловой репутации, Интернет, мониторинг, сотрудники оперативных подразделений, дискредитация, компрометирующая информация

Для цитирования: Корнаухова Н. Г., Новичихин П. Г. Деятельность оперативных подразделений МВД России по противодействию дискредитации сотрудников органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 133—138. doi: 10.25724/VAMVD.A066

ACTIVITY OF THE POLICE TASK UNITS OF THE INTERIOR MINISTRY OF RUSSIA TO COUNTERACT POLICE OFFICERS DISCREDIT

Natalya Gennadyevna Kornaukhova*, Pavel Gennadyevich Novichikhin**

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

* nkornaukhova@mvd.ru

** p_chih@mail.ru

Abstract. Police officers are constantly under careful attention of both the media and the public whose purposeful actions to loose authority and trust by distributing misleading information related to the activities of police officers in the media can be qualified as law enforcement agencies discredit. The authors of the article list the most common forms of such discrediting activity, consider the main tasks to protect honor and dignity of police officers as well as examine difficulties they face to counteract discredit. The authors also highlight the issues related to legal regulation of the organization to protect honor, dignity and reputation of police officers in connection with their official activities as well as the reputation of the units of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The detailed analysis of the departmental normative legal act regulating legal relations in the mentioned area is made and based on it the authors of the article conclude that in order to increase the level of public confidence in the law enforcement agencies it is necessary to revise the individual provisions of the latter.

Keywords: detective activity, mass media, video hosting, protection of honor, dignity and reputation, Internet, monitoring, police officers, discredit, incriminating information.

For citation: Kornaukhova N. G., Novichikhin P. G. Activity of the police task units of the Interior Ministry of Russia to counteract police officers discredit. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 133—138, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A066

Появившееся в XIX в. словосочетание «четвертая власть» в настоящее время все еще не теряет своей актуальности. Разница лишь в том, что прежде это выражение относилось исключительно к журналистской деятельности. Т. В. Науменко характеризует данное понятие следующим образом: «Воздействуя посредством массовой информации на общественное мнение как состояние массового сознания, массовые коммуникации способствуют тем самым наилучшей реализации целей субъектов социальных интересов. Этот факт послужил основанием возникновения термина „четвертая власть“, наделяющего массовые коммуникации некими особыми властными полномочиями»¹.

Развитие средств массовых коммуникаций в современной России не вызывает ни у кого вопросов. Сейчас тяжело представить нынешнего человека без телефона, который бы игнорировал видеохостинги и различные мессенджеры. В геометрической прогрессии появляются новые возможности передавать информацию между людьми, группами, сообществами, социумами.

Коммуникативные технологии, детерминированные информационно-телекоммуникационной сетью, в современном обществе нередко определяют общественные настроения, обосновывая происходящие в нем процессы и явления. Между тем качество передаваемой информации, ее объективность, корректность ушли на второй план. Единственное неизменное правило, оставшееся за всеми журналистами и их «псевдозаменителями», — это борьба за зрителя (слушателя), из-за чего, как нам представляется, современные правила этой медийной стратегии уже не совпадают с такими добродетелями, как скромность, чувство долга перед читателем, беспристрастность и честность.

В условиях бурного развития систем мгновенного обмена сообщениями, «интернетизации» и возможности доступа практически каждого человека к системам мгновенных онлайн-сообщений важным фактором является своевременное реагирование на компрометирующие сведения в отношении как МВД России в целом, так и отдельных

сотрудников органов внутренних дел, а также поиск источника неверной информации оперативными подразделениями министерства. Хочется оговориться, что проблемы дискредитации сотрудников системы МВД России заключаются в распространении порочащей информации не только лицами вне системы, но и, как бы тяжело это ни звучало, самими сотрудниками органов внутренних дел [1, с. 154—157].

В связи с вышеизложенным видятся актуальными «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы», утвержденная 9 мая 2017 г. Указом Президента Российской Федерации № 203², и приказы МВД России, изданные в 2018 г.³ и позволившие наиболее четко разработать алгоритм подготовки и размещения информации о деятельности МВД России в сети Интернет, а также порядок защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел России.

По нашему мнению, целью разработки указанных нормативных правовых актов явилось повышение эффективности оказания правовой помощи сотрудникам, федеральным государственным гражданским служащим и работникам МВД России, подчиненных территориальных органов МВД России на различных уровнях, казенных учреждений по защите их чести и достоинства в связи с осуществлением служебной (трудовой) деятельности; организации защиты деловой репутации всей сис-

² См.: О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1> (дата обращения: 21.10.2022).

³ О Порядке подготовки и размещения информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (с изм. и доп.): приказ МВД России от 26 февраля 2018 г. № 109. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об организации защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России в связи с осуществлением ими служебной деятельности, деловой репутации подразделений системы МВД России: приказ МВД России от 19 декабря 2018 г. № 850. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Науменко Т. В. «Четвертая власть» как социологическая категория // Интелпрос. URL: http://www.intelpros.ru/2007/07/06/print:page,1,tv_naumenko_chetvertaja_vlast_kak_sociologicheskaja_kategorija.html (дата обращения: 10.10.2022).

темы МВД России ввиду распространения не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию. Кроме того, на их основе в территориальных органах внутренних дел на уровне субъектов также могут создаваться локальные приказы, дополняющие основные положения.

Еще одной целью издания рассматриваемых нормативных правовых актов и, как мы считаем, предпосылкой послужило то, что с 2012 г. организация работы по указанному направлению деятельности не претерпевала каких-либо изменений¹. Стоит отметить, что системы мгновенного обмена сообщениями и возможности информационно-коммуникативной сети Интернет в этот период весьма активно развивались.

Интересно, что в приказе МВД России от 19 декабря 2018 г. № 850 «Об организации защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России в связи с осуществлением ими служебной деятельности, деловой репутации подразделений системы МВД России» (далее — приказ МВД России 2018 г. № 850) оговариваются те же задачи по защите чести и достоинства, что и в ранее действующем:

а) мониторинг СМИ, сети Интернет, мессенджеров и т. п. в целях выявления рассматриваемых событий;

б) проведение проверок по данным фактам (служебных, процессуальных);

в) принятие законного решения;

г) восстановление права.

Анализ научной литературы и нормативных источников показывает, что наиболее частыми формами дискредитации являются:

а) обнародование не соответствующих действительности порочащих сведений в СМИ, в том числе теле- и радиоэфире, сети Интернет, мессенджерах;

б) добровольное заблуждение или чрезмерное использование гражданами права на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления;

в) создание провоцирующих ситуаций в отношении сотрудников органов внутренних дел (ДТП, получение взятки, иное аморальное поведение).

Данные формы и виды дискредитации сотрудников органов внутренних дел неоднократно под-

робно были проанализированы Н. Н. Дьяченко [2, с. 55—59; 3, с. 335—340; 4, с. 108—113]. Однако в них не была оговорена еще одна форма, выражающаяся в виде умышленных действий самих сотрудников органов внутренних дел по отношению к коллегам, совершаемых в собственных корыстных целях и для получения иных благ².

В связи с этим федеральные законы «О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ и «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30 декабря 2020 г. № 513-ФЗ, по нашему мнению:

а) усилили борьбу с дискредитацией сотрудников полиции в частности и министерства в целом;

б) «перенастроили» отдельную категорию граждан, безнаказанно обвинявших полицию в субъективно вымышленных ими фактах, а также дававших неприемлемые комментарии в силу юридической безграмотности;

в) усилили самоконтроль у владельцев сетей и видеохостингов, так как могут быть последствия юридического характера (ч. 2 ст. 158 УК РФ или ст. 29.13 КоАП РФ);

г) придали явно прогрессирующую направленность противодействию дискредитации сотрудников органов внутренних дел.

Переходя к изучению содержания приказа МВД России 2018 г. № 850, остановимся на следующих моментах:

1. Ни в самом приказе, ни в утверждаемом им Порядке мы не встретили алгоритм регистрации рапорта или заявления сотрудника. Исходя из этого положения, получается, что если в рапорте (заявлении) усматриваются признаки административного или уголовно наказуемого деяния, то должна быть назначена и проведена процессуальная проверка в соответствии с требованиями УК РФ и приказа МВД России «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» от 29 августа 2014 г. № 736.

В связи с этим возникает ряд вопросов: кто будет осуществлять указанные процессуальные проверки и кто будет принимать по ним решения? Со-

¹ Вопросы организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации в системе МВД России: приказ МВД России от 2 октября 2012 г. № 900. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² В Волгограде отстранили от должности матерящегося на подчиненных главу районного ОВД. URL: <https://www.volgograd.kp.ru/online/news/1496795/> (дата обращения: 21.10.2022).

трудники Следственного комитета Российской Федерации вряд ли возьмут на себя такие обязательства, если в материалах нет коррупционной составляющей или сведений о должностных проступках в деятельности сотрудников полиции. Представители этого ведомства, исходя из практической составляющей, перед тем как принять решение по материалу, всегда требуют от органа внутренних дел проведенную служебную проверку в отношении того или иного сотрудника полиции, назначать которую согласно п. 15 Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом от 26 марта 2013 г. № 161 (далее — приказ МВД России 2013 г. № 161), имеет право только соответствующий руководитель.

Как следствие, данные проверки, с нашей точки зрения, логично проводить сотрудникам подразделений собственной безопасности, так как в их полномочия входит и проведение служебных проверок. Это позволит аккумулировать выявленные факты в одном подразделении. Однако сроки проведения процессуальной проверки в соответствии со ст. 144 УПК РФ не позволяют принять объективное и законное решение, в связи с чем вынесение постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел заметно скажется на общей результативности подразделений. Кроме того, возвращение материалов на дополнительную проверку сотрудниками прокуратуры и исполнение указаний прокуроров будут сильно отвлекать от исполнения прямых обязанностей и не сыграют положительную роль в борьбе с профилактикой, выявлением правонарушений и преступлений среди личного состава. Таким образом, указанные процессуальные проверки будут просто «спускаться» в территориальный отдел полиции для принятия решения, подменяя понятие «правовой помощи» дополнительной нагрузкой на коллег.

Кроме того, привлечение лица, обнародовавшего компрометирующие факты в отношении сотрудников полиции, к уголовной ответственности за заведомо ложные доносы (ст. 306 УК РФ) вообще представляется маловероятным, дело не будет иметь судебной перспективы, так как лицо никем не предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

Если же из рапорта (заявления) сотрудника явно не усматриваются признаки административного или уголовно наказуемого деяния, то проверка должна быть проведена в соответствии с требованиями

приказа МВД России «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» от 12 сентября 2013 г. № 707. В указанном случае все проще: обращение регистрируется, рассматривается в подразделении по работе с личным составом или подразделении собственной безопасности. Одновременно проводится служебная проверка в соответствии с требованиями приказа МВД России 2013 г. № 161. В случае неподтверждения фактов проверка считается неподдержанной. При подтверждении фактов, указанных в рапорте (заявлении), мы возвращаемся к проблеме процессуальной проверки, обозначенной выше.

2. Видеоролики, фотографии или иная информация, носящая компрометирующий характер, часто размещаются на видеохостингах: Телеграмм-каналах, YouTube, Dailymotion, Vzaar, Vimeo, Metacafe, Видео Mail.Ru, Myvi.ru, Toxicbun, Vimple и других. Видеохостинг — это сервис для просмотра и добавления видеороликов в браузере через специальный плеер¹. Видеохостинги заменяют собой телевидение и позволяют пользователям бесплатно смотреть любой контент без необходимости скачивания его на компьютер. Отметим, что установление лица, разместившего видеоролик или создавшего и зарегистрировавшего какой-либо сайт, проведение в отношении него технических мероприятий относятся к компетенции специальных подразделений системы МВД России, а задание для проведения таких мероприятий фактически имеет право выдать уполномоченное на то должностное лицо органов внутренних дел на уровне субъекта. Наряду с этим серверы компаний, хранящих такую информацию, расположены за пределами территории России, в связи с чем установить лиц, разместивших компрометирующие факты, не представится возможным по техническим причинам.

3. Выполнение объема работы, о которой сказано в предыдущем пункте, возможно, на наш взгляд, преимущественно в отношении высокопоставленных должностных лиц органов внутренних дел на уровне субъекта. Маловероятно, что при установлении фактов, порочащих честное имя участкового уполномоченного полиции в районном отделе полиции при рассмотрении им какого-либо заявления, отработка этой информации приобретет

¹ Топ-10 лучших видеохостингов в России и в мире // Postium. URL: <https://postium.ru/top-10-luchshix-videoxostingov-v-rossii-i-v-mire/> (дата обращения: 22.10.2022).

масштаб полноценной проверки, так как при ее реализации возникнет большое количество практических проблем.

4. Требования приказа МВД России 2018 г. № 850, на наш взгляд, мало применимы к художественным произведениям, а именно произведениям киноискусства. В нашем понимании фильм представляет собой результат художественного творчества его автора, в основе которого может лежать и вымышленный сюжет. В связи с этим имеющиеся в широком прокате видеофильмы или те, которые только еще будут выпущены в прокат, где высмеиваются сотрудники полиции в лице главного героя¹ или подразделения в целом² с негативной стороны, не будут запрещены к просмотру по причине художественного вымысла.

По нашему мнению, во избежание создания негативного образа сотрудников полиции стоит обратиться к административному регулированию данной проблемы, а именно привлечению виновных лиц к административной ответственности по ст. 17.12 КоАП РФ (незаконное ношение форменной одежды со знаками различия, с символикой государственных военизированных организаций, правоохранительных или контролирующих органов) с подробным видеоотчетом по данному факту сотрудников УОС МВД России.

Подводя итоги, отметим, что деятельность оперативных подразделений МВД России по противодействию распространению компрометирующих материалов в СМИ, информационно-телекоммуникационной сети Интернет или системах мгновенного обмена сообщениями, содержащих недостоверные или порочащие честь и достоинство сведения о деятельности органов, организаций, подразделений системы МВД России, а также об их должностных

лицах, — это комплексная ведомственная деятельность, имеющая регулятивную, правоохранительную, правотворческую и превентивную функции, где оперативные подразделения МВД России играют важнейшую роль в поиске и документировании противоправной деятельности предполагаемых нарушителей в целях поддержания делового имиджа органов внутренних дел, необходимого для выполнения поставленных перед ними задач и осуществления предоставленных полномочий. Вступившие в силу изменения в ст. 128.1 УК РФ, а также ст. 5.61 и 5.61.1 КоАП РФ в части, касающейся криминализации публичных клеветнических и оскорбительных выступлений и высказываний в информационно-телекоммуникационных сетях, благоприятно, как нам представляется, скажутся на «оздоровлении» негативно настроенной части общества, что в итоге будет приводить к снижению дискредитации Министерства внутренних дел Российской Федерации в целом и сотрудников органов внутренних дел в частности.

Рассмотренный приказ МВД России 2018 г. № 850, по нашему мнению, имеет ряд существенных теоретических и практических недостатков, среди которых следует отметить: а) отсутствие алгоритма регистрации и рассмотрения рапортов (заявлений) сотрудников по защите чести и достоинства; б) длительность проведения проверок и привлечение к их проведению специалистов оперативных подразделений органов внутренних дел; в) праксиологически обоснованную ограниченность круга лиц правовой помощи; г) неприкладной характер по отношению к художественным произведениям, дискредитирующим имидж МВД России и его сотрудников. Все это говорит о необходимости переработки отдельных положений данного нормативного правового акта МВД России.

1. Дьяченко Н. Н. Современное состояние противодействия дискредитации сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 154—157.

2. Дьяченко Н. Н. Формы и виды дискредитации сотрудников органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2013. № 3. С. 55—59.

1. Diyachenko N. N. Current state to counteract police officers discredit. Journal of the Moscow University of the Interior Ministry of Russia, 154—157, 2015. (In Russ.).

2. Diyachenko N. N. Forms and types of police officers discredit. Scientific Portal of the Interior Ministry of Russia, 55—59, 2013. (In Russ.).

¹ Самый лучший день. Караоке-комедия // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eqUA9Y4PHL8> (дата обращения: 22.12.2020).

² См.: Полицейский с Рублевки — комедийный сериал от канала ТНТ // Premier. URL: <https://premier.one> (дата обращения: 22.12.2020).

3. Дьяченко Н. Н. О результатах работы подразделений собственной безопасности МВД России в сфере противодействия дискредитации, имеющихся проблемах и путях их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 335—340.

4. Дьяченко Н. Н. Предупреждение дискредитации сотрудников органов внутренних дел силами, средствами и методами оперативно-разыскной деятельности // Алтайский юридический вестник. 2019. № 2 (26). С. 108—113.

Корнаухова Наталья Геннадьевна,
заместитель начальника кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
nkornaukhova@mvd.ru

Новичихин Павел Геннадьевич,
старший преподаватель кафедры
конституционного и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
p_chih@mail.ru

3. Diyachenko N. N. On results of activity of the departments of internal security of the Interior Ministry of Russia related to counteract discredit, existing problems and ways to solve them. Journal of the Moscow University of the Interior Ministry of Russia, 335—340, 2014. (In Russ.).

4. Diyachenko N. N. Prevention of police officers discredit by forces, means and methods of detective activity. Legal Bulletin of Altay, 108—113, 2019. (In Russ.).

Kornaukhova Natalya Gennadyevna,
deputy head of department
of the detective activity
and special technic equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
nkornaukhova@mvd.ru

Novichikhin Pavel Gennadyevich,
senior lecturer at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
p_chih@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.10.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 21.10.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

УДК 343.102
doi: 10.25724/VAMVD.A067

ВОЗРАСТ СОДЕЙСТВИЯ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Андрей Иванович Тамбовцев*, **Николай Владимирович Павличенко****

* bestcopat@mail.ru

** Сочинский институт (филиал) РУДН, Сочи, Россия, pavlichenko.pro@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается возраст привлечения лица к содействию (сотрудничеству) оперативно-разыскным органам как правовая категория. Для объективности выводов и предложений авторы сравнили требования, предъявляемые к возрасту участников уголовного процесса, и аналогичные требования, предъявляемые законодателем к возрасту содействующих оперативно-разыскным органам лиц. В результате сравнительного анализа авторы пришли к выводу, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации допускает использование процессуальной помощи лиц моложе 14 лет без определения нижней границы возраста, т. е. условно с 6—7 лет, когда среднестатистический человек становится способным увидеть (услышать), запомнить и воспроизвести (пересказать) увиденное, возможно, даже без понимания истинной сути события. В противовес этому, несмотря на необходимость снижения нижней возрастной границы в оперативно-разыскной практике, оперативно-разыскное законодательство четко регламентирует возрастной критерий 16—18 лет для разного вида содействия граждан, что требует корректировки позиции законодателя и внесения соответствующих изменений в оперативно-разыскной закон.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, уголовный процесс, возраст, содействие, сотрудничество, свидетель, понятой, участник, конфиденгент

Для цитирования: Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Возраст содействия органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, как правовая категория // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 139—145. doi: 10.25724/VAMVD.A067

THE AGE OF COACTING TO THE AGENCIES CARRYING OUT OPERATIVE INVESTIGATIVE ACTIVITY AS A LEGAL CATEGORY

Andrei Ivanovich Tambovtsev*, **Nikolay Vladimirovich Pavlichenko****

* bestcopat@mail.ru

** Sochi Institute (branch) of the RUDN, Sochi, Russia, pavlichenko.pro@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the researching of the age of involvement of a person in assistance (cooperation) by authorities, carrying out crime detection (operative investigative activity) as a legal category. For the objectivity of the conclusions and proposals, the authors have compared the requirements for the age of the criminal procedure participants and the requirements for the age of persons, assisting the crime detection (operative investigative) bodies. As a result of the analysis, the authors came to the conclusion, that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation allows the usage of the assistance of persons under 14 years of age. Criminal Procedure Code is not determining the lower age limit, and allows to use assistance of criminal procedure participants since conditionally from the age of 6—7 years, when the average person becomes able to see (hear), remember and reproduce (retell) what he saw, perhaps even without recognizing the truth of the main events. In opposite, despite the need to lower the lower age limit in the intelligence practice the crime detection (operative investigative) legislation strictly limits the age of informants by the 16 or 18 years old for different kinds of coactivity, which requires adjusting the position of the legislator and making appropriate changes to the operative-search law.

Keywords: operative investigative activity, criminal procedure, age, coactivity, cooperation, witness, attesting witness, participant, confidential informant

For citation: Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V. The age of coacting to the agencies carrying out operative investigative activity as a legal category. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 139—145, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A067

Существующее сегодня двойственное (более того — не просто двойственное, а множественно-противоречивое) отношение законодателя к возрасту лица, оказывающего ту или иную помощь правоохранительным органам, по нашему убеждению, является парадоксальной особенностью современного российского состояния нормативно-правового регламентирования оперативно-разыскной деятельности в целом и ее негласной составляющей в частности.

Краеугольным камнем наших рассуждений является разделяемая нами точка зрения профессора В. Т. Томина относительно форм помощи граждан государству в борьбе с преступностью: «...Можно видеть процессуальные и непроцессуальные формы оказания ими помощи и содействия в борьбе с преступностью» [1, с. 23]. Очевидно, что процессуальная форма оказания помощи охватывает таких участников процесса, как свидетель и понятой, а непроцессуальная — всех лиц, оказывающих содействие в контексте ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — Закон об ОРД).

Вместе с тем, отвлекаясь от обсуждения двух вышеуказанных категорий, считаем, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) упоминает не все категории лиц, оказывающих процессуальную помощь. Кроме упомянутых «активных» участников уголовного процесса (а именно свидетель и понятой), к лицам, оказывающим процессуальную форму помощи, по нашему убеждению, должны быть отнесены «статисты».

И хотя оказываемая ими помощь является исключительно пассивной, тем не менее данная категория лиц считается обязательной и незаменимой для проведения следственного действия по ст. 193 УПК РФ «Предъявление для опознания» и отчасти — следственного действия по ст. 194 УПК РФ «Проверка показания на месте». Участники (статисты) данных следственных действий гипотетически могут быть в дальнейшем допрошены следователем или судьей об их ходе и результатах, а потому должны быть включены в рассматриваемый перечень и, соответственно, в УПК РФ. Более того, в контексте изучения именно возрастных критериев участников процессуальной и непроцессуальной помощи можно увидеть некоторые парадоксальные ситуации в позиции законодателя.

Так, представим себе ситуацию проведения следственного действия «Предъявление для опознания» по факту убийства (особо тяжкого преступления), совершенного лицом четырнадцати лет, т. е. нижней возрастной границы рассматриваемого деликта. Согласно п. 4 ст. 193 «Предъявление для опознания» УПК РФ «лицо предъявляется для опознания вместе с другими лицами, по возможности внешне сходными с ним. Общее число лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех». Фактически следователь обязан подобрать статистов аналогичного возраста — четырнадцати лет, и их участие в следственном действии будет не просто легитимным, но и порождообразующим фактом. Иными словами, в данном случае закон допускает (фактически закон не просто допускает, а требует этого) использование процессуальной помощи несовершеннолетних лиц. Но при этом алогично и иррационально запрещает использование непроцессуальной помощи лиц того же самого возраста. Авторы, увы, не находят объяснений подобной позиции законодателя!

Статья 60 «Понятой» УПК РФ категорично лимитирует возраст понятых совершеннолетием. К тому же вспомогательно-процессуальный функционал понятого (осуществляемый исключительно гласно) и функционал свидетеля и конфиденанта отличаются формой реализации, юридическим статусом, итоговым доказательственным потенциалом, но схожи по своей природе — предоставлению информации. В связи с этим понятой, как одна из гласных процессуальных форм оказания помощи правосудию, нами рассматриваться не будет.

Продолжая далее сравнительное исследование категорий «свидетель» и «конфидент» и соотнося функциональную и содержательную составляющую оказываемой ими помощи, следует признать, что помощь свидетеля и конфиденанта функционально является фактически равнозначной и выражается в предоставлении имеющихся сведений правоохранительным органам. Это, с одной (процессуальной) стороны, закреплено в тексте ст. 56 «Свидетель» УПК РФ, которая гласит, что «свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний...», а с другой (оперативно-разыскной) стороны, научное сообщество фактически единодушно видит сущность негласного

содействия в «получении оперативно-значимой информации и передаче ее представителю оперативно-розыскного органа» (см., напр.: [2]). Однако формат предоставления информации указанными субъектами и обусловленный этим ее доказательственный статус и процессуальное положение лица, ее предоставившего, разительно отличаются, но суть помощи заключается в одном — предоставлении информации, которой лицо обладает в силу неких сложившихся обстоятельств. Кроме того, само содержание информации может быть абсолютно идентичным. Но при этом требования (в том числе возрастные), предъявляемые государством к свидетелю и конфиденнту, необоснованно различны. Сравним их.

Прежде всего, ст. 56 «Свидетель» УПК РФ определяет свидетеля как «лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний». Очевидно использование в законе совершенно нейтрального термина «лицо», без каких-либо уточнений. Никакие ограничения по возрасту, дееспособности или вменяемости данного лица в статье не указаны. Фактически это является первым и наиболее общим законодательным «признанием» безразличия / индифферентности нормотворцев к возрасту свидетеля и определяемой возрастом дееспособности (о дееспособности лиц, содействующих правоохранительным органам, будет сказано далее). Таким образом, согласно положениям данной статьи УПК РФ, в качестве свидетеля может быть допрошено абсолютно любое лицо. Никаких запретов (в том числе возрастных) этому нет.

Статья 188 «Порядок вызова на допрос» УПК РФ, конкретизируя предшествующее положение, гласит, что «лицо, не достигшее возраста шестнадцати лет, вызывается на допрос через его законных представителей либо через администрацию по месту его работы или учебы». Тем самым допускается возможность предоставления информации следствию лицом 16 лет и моложе. Более того, согласно предписаниям данной нормы лица старше 16 лет вызываются на допрос в общем порядке. Но в рамках нашей работы важен акцент на указанном в законе возрасте — шестнадцатилетний подросток уже может быть вовлечен в уголовный процесс в качестве свидетеля со всеми вытекающими для него последствиями.

Отсутствие нижнего возрастного порога свидетеля еще более конкретизируется в ст. 191 «Особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля» УПК РФ, определяющей,

что допрос потерпевшего или свидетеля в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению следователя и допрос потерпевшего и свидетеля в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет проводятся с участием педагога. Практически то же самое определено и в ст. 280 «Особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля» УПК РФ, регламентирующей порядок проведения судебных заседаний.

Не обозначив нижнего возрастного предела и не предусмотрев прямых запретов на допрос в качестве свидетеля лица моложе определенного возраста, УПК РФ фактически декларировал право допрашивать в качестве свидетеля любое лицо моложе четырнадцати лет, т. е. даже ребенка с младенческого возраста. Но это объективно возможно в достаточно ограниченном количестве случаев в силу особенностей психофизиологического развития любого ребенка и формирования у него способности к восприятию информации, ее запоминанию и воспроизведению лишь к конкретному возрасту. К тому же оценку объективности показаний такого свидетеля будет уже давать суд, который может поставить под сомнение адекватность свидетеля в связи с его малолетним возрастом и обоснованной этим психологической или ментальной незрелостью и признать недопустимым использование показаний в качестве доказательств. Тем не менее считаем важным отметить эту позицию законодателя.

Основываясь на положениях психологии об этапах развития ребенка, можно констатировать, что детям младшего школьного возраста (от шести до одиннадцати лет) уже свойственны те или иные черты их действий (активности), обусловленные определенной возрастной зрелостью и позволяющие фиксировать в памяти и воспроизводить события: интенсивное развитие интеллектуальной и речевой сферы; развитие произвольного внимания и памяти, ориентировки в окружающем мире; умение действовать по образцу, по правилам; стремление к самоутверждению и признание со стороны взрослых и сверстников; активно осваивает навыки общения, умения завязывать и поддерживать дружеские контакты; формируются навыки самоконтроля; ролевая идентификация¹.

Способности детей в указанном возрасте к восприятию информации и ее последующей адекватной передаче в ходе беседы (допроса или опроса)

¹ Основные этапы психического развития ребенка от 0 до 18 лет. URL: <http://www.4gp.by/informatsiya/novosti/1151-osnovnye-etapy-psikhicheskogo-razvitiya-rebenka-ot-0-do-18-let> (дата обращения: 23.11.2020).

достаточно аргументированно доказаны в научных трудах по психологии (см., напр.: [3]), а процессуальные особенности допроса лиц рассматриваемого малолетнего возраста также обстоятельно проанализированы в работах процессуалистов (см., напр.: [4]). Оснований не доверять результатам указанных исследований у нас нет. К тому же практический опыт (наш и многих наших коллег) показывает, что в качестве свидетелей (и потерпевших) могут быть вполне результативно допрошены дети в возрасте шести-семи лет. Более того, проведенный нами опрос психологов системы МВД и действующих (практикующих) «гражданских» психологов показал, что к рассматриваемой деятельности (запоминание и воспроизводство информации) дети способны уже с двух лет. И хотя нам неизвестны случаи привлечения детей такого возраста в качестве свидетелей (и вообще в качестве источников даже разовой отрывочной информации), тем не менее, согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, прямых запретов нет, а потому можно считать, что это гипотетически возможно и абсолютно легитимно. Но с другой стороны, если лицо (ребенок) такого малого возраста вдруг станет жертвой преступления и будет признано потерпевшим, то его как минимум попытаются допросить об обстоятельствах. Это может быть расценено как изначальное доверие законодателя показаниям любого лица независимо от возраста.

Вышеизложенное подтверждает способность большинства детей в указанном нами возрасте (фактически с шести лет) адекватно чувственно или коммуникативно воспринимать, оценивать (по крайней мере частично, в рамках своего жизненного опыта) и достаточно подробно и детализированно передавать (пересказывать) информацию. Иначе говоря, шестилетний ребенок может вполне адекватно описать увиденное им событие или пересказать услышанное (чью-то беседу). Таким образом, УПК РФ допускает использование процессуальной помощи лиц моложе четырнадцати лет без определения нижней границы возраста, т. е. условно с шести-семи лет, когда среднестатистический человек становится способным увидеть (услышать), запомнить и воспроизвести (пересказать) увиденное, возможно, даже без понимания истинной сути события.

Разумеется, наряду с внешними «отвлекающими и деструктивными» факторами окружающей среды и обстановки индивидуальное физическое или психическое состояние человека (ребенка) способно оказать значительное влияние на его способность воспринимать, оценивать и передавать информа-

цию, но считаем, что это является исключением из общего правила и оценивается следователем или судом в процессе непосредственного общения, из чего ими делается вывод о возможности дачи таким лицом показаний и использования данных показаний в качестве доказательств в процессе судопроизводства. Для подтверждения психофизиологического состояния ребенка, его ментальных, коммуникативных и иных способностей, важных для участия в судопроизводстве в качестве свидетеля, может быть запрошено мнение соответствующего специалиста — врача, психолога, педагога и пр. Однако принципиально важно одно: возрастного ограничения для свидетеля закон (УПК РФ) не устанавливает.

Еще более парадоксальными выглядят положения ст. 191 «Особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля» УПК РФ, определяющие, что «потерпевшие и свидетели в возрасте до шестнадцати лет не предупреждаются об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. При разъяснении указанным потерпевшим и свидетелям их процессуальных прав, предусмотренных соответствующими статьями 42 и 56 настоящего Кодекса, им указывается на необходимость говорить правду», и ст. 280 «Особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля» УПК РФ, также определяющие, что «перед допросом потерпевших и свидетелей, не достигших возраста шестнадцати лет, председательствующий разъясняет им значение для уголовного дела полных и правдивых показаний. Об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний эти лица не предупреждаются, и подписка у них не берется».

Положения обеих статей УПК РФ в данном конкретном случае фактически ситуативно ликвидируют институт уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний по отношению к несовершеннолетнему свидетелю (потерпевшему), как одну из немногих гарантий (наряду с безнадежно деградировавшими морально-нравственными и патриотическими идеалами и установками) правдивости показаний. А это, в свою очередь, полностью выравнивает доказательственный статус показаний указанного малолетнего свидетеля и любой оперативной информации, в том числе полученной от лица такого же малолетнего возраста. И в том и в другом случае у следствия нет гарантий достоверности информации, как, впрочем, и оснований для недоверия ее источнику. Однако если законодатель допускает

использование в судопроизводстве показаний свидетеля с подобными упущениями в требованиях к нему, то почему конфидент, доверие к которому, установленное множественными предыдущими фактами предоставления ценной информации и ранее продемонстрированным общим ответственным отношением к «работе», вызывает подобное «неприятие» со стороны УПК РФ и закона вообще?

Более того, УПК РФ допускает применение мер по сохранению конфиденциальности свидетеля (особенно малолетнего) и обеспечению его безопасности, фактически идентичных мерам оперативно-разыскной конспирации в полном объеме. Таким образом, в настоящее время при фактическом «выравнивании» функционального статуса несовершеннолетнего свидетеля и конфиденанта аналогичных возрастов и предусмотренных законом мер по обеспечению их конфиденциальности и безопасности законодатель тем не менее категорично разделяет их доказательственные статусы, создавая очередную искусственную правовую коллизию и лишая судопроизводство возможности решить свои задачи наиболее оптимальным и рациональным во всех отношениях методом.

В противопоставление данной позиции УПК РФ законодатель в тексте ст. 17 Закона об ОРД установил перечень требований (ограничений) к конфиденту, практически прямо противоречащих требованиям к свидетелю. Прежде всего, несмотря на формальное отсутствие среди общих требований к содействующему лицу возрастных критериев в ч. 1 ст. 17, подобное ограничение после многочисленных дискуссий теоретиков и практиков, дисциплинарных и судебных разбирательств в отношении оперативных сотрудников введено решением Верховного Суда России¹, признавшим легитимность использования негласного содействия на бесконтрактной основе (да и то в исключительных случаях!) только лиц не моложе шестнадцати лет органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, а значит — нелегитимность привлечения к такому содействию лиц младше указанного возраста. Приходится с глубоким сожалением признать, что современная оперативно-разыскная практика вынуждена следовать данному имплементированному запрету, несмотря на имеющуюся насущную необходимость привлечения к содействию более молодых (младше 16 лет) конфидентов, а также наличие желания и готовности

действующих оперативных сотрудников к решению этой задачи.

Кроме того, казалось бы, сам используемый в современном уголовном судопроизводстве формат официальных свидетельских показаний уже подвергает лицо (свидетеля) некоторому социально-правовому дискомфорту, а нередко и непосредственной опасности в виде противоправного давления со стороны фигурантов информации (преступников). Вместе с тем негласный характер и меры конспирации при получении оперативной информации практически сводят к нулю данный негативный фактор. В контексте сопоставления психологических состояний свидетеля и конфиденанта (особенно с учетом возраста) следует признать, что, придавая лицу статус свидетеля, закон автоматически ввергает его в сферу судопроизводства со всеми свойственными ему обязанностями, неудобствами, негативными последствиями, а порой и реальной опасностью, хотя и декларирует социальную (физическую и правовую) защиту в случае необходимости. В то время как при тех же самых обеспеченных законом социальных гарантиях конфиденциальное предоставление лицом информации и ее последующая реализация в ходе оперативных комбинаций часто фактически оставляют конфиденанта вне поля зрения преступников и вообще вне публичного уголовного судопроизводства. С учетом несовершеннолетнего или даже малолетнего возраста свидетеля или конфиденанта данный фактор представляется очень серьезным и актуальным. Однако считаем, что он игнорирован законодателями.

Обязательные ограничительные требования к свидетелю (а точнее — к информации, предоставляемой свидетелем) определены ст. 56 «Свидетель» УПК РФ и заключаются в запрете «давать заведомо ложные показания либо отказываться от дачи показаний; разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу...». В то же время, согласно ст. 17 «Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность» Закона об ОРД, лица, содействующие органам, осуществляющим ОРД, «обязаны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведения оперативно-разыскных мероприятий, и не вправе предоставлять заведомо ложную информацию указанным органам». Очевиден совершенно аналогичный характер указанных предписаний УПК РФ и Закона об ОРД.

В чем же принципиальная разница для законодателя между данными субъектами (свидетелем

¹ Постановление Президиума Верховного Суда от 21 января 2004 г. № 891п2003 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 8. С. 19—20.

и конфидентом) и информацией, предоставляемой ими в конечном счете для решения задач судопроизводства? Увы, кроме ставшей уже традиционной, но явно устаревшей процессуальной причины «невозможности проверить данные показания в суде», авторы не видят иных объективных детерминант позиции нормотворцев. Для наиболее яркой демонстрации нелогичности подхода законодателя предлагаем рассмотреть несколько гипотетический, но, тем не менее, возможный в реальности пример. При работе по раскрытию особо тяжкого преступления оперативным сотрудником выявлено малолетнее лицо (например, десяти-двенадцати лет), обладающее ценной оперативной информацией о преступнике, способной помочь в раскрытии преступления. Согласно действующему законодательству оперативному сотруднику категорически запрещено привлекать к негласному содействию выявленное им малолетнее лицо, вплоть до дисциплинарной ответственности оперативного сотрудника при нарушении этого запрета. В то же время такое лицо может быть признано свидетелем по уголовному делу и будет обязано давать показания независимо от своего малолетнего возраста (разумеется, с соблюдением соответствующих процедурных правил и ограничений). Однако наш опыт оперативной работы неумолимо говорит о том, что в подобных случаях родители обычно бывают категорически против участия их малолетнего ребенка в уголовном процессе, особенно если есть вероятность активного противодействия преступников.

Считаем подобную позицию законодателя нелогичной и внутренне противоречивой. Несомненно, официально даваемые показания (как правило, в психологически некомфортной для свидетеля формально «строгой» обстановке служебного кабинета или зала суда) влекут наисерьезнейшие правовые и иные социальные последствия для несколь-

ких лиц — подозреваемого / обвиняемого / подсудимого, его родных и близких, самого свидетеля и его родных и близких. И социально-психологические качества личности, обуславливающие правдивость информации, и ее допустимость как доказательства должны, несомненно, играть при этом значительную роль. Но если законодатель допускает дачу таких показаний лицом фактически без учета его возраста, то почему по отношению к источнику аналогичной оперативной информации (получаемой в легендированной форме или открыто, но в комфортной для источника обстановке) действуют настолько строгие возрастные ограничения? К сожалению, авторы не имеют аргументированного комментария к данной нелогичной позиции законодателя. Выход из указанной патовой ситуации нам видится исключительно в снятии подобных возрастных ограничений (запретов) на содействие лиц органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность.

Итак, проведя анализ подхода законодателя к определению возрастных критериев лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, и аналогичных критериев участников уголовного процесса, авторы пришли к интересным и неоднозначным выводам: с одной стороны, УПК РФ допускает использование помощи лиц моложе четырнадцати лет без определения нижней границы возраста, с другой — Закон об ОРД четко регламентирует возрастной критерий — шестнадцать-восемнадцать лет для разного вида содействия граждан. Указанные выводы необходимо довести до юридической общественности, заинтересованной в борьбе с преступностью, и учесть при своевременной корректировке действующего законодательства, тем самым упрощая работу правоприменителя и делая ее эффективнее.

1. Томин В. Т. Взаимодействие органов внутренних дел с населением в борьбе с преступностью. Омск: Ом. высш. шк. милиции, 1975. 177 с.

2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. В. Д. Карповича. 2-е изд., доп. и перераб. Москва: Юрайт-М: Новая Правовая культура, 2002. 959 с.; Смирнов М. П. Комментарий оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран: учеб. пособие. Москва: Экзамен, 2003. 544 с.; Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. Москва: Инфра-М, 2008. 832 с.; и др.

1. Tomin V. T. Interaction of internal affairs bodies with the population in the fight against crime. Omsk: Omsk Police High School; 1975: 177. (In Russ.).

2. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. Ed. by V. D. Karpovich. 2nd ed., add. and rev. Moscow: Uright-M: Novaya Pravovaya kultura; 2002: 959. (In Russ.); Smirnov M. P. Commentary on the operative investigative legislation of Russian Federation and foreign countries. Tutorial. Moscow: Examen; 2003: 544. (In Russ.); Theory of the operative investigative activity. Ed. by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky, G. K. Sinilov. Moscow: Infra-M; 2008: 832. (In Russ.); etc.

3. Дозорцева Е. Г., Афанасьева А. Г. Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4, № 3. С. 47—56; Баширова С. Г. Психологические основы получения показаний от малолетних свидетелей и потерпевших на предварительном расследовании: некоторые замечания и рекомендации // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2017. № 1, т. 2. С. 105—110; и др.

4. Бертовский Л. В. Особенности допроса детей в возрасте до 7 лет // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2015. № 3. С. 113—133; Бертовский Л. В., Билян В. Н. Международные стандарты осуществления уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних и их реализация в современном российском уголовном процессе // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7, № 10А. С. 12—21; и др.

Андрей Иванович Тамбовцев,
кандидат юридических наук, доцент;
bestcopat@mail.ru

Николай Владимирович Павличенко,
профессор кафедры уголовного права
и процесса
Сочинского института (филиала) РУДН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации;
pavlichenko.pro@mail.ru

3. Dozortseva E. G., Afanasieva A. G. Assessing the reliability of testimonies of minors. Journal of modern foreign psychology, 47—56, 2015. (In Russ.); Bashirova S. G. Psychological foundations for obtaining testimony from juvenile witnesses and victims during the preliminary investigation: some remarks and recommendations. Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev, 105—110, 2017. (In Russ.); etc.

4. Bertovskiy L. V. Features of interrogation of children under the age of 7 years. RUDN Journal of Law, 113—133, 2015. (In Russ.); Bertovskiy L. V., Bilyan V. N. International standards for the implementation of criminal proceedings involving minors and their realization in the modern Russian criminal process. Matters of Russian and International law, 12—21, 2017. (In Russ.); etc.

Andrei Ivanovich Tambovtsev,
candidate of juridical sciences, docent;
bestcopat@mail.ru

Nikolay Vladimirovich Pavlichenko,
professor at the department of criminal law
and procedure
of the Sochi Institute (branch) of the RUDN,
doctor of juridical sciences, professor,
honored lawyer of the Russian Federation;
pavlichenko.pro@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 10.11.2022.

* * *

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России. Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров. ISSN 2074-8183

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России». Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 22761.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных организаций;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.
2. Уголовный процесс.
3. Криминалистика.
4. Оперативно-разыскная деятельность.
5. Трибуна молодого ученого.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, дей-

- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристрастный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- код универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте mkolosovich@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400075, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: mkolosovich@mvd.ru

Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакция направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, после устранения замечаний проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакция журнала отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования принимается окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ствующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

ЗАЯВКА¹
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
 прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »

название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденным приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, перечню служебных сведений ограниченного распространения и документов, их содержащих, образующихся в деятельности органов внутренних дел, образовательных и научно-исследовательских учреждений МВД России, утвержденным приказом МВД России от 15 декабря 1997 г. № 825 дсп. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения²:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20____ *подпись* *фамилия, инициалы³*

¹ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

² Таблица заполняется на каждого автора.

³ Заявка подписывается каждым автором.